

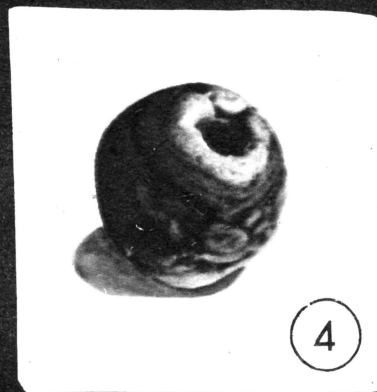
уральский

следопыт

№6* 1976**

ПОДАРКИ ДРЕВНЕГО УРАЛА

Обломки глиняных сосудов (2, 3, 5), шлифованные топоры, кремневые скребки для обработки шкур... Все это держали в руках первобытные люди. Наконечники стрел с пильчатым краем (1) — из эпохи ранней бронзы (начало II тысячелетия до н. э.). А вот глазчатая бусина (4) изготовлена в первых веках нашей эры...

Берега Аятского озера с глубокой древности были густо заселены человеком. К истокам реки

Аяти юных археологов свердловской школы № 37 и Дворца пионеров привел один из маршрутов экспедиции по изучению археологических памятников бассейна реки Исеть. Следопыты-археологи обнаружили неолитскую стоянку в 70 километрах от Свердловска. Она пополнила наши сведения о неолите, бронзовом и раннем железном веках на Урале.

Фото А. Лысякова

В номере:

Ю. Конецкий	2
ЗДЕСЬ ПРОЙДЕТ МАГИСТРАЛЬ. Стихи	4
А. Бабушкин	6
ОРЕНБУРГСКИЙ ГАЗОВЫЙ	8
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	17
А. Белозерцев	20
ПОД ЗНАКОМ АНТУРА	22
И. Шакинко	23
ИСТОКИ КАМНЕРЕЗНОГО ДЕЛА	24
В. Семенов	41
ЭРЬЗЯ НА ГРАНИЛЬНОЙ	45
В. Петров	46
ПОЭМА О ЧАСАХ	49
ЖИЗНИ БЕЗ БОРЬБЫ НЕТ	51
Г. Прашкевич	59
ШПИОН ПРОТИВ КОМПЬЮТЕРА	62
Ю. Липатников	63
САМОЛЕТ ИЗ ЯЙЦА!	64
Ю. Горбунов	65
АВТОР «БРЮХА ПЕТЕРБУРГА»	67
И. Андрианов	67
ФЕДОР И ХВЕДИР	72
Н. Широкова	77
НАЙТИ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА	78
Ю. Курочкин	
УФА, РЕКА УРАЛЬСКАЯ. Окончание	
Г. Зайцев	
МАРШРУТЫ КАМЕННОЙ СТРАНЫ	
Ю. Чернов	
ОБСКИЕ БАОБАБЫ	
Н. Дудников	
ОРЛИНАЯ ПАРА	
Ю. Нисковских	
РУЧЕЙ	
В. Зайцев	
СЛУЧАЙ В ОКЕАНЕ	
В. Бугров	
СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ ЗНАТОКИ	
Ф. Кривин	
ТРУЛЮЛЮПОВЫ ОСТРОВА	
М. Клипиницер	
ПРАДЕД АЛЕКСАНДРА БЛОКА	
МИР НА ЛАДОНИ	

Редакционная коллегия:
 Станислав МЕШАВКИН
 (главный редактор),
 Муса ГАЛИ,
 Алексей ДОМНИН,
 Спартак КИПРИН,
 Борис КОЛЕСНИКОВ,
 Владислав КРАПИВИН,
 Юрий КУРОЧКИН,
 Давид ЛИВШИЦ
 (заместитель главного
 редактора),
 Геннадий МАШКИН,
 Николай НИКОНОВ,
 Анатолий ПОЛЯКОВ,
 Лев РУМЯНЦЕВ,
 Константин СКВОРЦОВ,
 Игорь ТАРАБУКИН
 (ответственный секретарь),
 Владимир ТРУСОВ.

Художественный редактор
 Маргарита ГОРШКОВА

Технический редактор
 Людмила БУДРИНА

Корректор
 Майя БУРАНГУЛОВА.

Адрес редакции:

Индекс 620219

Свердловск, ГСП-353,

ул. 8 Марта, 8

Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
 Сдано в набор 27/II 1976 г.
 НС 12209.
 Подписано к печати 12/IV 1976 г.
 Бумага 84×108¹/₁₆.
 Бумажных листов 2,62
 Печатных листов 8,8
 Учетно-издательских листов 11,0
 Тираж 275 000.
 Заказ 139.
 Цена 30 коп.
 Типография издательства
 «Уральский рабочий».
 Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки — рис.

Н. ПАВЛОВА

Оформление 2-й стр. об-
 ложки З. БАЖЕНОВОЙ

© «Уральский следопыт», 1976 г.

ЛИТЕРАТУРНО-
 ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
 НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
 ДЛЯ ДЕТЕЙ
 И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
 СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
 РСФСР
 СВЕРДЛОВСКОЙ
 ПИСАТЕЛЬСКОЙ
 ОРГАНИЗАЦИИ
 И СВЕРДЛОВСКОГО
 ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
 С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
 СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
 КНИЖНОЕ
 ИЗДАТЕЛЬСТВО

№6 * 1976

УРАЛЬСКИЙ

СЛЕДОПЫТ

Здесь пройдет

Юрий
КОНЕЦКИЙ

Земляки

Пытливый взгляд, пожатие руки,—
так земляка встречают земляки.
И за таежный стол усажен он,
и жаль немного, что сухой закон,
зато чайком, похожим на цифирь,
здесь угощает матушка-Сибирь.

Кивают мне геолог-полевик,
и расчумаый мастер-буровик,
заخورшев от крепкого глотка:
— В тайге приятно встретить земляка.

Раскалена буржуйка докрасна,
беседа с чаем заполночь — вкуса.
И гостя, словно давнего дружка,
кладут в берлогу спального мешка,

и он, впервой почувствовав Сибирь,
на жестких нарах спит, как богатырь,
и, обогретый дружеским теплом,
блаженный храп катает, словно гром.

А у порога дремлет, спрятав нос,
ушами шевеля, приемный пес,
которого начальник наш назвал
великолепным именем «Урал».

Молодожены

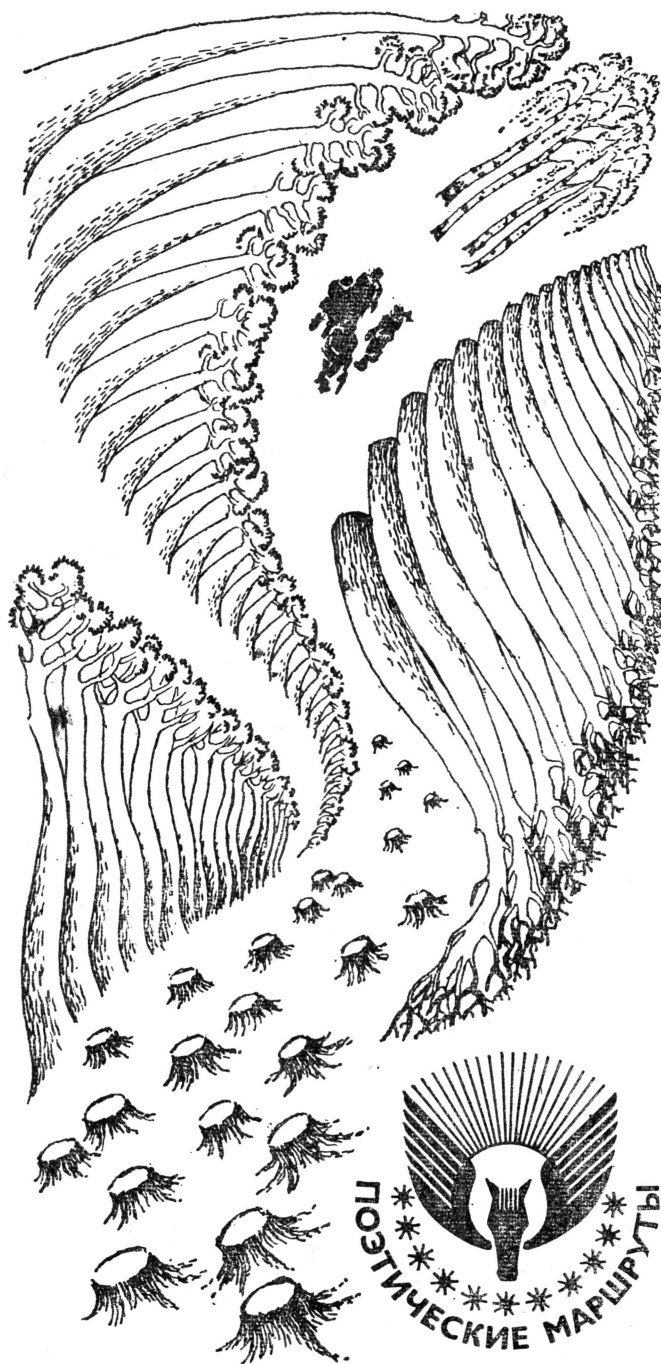
В вагончике — контора мехколонны,
где в клавишах мелькает маникюр,
где звуки стрекотливо-монотонны
и сводки отражают грузотонны,
и где всегда с отчетностью — ажур.

И голубым томлением сгорая
По лучшей жизни в городе большом,
свою ошибку ластиком стирая,
сидит на стуле машинистка Рая
под розовым пижонистым плащом.

И приговждает к листику ударом,
притопывая узкою ногой,
слова, что пахнут маслом и соляром,
ангаром, речкой, банею, пожаром,
цифирью, и Сибирью, и тайгой.

Ее Сергей работает на «КРАЗе» —
всегда чумаз, зато гремит, как ас.
Он из кабины этой не вылезит,
и хвалят шофера в сегодняшнем приказе —
о том она печатает приказ.

Она в поселке вянет-пропадает,
и шапки сопок ей не по нутру,

магистраль

и как полет совы над проводами,
здесь жизнь постыла этой юной даме
в вагончике, дрожащем на ветру.

Зато Серега, вырвав от дома,
возьмет меня и «КРАЗ» притормозит,
где экскаватор бухает весомо
в широкий кузов, наподобье грома,
гремячий груз — раздробленный гранит.

И тормоза поют слышнее скрипки,
когда разбега мощь укоротив,
мы пятимся на линии отсыпки,
качаемся потом, как дети в зыбке,
и мощный «КРАЗ» уносит нас, ретив.

Мне двадцать восемь. Может, я старею!
В вагончике, штормовку не содрав,
стихи у калорифера согрею
и посвящу их Рае и Сергею,
чей возраст юн, как их любовь, и прав

Просека

Здесь пройдет магистрали железная ветка...
И слоями качается дым бензопил,
от пикета к пикету спеша по разметке,
оставляя пеньки на пути и опил.

Жалко лиственниц, сбросивших шали хвоинок.
Тяжелеющий воздух — сплошной нашатырь,
перемешанный с резкою гарью бензина,
заползающей с треском в таежную ширь.

Подвернув сапоги, упоенно и грубо —
только жутко на лицах сверкают глаза —
эту просеку к Ларбе ведут лесорубы,
забирает их души горячий азарт.

Это — словно атака. Вгрызаются пилы,
и ломается, хрустнув, подкошенный ствол
вековечной тайги, чья плечистая сила
с амулетами недр сохраняет родство.

Через пару недель заколдует морозы!
Что притихли ребята ударных бригад!
Что умолкли моторы!
...Четыре березы,
ах, четыре березы на взгорке стоят.

В полной силе, как женщины, вышли на трассу.
— Ну, куда вы под поезд!
И голубоглаз,
их казнит из Рязани приехавший Вася,
до предела возможности вывернув газ.

Он бросает пилу у поверженных сучьев,
убегая по мари от просеки вбок,—

и темнеют ребята, как снежные тучи,
и струится меж пальцев дрожащий дымок.

Докурили. Пора приниматься, однако,
за работу. И снова взревела пила
и работают парни до звездного мрака,
и творят по-хозяйски лихие дела.

Гидролог

В замурзанной энцефалитке,
разбив о камни сапоги,
промокший до последней нитки,
Григорий вышел из тайги.

Ружье и груз на дне потока —
его «Цунами» ясным днем
на перекате неглубоком
перевернуло кверху дном.

Амурский край, а вот не юг же —
минусовая по ночам,
и, как состав, грохочет Нокжа,
над мокрым Гришей хохоча.

Он выбирался трое суток
по замерзающей тайге,
голодный, мимо жирных уток,
мелькающих невдалеке.

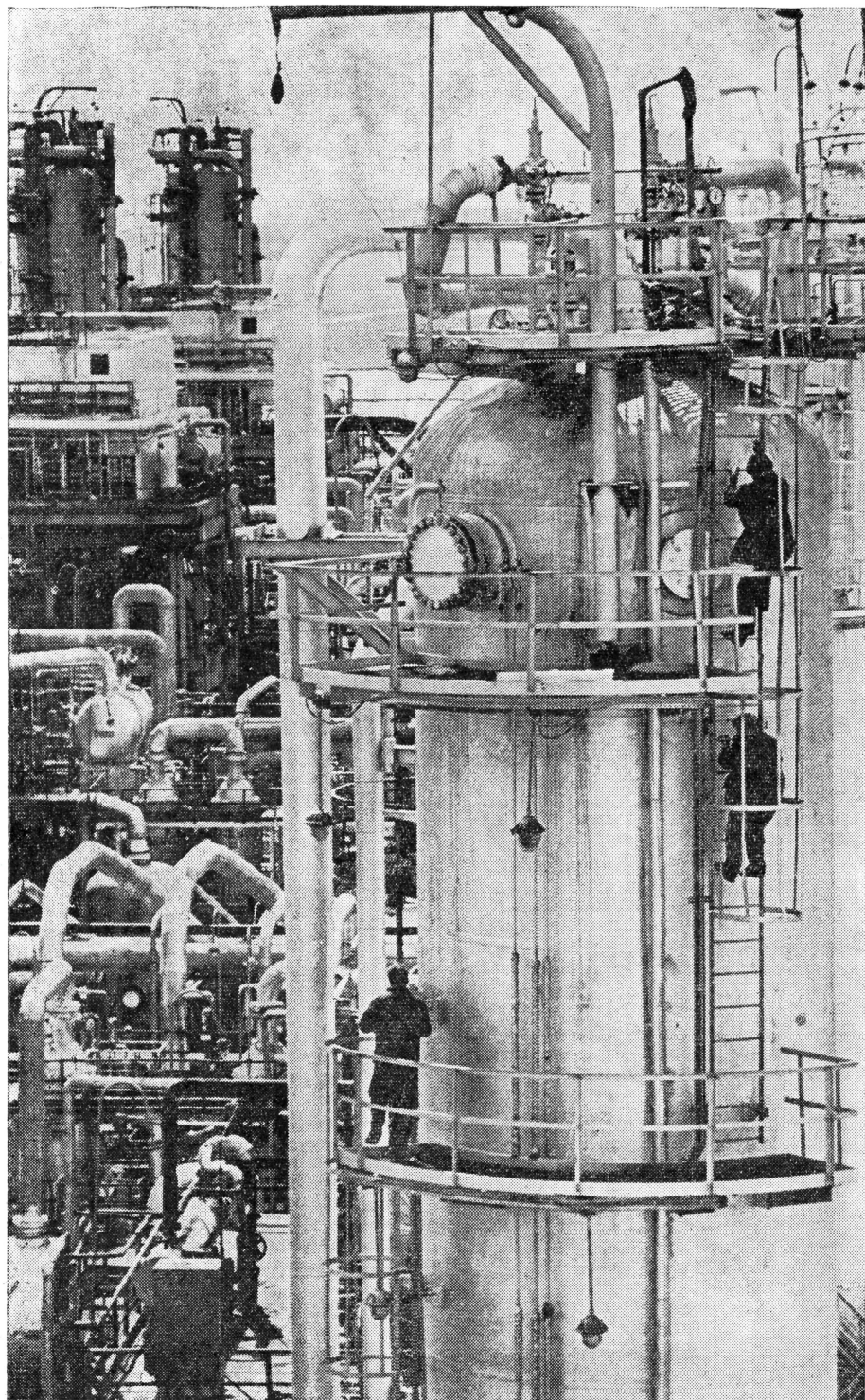
И, на палатки наши выйдя,
он долго пьет таежный чай,
на невезенье не в обиде,
что приключилось невзначай.

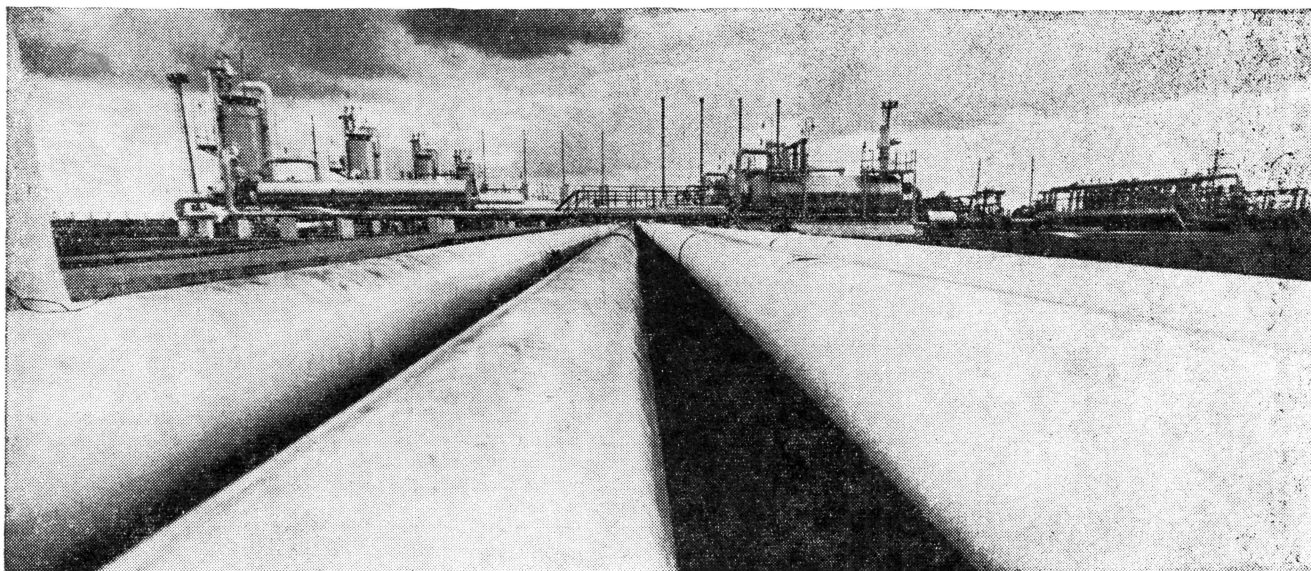
И у костра, на той полянке,
где трасса мужества пройдет,
он сушит прелые портянки
и вертолет из Тынды ждет.

Рисунки
В. Меринова

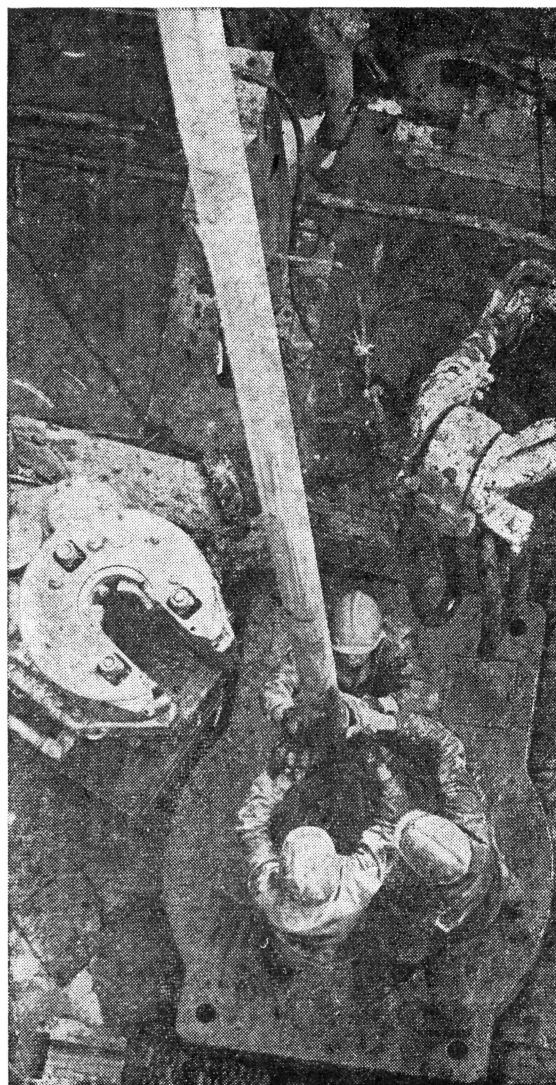
ОРЕНБУРГСКИЙ ГАЗОВЫЙ

«Комплексно использовать нефтяной и природный газы с получением из них конденсата, серы, гелия и других сопутствующих компонентов».

Основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы.

Разведочная скважина, пробуренная десять лет назад недалеко от Оренбурга, дала фонтан газа. Эта скважина оказалась счастливой, она открыла одно из крупнейших в мире газоконденсатных месторождений.

В минувшей пятилетке здесь построен крупный газовый комплекс. Его две очереди уже перерабатывают ежедневно 45 миллионов кубометров газа.

Оренбургский газ богат: в одном кубическом метре его содержится 65 граммов конденсата — ценного сырья для нефтехимии. В нем и большое количество серы. Поэтому газ, прежде чем он попадет к потребителю, проходит сушку и серочистку. На нефтеперерабатывающем заводе получают в сутки более 700 тонн высококачественной серы.

В решениях XXV съезда партии поставлена задача обеспечить дальнейшее формирование комплекса по добыче и переработке газа Оренбургского месторождения, построить с участием стран — членов СЭВ газопровод к западной границе СССР.

На снимках:

Отсюда газ отправляется на переработку.

Оператор.

Буровики продолжают разведку газа.

**Алексей
БАБУШКИН**

- **Красный генерал**
- **Королева цветов**
- **Мальчишки становятся офицерами**
- **Не пропал без вести!**
- **Арктическое эхо**

В первые дни Октября он присягнул на верность Советской власти. Человек недоюжной храбрости, полководческих способностей, бывший генерал царской армии А. В. Соболев возглавил 13-ю стрелковую красноармейскую дивизию и успешно сражался с белогвардейской Донской армией, был награжден орденом Красного Знамени. Однажды, 21 февраля 1920 года, в станице Аксайской (ныне город Аксай) Соболев с группой штабных работников был захвачен в плен внезапно прорвавшимися вражескими кавалеристами. Памятуя о воинской доблести бывшего генерала, белогвардейцы предложили ему перейти на их сторону. Соболев ответил: «Я работник Красной Армии, и не изменяю идее, которой служу!» Его расстреляли...

До недавнего времени о судьбе этого человека, его жизни и подвигах почти никто не знал. Аксайские следопыты воскресили имя героя. И вот по их ходатайству улица Больничная в Аксае названа теперь улицей имени Александра Васильевича Соболева.

дый спешит похвастаться нарядным костюмом. Но почему тогда композитор П. И. Чайковский именно ландыш считал королем цветов и посвятил ему стихотворение, почему во Франции ежегодно празднуется день ландыша?

Весь учебный год у юных натуралистов Лонгиской школы, что в Эстонии, прошел под знаком «Ландыша». Весной сходили в лес, выкопали несколько растений и посадили их на своем участке, организовали конкурс на лучшую композицию из цветов, провели «час сочинения» и викторину «Что я знаю о ландыше?»

А знают они многое. Начать хотя бы с названия. Из-за удлинённых листьев цветок нередко именуют козьим или кукушкиным языком, заячьим ухом, форма цветов подсказала другое определение — пастуший колокольчик. Ландыш полезен при болезнях сердца, в химии он используется для производства эфирного масла.

22 июня эстонские ребята возложили на братскую могилу букеты. Школьница Т. Руль прочитала на родном языке стихотворение: «Из лесной чащи принесла я белый цветок, мирный цветок, и положу его на могилу того, кто принес нам мир, в знак благодарности за светлую жизнь, за свободу, за мое, мамино и папино счастье».

Неброская красота у ландыша. А насколько обеднел бы мир красками, не будь этого тихого ласкового растения с тон-

ким мягким запахом. Звонит в лесу пастуший колокольчик...

Школа в городе Вадинске Пензенской области — самая обыкновенная. И мальчишки в ней учатся обыкновенные: пишут диктанты, решают задачи, играют в «Зарницу»... А после окончания школы многие из них поступают в военные училища, становятся курсантами, а затем офицерами Советской Армии. И есть тому объяснение.

В школе вот уже много лет существует клуб «Военный романтик». Это он провел операцию «Выпускники огненных лет», в результате которой родился школьный музей боевой славы. О многих фронтовиках-вадинцах рассказывают его экспонаты: о командире зенитно-артиллерийской батареи, ныне учителе школы Сергее Кондратьевиче Авраменко, принявшем бой в первый день войны; о Николае Максютове, взорвавшем мост через реку и задержавшем продвижение немцев к Москве; о роте лейтенанта Журавлева, отразившей восемь фашистских атак...

Клуб организует вечера «А ну-ка, парни!», «Офицер — профессия героическая», устраивает проводы своих воспитанников в армию, встречи с героями войны, юнармейские

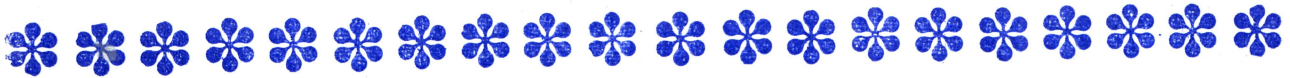

Среди пестрого много-травья не сразу заметишь прижавшийся к дереву скромный цветок. Ландыш словно задался целью ничем не выделяться на лесном карнавале, где каж-

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

баталии, которые проходят на высоте Безымянной.

В клубе «Военный романтик» сейчас числится около трехсот старшекласников.

Одну из последних своих операций клуб провел под девизом «Коммунисты военных лет». Ребята узнали фамилии всех своих земляков, вступивших в Коммунистическую партию в трудные годы войны.

ственный документ: «В августе 1941 года пропал без вести...»

Могилев... В этом древнем городе начинался жизненный путь известного исследователя Арктики академика О. Ю. Шмидта, с именем которого связана героическая челюскинская эпопея.

В городе создан мемориальный музей Шмидта. Следопыты собрали для него немало любопытных экспонатов. Одну из посылок получили из Владивостока. Письма, фотографии, пленки... Ледокол «Владивосток» совершил кругосветный поход. На фотографии запечатлены минуты чествования подвига легендарных челюскинцев: возвращаясь из Арктики и пересекая координаты гибели «Челюскина», моряки опустили в волны венок.

Есть здесь материалы гидрографической экспедиции, рассказывающие, как был отыскан корабль. Более точно определено местонахождение затонувшего судна: оно на 950 метров в стороне от места обозначенного челюскинцами П. К. Хмызниковым и Я. Я. Гаккелем 14 февраля 1934 года. «Челюскин» находится на глубине 50 метров; установлено, что судно хорошо сохранилось.

Могилевские следопыты ждут того времени, когда корабль будет поднят со дна морского: ведь «Челюскин» — память о целом поколении первопроходцев.

Следопыты знают, что разыскивать пропавших без вести особенно трудно. Вот как нашли двух солдат ученики Алтышевской восьмилетней школы Алатырского района Чувашской АССР.

Судьбу М. С. Кипкаева удалось установить по письму однополчанина, на глазах которого солдат погиб. Имя Кипкаева по ошибке не было включено в список погибших. Стало известно, в каких частях он воевал, какой путь прошел, за что был награжден орденом Красной Звезды, где захоронен.

Ключом к поиску другого солдата, Николая Болонина, стала заметка в газете «Труд» за 1960 год. В ней рассказывалось о совместной борьбе французских и советских партизан и было упомянуто имя солдата. Отряд был сформирован из бойцов, бежавших из фашистского плена. В дальнейшем поиске выяснилось: считавшийся пропавшим без вести Николай Болонин погиб в бою на магистрали Тулуза — Лион, вблизи села Ля-Кальметт, и там похоронен.

...А ведь долгое время черту фронтовой биографии героя подводил един-

Археологическая выставка открылась в школе № 1 города Цимлянска Ростовской области. Она включила в себя более двухсот экспонатов. Самым старым находкам — шесть тысяч лет; самые «младые» относятся к периоду позднего средневековья.

Материалы о десяти своих земляках, повторивших подвиг Николая Гастелло, собрали ученики школы № 15 г. Владимира. В школе действует «Музей огненных пилотов».

Почетным пионером дружины средней школы в поселке Тракт (Коммуна АССР) стала бывшая фронтовая медсестра М. С. Вавилина, вынесшая с поля боя не одного бойца. Мария Семеновна и сейчас трудится на медицинском посту.

Музей «Непокоренная Белоруссия» открыт в школе № 12 г. Балашихи. Экспонаты для него ребята из Подмоскovie привезли после поездки в Брест, Хатынь, Барановичи.

В 1942 году шесть альпинистов, мастеров спорта вывели горными тропами через перевал Бечо на Северном Кавказе 230 детей и всех взрослых жителей г. Тырныауза, к которому рвались горные стрелки фашистской дивизии «Эдельвейс». Той же дорогой прошли сегодняшние школьники. На перевале установлен обелиск с надписью: «Детям войны от юных туристов Кабардино-Балкарии».

Три музея действуют в школе № 8 г. Каспийска: класс-музей В. И. Ленина, музей боевой славы имени дважды Героя Советского Союза Султана Амет-хана и краеведческий музей, где более 1300 экспонатов

рассказывают об истории Дагестана.

Школа № 1 г. Конотопа носит имя Миши Немолота, комсомольца-разведчика, погибшего в войну. В классе-музее хранятся его рисунки и поделки, а за партией героя сидят лучшие ученики.

Однополчане саперы Владимир Наточев и Муштафа Бердыев виделись в последний раз в Минске — после войны они очищали город от мин, авиабомб, снарядов. И вот нынче Бердыев собирается приехать в Минск, а Наточев — в отпуск, в Туркменистан. Фронтowym друзьям помогли связаться следопыты Ашхабада и журналисты газеты «Туркменская искра».

Киностудия «ДЕФА» сняла фильм о музее школы № 235 города Ленинграда. В этом музее собраны экспонаты на тему «Искусство в борьбе с фашизмом»: партитура Седьмой симфонии Дмитрия Шостаковича, письма погибших артистов, пробитый осколком футляр скрипки... Фильм о ленинградском школьном музее с успехом демонстрируется на экранах ГДР.

Открылся музей боевой славы в школе № 36 города Сыктывкара. В музее есть богатая экспозиция о жителях Сыктывкара, защищавших Ленинград. Следопыты школы отмечены за этот поиск знаком «Ленинградский плацдарм».

Две благодарственные грамоты, подписанные командиром Чехословацкого корпуса Л. Свободой, хранятся в школьном музее села Веселого Тамбовской области. Эти и десятки других экспонатов рассказывают об участии веселовцев в Отечественной войне.

ПОД ЗНАКОМ АНТУРА

**Анатолий
БЕЛОЗЕРЦЕВ**

**«Не обманывай
себя и других»**

*Очерк А. Белозерцева
посвящен самобытной фигуре
жолдобого зоолога Алексея Белкина.*

*Алексей Белкин
избрал трудный путь
служения науке.
Уже первые шаги ученого
были ознаменованы
замечательным открытием.*

*Исследователь был полон
творческих замыслов.
Но они не осуществились.
Столь блистательно начатый путь
был прерван
трагической смертью.*

*Некоторые фамилии
в очерке «Под знаком Антура»
изменены,
в нем использованы
рассказы друзей Белкина,
его дневники и письма.*

Ох и трудным оказался для Лешки этот теплый солнечный день. «Вот тебе и «зрелый», вот тебе и «самостоятельный!» — сокрушенно думал он. — Но как же все-таки быть? С кем посоветоваться?» Решил написать в «Комсомольскую правду».

30 июня 1956 года.

«Здравствуй, «Комсомолка»!

Каждый день тебе пишут тысячи таких, как я. Многие письма ты печатаешь, споришь с их авторами, помогаешь своим участием. А большинство, наверное, содержат чепуху и только отнимают у тебя время. И все-таки я рискнул...»

Кажется, еще совсем недавно играл с ребятами в лапту, в прятки (около их дома лежала старая рассохшаяся лодка — часто там и прятались). Улица Павлика Морозова в Карабаше круто поднимается в гору, и дом Белкиных находится на самой верхотуре. Мальчишки набирали плоских камешков и запускали их — чей дальше улетит.

Зимой братья (их было пятеро) выпрашивали у отца Никифора Николаевича большие сани и катались с горы. Неизвестно кто «окрестил» эту гору, но все привычно называли ее Белкиной.

В тяжелую годину Великой Отечественной вместе со всеми трудился и старый Карабаш.

Лешка помнит, как носил отцу на рудник скудный обед: печеную картошку, тыквенную кашу или пареную брюкву. Помнит, как с матерью уходили за Карабаш собирать на пустынных осенних полях редкие оставшиеся колосья, пожелтевшие стручки гороха.

«Словно вчера все это было, — удивляется Лешка. — Даже не верится».

Он встал со стула, подошел к висевшей на стене балалайке, тронул струны. Потом вернулся к столу и продолжал прерванное письмо.

«Школу закончил без медали, но и без «международных». Сейчас, когда я «на пороге самостоятельной жизни» не знаю, куда пойти, какую выбрать профессию. Любил физику и химию, но теперь почему-то остыл к ним.

С детства увлекаюсь музыкой. Последние годы занимался в музыкальном кружке при Доме культуры. Наш руководитель советовал мне: «Поступай в музыкальное. Музыка — твоё призвание». А я так полагаю: Моцарт уже в семь лет писал бессмертные шедевры. Первый русский балалаечник Андреев с малых лет покорял игрой. А если из меня ничего не вышло к восемнадцати годам, какой прок идти в музыканты? Чтобы обманывать себя и других?..

Мне ближе природа».

Алексей БЕЛКИН

Лешке хочется написать о многом — и о соснах, звонких и красных, словно карабашская медь, и о том, как однажды весной ходил с ребятами в лес и отказался брать из птичьих гнезд свежие яйца («жалко будущих птенчиков»). В открытое окно, источая аромат, лезут мягкие ветви пихты. Лешка еще в детстве принес из леса крохотное деревце и посадил в палисаднике. Мать говорила: «Зря стараешься, сынок. Пихте нужна тень и сырость». Мальчик окружил деревце кустами смородины и калины, поливал чуть не каждый вечер. И вот пихта вымахала выше дома. «Писать обо всем этом, вряд ли стоит, — думает Лешка, — а вот про опытный участок, пожалуй, надо».

Сколько мороки было с этим опытным участком! Лешка выращивал южные огурцы, китайские помидоры, цветную капусту. Весной ударили заморозки, и все погибло. Для Лешки это было уроком. На следующий год он на ночь покрывал огуречную грядку старой одеждой, кустики томатов обвязывал газетами. А осенью собрал богатый урожай и на школьной выставке получил первую премию.

Лешка решил также написать про рыбалку и охоту с ружьем. «Неужели это чудачества, как думают другие?» Когда ему исполнилось шестнадцать, получил в

подарок охотничье ружье. Но на охоте он вел себя не менее «странно», чем на рыбалке. Бывало, уйдет с мальчишками на Богородский пруд. Те с утра до вечера с поплавок глаз не сводят, а он то необычный папоротник встретит, то какую-нибудь гусеницу найдет.

— Чудак! — смеялись друзья. — Ухи-то из гусеницы не сварить...

«Чудаком» оказался и на охоте. Кругом — озера. Уток немало. Другие запросто отстреливали по дюжине. А у него главный интерес — добыть экземпляр для чучела. И не ради украшения комнаты, а чтобы больше узнать.

Письмо Лешка закончил так:

«Друзья считают мое увлечение зоологией несерьезным. Дескать, несвоевременно. Ядерная физика, кибернетика — это да! А что твои жучки-паучки? О них все давным-давно известно...»

Посоветуйте, как мне быть...»

Недели через три пришел ответ.

«Уважаемый А. Белкин!

Не зная Вас, трудно дать какие-либо определенные советы. Хочется сказать одно, науке нужны не просто физики и химики, а физики и химики, преданные своему делу всем сердцем. Только в этом случае от ученого или специалиста будет польза.

Как ядерной физике, химии, кибернетике, так и зоологии нужны люди, преданные ей всем существом. А в том, что они нужны, не сомневайтесь. Пусть вас не смущает, что зоологии известны всякие «жучки-паучки». До Дарвина тоже было немало известно. Кто знает, может, и наших современников ждут в этой древней науке неожиданные открытия.

Сообщаем: в Иркутске находится сельскохозяйственный институт, при нем имеется зоотехнический факультет с охотоведческим отделением.

Желаем вам найти свое место в жизни!»

«Ты — охотовед!»

Поезд в Иркутск прибыл рано. По росистым мостовым расплескалось горячее солнце. Лешка засмотрелся на реку. Она быстро несла чистые байкальские воды, посеребренные бликами. Сколько слышал о ней, а не представлял, что Ангара такая красивая.

Подойдя к берегу, порылся в кармане пиджака, нашел монету и, обернувшись спиной к реке, бросил ее через левое плечо: «На счастье!»

...И вот — первая пятерка. Когда в списке абитуриентов увидел ее против своей фамилии, глазам не поверил. Однофамилец? Нет. Другой такой фамилии не оказалось. Потом второй экзамен, третий, четвертый и — тоже «отлично».

Конкурс — шесть человек. Поступали с трудовым стажем, некоторые поработали уже промысловиками. Что он в сравнении с ними? Школяр, у которого, кроме аттестата, ничего не было.

Деньги, которые дали на дорогу, кончались. И Лешка решил поправить пошатнувшееся финансовое положение — поступил дворником в цирк.

И вот как-то, придя с работы, услышал:

— Кончай, Леша, цирковую деятельность. Ты — охотвед!..

Потекли, побежали студенческие будни. Первые лекции, первые зачеты, первые бессонные ночи за грудой учебников.

Еще во время приемных экзаменов Лешка познакомился с камчадалом Геннадием Косыгиным. Глаза у него узкие, брови широкие, лицо скуластое, обветренное. Коренаст, широкоплеч. Походка тяжелая, уверенная. Ни перед кем не заискивает, сдержан — ни слова лишнего. Косыгин лет на десять был старше Белкина, но это не помешало им сдружиться.

Счастливая весна

Весна 1958 года принесла Алеше счастье.

Все началось раньше, с первых дней второго курса. Однажды он мчался по лестнице и увидел незнакомую девушку. Она стояла у широкого окна, освещенная солнечным светом, вся какая-то нежно-голубая. Голубые туфли, голубое платье, даже белокурые волосы казались голубыми. Но особенно Алешу поразило лицо. Оно было совсем не таким, как у других.

А через несколько дней, войдя в деканат, он опять увидел ту же самую девушку. Она сидела за секретарским столом. Взгляды их встретились.

С тех пор его мысли почему-то все чаще возвращались к ней. Еще когда учился в школе, к нему приходили домой одноклассники. Но они — за учебниками или спisać домашнее задание, и о них Лешка не думал. А тут сидит на лекции или готовится к занятиям — и вдруг начинает думать о ней, о Люсе из деканата.

Любовь у Алеши и Люси оказалась взаимной и крепкой.

...Они сидели смущенные, словно в чем-то провинились. А кругом — «зверофаковцы». Первая комсомольская свадьба на зоофаке!

За несколько дней до этого члены оргкомитета объявили конкурс. Лебедев заявил: «Если театр начинается с вешалки, свадьба — с приглашительного». И показал проект. На нем — снимок здания института, по углам — овалы портреты молодоженов. Оформление — таежный пейзаж.

Когда проект пошел по рукам, кто-то присвистнул от восторга. Лишь Косыгин остался сдержанным. «Если хотите нарисовать таежный пейзаж, не забывайте: тайга никогда не обходилась без медведя, белки и сибирской лайки», — заметил он.

И вот теперь каждый член оргкомитета ревностно выполнял свои обязанности. Лебедев дежурил у входа — отбирал у гостей изобретенные им приглашительные билеты и накалывал на оленье рога. Лена Синицкая от имени присутствующих вручила молодоженам часы, Вера Максимова — пятикилограммовый торт. Следом за ними подошли Геннадий Косыгин и Сергей Поле. Они, расцеловав виновников торжества, преподнесли им арбуз с шампанским.

Декан факультета произнес короткую речь.

— Люся — незаменимый работник в деканате, Ле-

ша — способный студент, отличный комсорг. За другого парня мы ни за что и не отдали бы нашу Люсю, — улыбнулся декан. — Счастливой семейной жизни!

Когда крикнули «Горько!», Леша с Люсей покраснели, испуганно взглянули друг на друга и чмокнулись в пылающие щеки.

Поднялся профессор Скалон.

— Мне вспоминается письмо великого Дарвина, которое он отправил своему коллеге и другу Гексли, только что вступившему в брачный союз: «Надеюсь, женитьба не вызовет у вас расположения к праздности. Боюсь, что счастье дурно отражается на работе». Дарвин даже не предполагал, что для Гексли искушение таилось не в праздности, а в работе сверх меры. Семья значила для него ничуть не меньше, чем наука, и тем не менее он так редко бывал с женой и детьми, что называл себя «постояльцем».

Алеша — перспективный зоолог. После летних каникул он привез в институт богатейший гербарий уральской растительности. А посмотрите, какие чучела сделал. Какую роскошную сову! Великолепного болотного луня! Красавицу-ворону! У него превосходные качества орнитолога: наблюдательность, терпение, настойчивость. И что самое важное — научное видение. Вам, Алеша, настоятельно рекомендую всерьез заняться научной работой.

Я пью сегодня за одержимость! Пью, как поется в песне, «за яростных, за непокорных...»

По морям, по волнам...

Осенью в Иркутск приехал сотрудник Тихоокеанского научно-исследовательского института рыбного хозяйства и океанографии (ТИНРО) Кузнецов. Алексею понравился этот серьезный, невозмутимый человек. Как-то он рассказывал Белкину и Косыгину о последней экспедиции по изучению ластоногих.

— Как, вы и в океан ходили? — удивился Алексей.

— Куда же еще?

— Вы говорили, что у вас не хватает людей... А если мы с Геннадием попросимся?

— Вы? Что ж, можно и вас. А как с сессией?

— Мы ее раньше сдадим! — уверенно ответил Косыгин.

Километры, километры, километры... Стучат колеса вагонов. За окнами, как нацеленные в небесную высь ракеты, замерли на косогорах серебристо-зеленые ели и пихты. Чувствуется дыхание весны. Светит помолодшее солнце.

Алексей записал:

«Дальний Восток!.. Необыкновенная страна. Без конца и края. Приехать сюда — все равно что попасть на другую планету...»

Поезд пришел во Владивосток вечером. Шальной ветер, пропахший морскими водорослями, носился по улицам то поднимающимся на косогоры, то сбегаящим к берегу залива.

Институт оказался в центре города. Здесь, в лаборатории ластоногих, переночевали, а утром направились к директору Кириллу Ивановичу Панину.

— Вижу, что друзья и что, наверное, хотелось бы остаться вместе, — говорил директор. — Но в экспедицию

отправляются два судна, и на каждом нужен лаборант. Придется вам временно разлучиться.

...Утром Белкин открыл глаза и зажмурился. Солнечные лучи били откуда-то сверху, сквозь толстое стекло, и заливали всю каюту.

Алексей вышел на палубу «Крылатки» и оцепенел. Над горизонтом поднималось солнце. И, радуясь ему, море играло густыми, сочными красками.

Но к вечеру подул порывистый ветер. Серые волны то выбрасывали шхуну куда-то в поднебесье, то кидали чуть ли не на морское дно.

Белкин вцепился в койку. Кружилась голова, тошнило. Когда в каюту вошел капитан Политовский, на Алексее не было лица.

— Здорово вас перевернуло! — посочувствовал Сергей Аполлинарьевич. — Крепитесь! Со всеми бывает...

«Интересно, как себя чувствует Косыгин на «Ляхтаке»? Так же «травит»? Пожалуй, нет. Ведь он — камчадал...»

На рассвете шторм утих. Белкин поднялся на палубу. Его слегка покачивало. Сергей Аполлинарьевич будто и не спал в эту ночь — уже на капитанском мостике.

Начинался рабочий день. Сегодня — охота за котиками. Первого тюленя увидели к полудню. Он быстро передвигал передними лапами, а задними ловко управлял движением. Слово обрадовавшись, что встретил шхуну, развернулся и, оттолкнувшись, выпрыгнул из воды. Навстречу судну несясь темно-коричневый, почти черного цвета зверь. Возле борта он с шумом плюхнулся и повернул обратно. Грохнул выстрел.

Котика доставили на борт. Белкин и два матроса в присутствии Кузнецова измерили его и начали взвешивать. Когда стрелка весов приблизилась к двумстам и застыла, Алексей произнес с изумлением:

— Ничего себе, котик! Около двух центнеров.

Шкуру разрезали вдоль живота и стали снимать.

— Ее надо снимать вместе с подкожным жиром, чтобы не испортить. Такую шкуру называют хоровиной, — объяснил Федор Лукьянович.

Голову выварили в котле, чтобы сохранить череп для изучения.

Кузнецов советовал:

— Смотри внимательнее, Белкин. Зоолог должен быть силен не только в теории...

Алексей все видел впервые — и бескрайние просторы, и драгоценного пушистого зверя — котика, и морских птиц. Он едва успевал заносить впечатления в дневник. А с наступлением темноты, когда шхуна ложилась в дрейф, наблюдал за ночной жизнью обитателей моря.

Однажды Алексей услышал, как за бортом свистят какие-то птицы. Включил свет, и они стали слетаться в каюту. Оказалось — конюги.

Одна из конюг уселась Алексею прямо на лоб, и он почувствовал ожог. Схватил птицу и обнаружил, что у нее невероятно горячие лапки. «Так вот, оказывается, как птицы отдают лишнее тепло! Вот почему у них не бывает теплового удара, хотя тело покрыто густым пухом и толстым слоем жира!..»

Догадку тут же решил проверить. Налил в стакан воды, опустил в него лапки конюги, замерил температуру. Потом выпустил птицу. поймал, снова опустил ее лапки в стакан с водой и второй раз замерил. Температура поднялась.

— Все правильно! — обрадовался Алексей. — Тепло уходит через лапки. Как просто!..

В эту ночь он больше не спал: в мельчайших подробностях описывал в дневнике опыты с конюгой.

21 марта 1959 года.

«От Людмилушки нет ничего. Вот что значит дороги жизни. Ведь только были вместе. Пришел день — и одна осталась в Сибири, другой болтается по волнам Тихого океана».

26 марта.

«Милая, почему молчишь?»

Утром, когда помогал коку чистить картошку, уборо-

щица Лина рассказывала мне, что роды бывают разные. В душе начинаю каяться, что поехал в экспедицию...

Сегодня выходил с первым ботом, на борту его нарисована морда тюленя. Зыбь хоть и большая, но охотиться можно. Здорово же «летать» на боте по волнам, прыгать с одной на другую! Впервые испытал вкус морской водицы. И вправду соленая. Промокли, когда возвращались.

Любопытные вещи рассказал радист Василий Михайлович Гилен. Моржи не оставляют раненого товарища в беде — сталкивают со льдины и уводят с собой. Чудо, да и только!..»

Снова дал телеграмму, теперь уже теще: «Почему молчите?..»

27 марта.

«...Вечером, когда мы с боцманом разговорились (у меня весь день было почему-то прекрасное настроение), открывается дверь, радист, Василий Михайлович, улыбаясь, подает мне телеграмму, поздравляет. Читаю и глазам не верю. Сын! Володька, мой Володька!

В честь такого события установилась штилевая погода...

Люда, родная! Теперь мы — целая семья из трех «бельчат».

Москва, МГУ

Белкин и Косыгин снова приехали в ТИНРО — на преддипломную практику.

В полночь прозвучали три прощальных гудка, и «Крылатка» взяла курс на Курильские острова.

Вернувшись из экспедиции, Алексей подготовил статью «Эмбриональные линька и смена зубов у морских котиков как адаптивные признаки». Познакомившись с ней, Альфред Берзин, заведующий лабораторией по изучению китообразных, пошутил:

— Если, Лешка, дальше так будешь заниматься наукой, нас всех выгонят из ТИНРО.

— Зря волнуешься, — ответил Алексей. — Одному мне со всем не управиться.

Белкин не удержался от соблазна, показал работу профессору Томилину.

— Вы, молодой человек, не представляете, что написали! — загораясь, говорил профессор. — Это тема не только для диплома — для кандидатской диссертации. Но для этого необходимо развить свою мысль, углубить ее. Непременно прочтите Соколова, Иванова, Уразова, а из зарубежных коллег — Аллена и Вебера...

В октябре, когда Алексей готовился в Иркутске к защите диплома, его вызвал декан.

— Наслышан о ваших успехах. Очень приятно, — начал он. — Я пригласил вас вот по какому поводу. Приближается 250-летие со дня рождения Ломоносова. В Москве в МГУ состоится конференция, посвященная этой дате. Предлагаем выступить.

Вскоре Белкин вылетел в Москву. Его выступление на конференции получило высокую оценку. Но Алексея не покидало смутное чувство. Он вспомнил, как оробел при виде ученых и своих сверстников и как говорил, словно не своим, а чужим голосом. А руководитель секции зоологии профессор Лебедев сказал: «Вы, Белкин, сделали интереснейшее сообщение. Тезисы опубликуем в «Вестнике МГУ»...

«Белые пятна» в науке

1 марта 1962 года.

«Синеглазка моя!

На рассвете, только-только взошло солнце, на горизонте показался Петропавловск-Камчатский.

Город — в огромной чаше между сопок и на склонах. Мартовское светило, огромное, лучистое, словно его драили всю зиму, выплывало из-за крыш поднебесных домиков и, перевалив через них, вышло на эту сторону вершин. И зажурчали, зазвенели солнечные ручейки по склонам к самому синему морю...

Только ради того, чтобы увидеть это своими глазами, стоило семь верст киселя хлебать.

Работы хоть отбавляй. Никогда еще столько не было. Кручусь, верчусь, как белка в колесе. Осунулся, похудел. Увидела бы — напугалась.

Только что изложил Берзину свою точку зрения о происхождении ластоногих. Он — мне: «Поторопись с публикацией — кто-нибудь опередит». Ну и пусть! Как же без доказательства? Нет, потрачу год-два, но разберусь во всем. А если, дай бог, докажу гипотезу, это — шаг вперед.

Эх, Люся-Люсенька! Дали бы год-полтора спокойно поработать. Сколько нетронутого материала! Никогда не думал, что в зоологии так много «белых пятен». Трудись хоть день и ночь — хватит на всю жизнь.

Накануне выхода в океан прислали «Тезисы 3-й Всесоюзной конференции молодых ученых-биологов». В сборнике опубликовано и мое сообщение. Под ним стоит подпись: «А. Н. Белкин. Иркутский сельскохозяйственный институт». А я уже научный сотрудник ТИНРО».

24 марта.

«...Сегодня Вовке — три года! Жаль, не могу быть на его дне рождения. Пусть не обижается. Готовлю ему сюрприз. Хорошо, если бы и он сделал подарок: вырос сантиметра на два, а лучше — на все три.

Впереди — бухта Край Света. Может, удастся отправить это письмо и посидеть на краю света, свесив ноги.

Знали бы вы, как я соскучился без вас, мои «бельчата»! Обнимаю крепко. Целую.

Ваш бездомный.»

7 июня 1962 года.

Бухта Моржовая.

«Здравствуйте, дорогие мои папа, мама, Коля, Таня, Слава и Инна.

Папа правильно как-то писал: время уходит, оставляя следы в нашей памяти. Побывал с экспедицией в далеких местах, где живут одни морские звери да птицы.

31 мая наше судно вышло из Владивостока и полным ходом направилось в Охотское море. Следуем на Командорские острова.

Страна контрастов — Камчатка. Здесь легко уживаются «лед» и «пламень» — между полями снега растут цветы и сочные травы. Солнце садится поздно, а ночь длится всего два-два с половиной часа, потом снова занимается рассвет. Коротко лето в этих краях, но летят и летят из жарких тропических стран на родную и милую Камчатку птицы...»

12 июля.

«Никогда не забуду, с каким волнением подходили мы на боте к скале Котиковая. Есть ли на ней тюлени? Какова же была наша радость, когда увидели массу зверей, которые лежали буквально на каждом камне!

Котики виднелись и на вершине скалы. Попробовали высадиться на берег, но хозяева нас не пустили. На следующее утро (по молодости лет!) сделали отчаянную попытку — втроем (больше желающих не нашлось) высадиться на скалу с баграми. Босиком, чтобы не скользили ноги на мокрых камнях, карабкались до верхотуры. Дорогу преграждали разъяренные самцы — секачи. Представьте, что со злобным ревом, брызжа слюной, на вас кидается зверь весом 200—250 килограммов. Бежать? Котики по существу бегают не хуже человека. Бывало, на нас нападали сразу пять секачей. Причем со всех сторон. Тогда мы организовывали круговую оборону и отбивались баграми...

Несмотря на все опасности, провели полный учет зверей. Оказывается, стадо растет! Если С. К. Клумов и С. Д. Перелишин в 1955 году на островах Каменные Ловушки насчитали около двух тысяч котиков, то мы — около трех с половиной. На будущее собираемся детально обследовать все Курилы. Ведь если сохранить здесь и создать условия для роста стада, это сулит большие практические выгоды».

9 декабря 1962 года.

Владивосток.

«Здравствуйте, дорогие!

В помощь мне дали лаборанта, так что работаем с полной нагрузкой. Я открыл существование третьего (вернее — первого по счету и времени образования) кожного покрова у ластоногих.

Иностранные ученые отрицают утробную линьку у ушастых тюленей. Мне же удалось обнаружить, что в ходе эмбрионального развития кожи ластоногих сначала формируется первичный кожный покров. Более того, у некоторых тюленей в утробе матери совершаются две линьки (!).

Подобных явлений нет ни у одного вида сухопутных животных. Представляете, что это такое?! А это лишь начало. Планы мои великие. В конечном итоге через кожу и ее строение думаю подойти к систематике тюленей.

Я чувствую, на мою долю выпало большое научное дело. Теперь одна из основных задач — закрепить за собой свою же работу. Вот почему домой хожу только спать, все остальное время — за рабочим столом. Чувствую себя счастливым — как никогда».

Кто прав?

В сентябре 1963 года в Ленинграде, в Зоологическом институте Академии наук, проходило совещание. В нем принимали участие видные ученые.

Сообщение Белкина не было предусмотрено программой. Более сорока ученых уже отчитались о работе своих институтов, исследовательских групп, лабораторий. Многое было важным, наиболее важным. Объемистый блокнот Алексея заполнился записями.

Когда Алексей обедал в буфете, случайно услышал свою фамилию. Мужчина, сидевший за соседним столиком, спрашивал у коллеги:

— После обеда выступает некий Белкин. Кто такой — не знаете?

— Знаю пушкинского Белкина. Но тот, как известно, плод фантазии. А про этого слышать не приходилось. Алексей вышел, не закончив обеда.

Когда профессор Бердичевский объявил: «Слово имеет старший научный сотрудник ТИПРО Алексей Никифорович Белкин» — он вздрогнул и торопливо направился к кафедре.

— Я сделаю сообщение «Морские животные Курилы», — начал Алексей. — Прошлой и нынешней весной мы провели научные экспедиции на Курильские острова. Несколько минут он читал, а потом, справившись с волнением, отложил в сторону печатный текст.

Постепенно прекратился шелест газет, внимание участников совещания все больше привлекал выступавший. Его слушали, кто — с недоверием, кто — с удивлением.

— Во время экспедиций мы обнаружили новый вид тюленя. Тридцать третий...

Он сказал это звонко, твердо. В зале воцарилась тишина. А потом...

— Как новый вид?

— Откуда взялся этот тридцать третий?!

— Тише, товарищи! — стучал по графину председатель.

Белкин, окинув взглядом зал, произнес уверенно:

— Да, на восточной окраине нашей страны, а также на островах Алеутских, Прибылова и Хоккайдо обитает черный тюлень со светлыми кольцами.

Он говорил о том островном незнакомце, которому полтора года назад около острова Шикотан пришлось заплатить жизнью ради науки, не упоминая об обстоятельствах этого открытия.

А дело было так: Алексей подолгу беседовал со старыми моряками, интересовался: не встречали ли они подобного черного тюленя? Однажды шхуна догнала зверобойное судно «Воямполка». О его капитане Вершинине ходят в Приморье легенды: тридцать лет плавал в океане, все видел... Все? И Белкин решился на такой эксперимент: погрузил на бот животное и подплыл к «Воямполке». Бывалый капитан не смог сдержать удивления: «Что за зверь?..» Всю ночь Алексей листал записи наблюдений. А утром послал радиограмму в институт — впервые отважился заговорить о своих мыслях вслух. Даже имя дал тюленю — островной...

В поисках сведений о новом звере рылся в библиотеках Южно-Сахалинска, Петропавловска-Камчатского, Владивостока...

— Нам стало известно, — продолжал Белкин, — что в 1942 году японский исследователь Инукаи Тетсуо сделал сообщение о разновидности тюленя необычной окраски, который живет на Курильских островах и восточном побережье острова Хоккайдо. Не приведя размеров тела, черепа и не описав его, он на основании особенностей окраски волосяного покрова определяет это животное как изменившуюся форму ларги. Американский биолог Виктор Шеффер, анализируя сообщение Инукаи, приходит к заключению, что это «совершенно определенно ларга».

Мы собрали новые материалы по морфологии и экологии своеобразного курильского тюленя, которые позволяют рассматривать его как самостоятельный вид...

— Череп, молодой человек! — раздался в середине зала голос Серебровского, известного биолога.

Алексей смутился.

— Где череп вашего тюленя? — еще настойчивей повторил Серебровский.

Алексей наклонился, взял внушительный бумажный сверток, развернул его и поставил череп рядом с микрофоном. На красной полированной трибуне, огромный, с пустыми глазницами и слепительными зубами, он выглядел необычно и вызывающе.

По залу прокатился гул.

Когда все успокоилось, Белкин продолжил сообщение о своей находке. Теперь он говорил так, словно выступал перед коллегами в ТИПРО. Более того, даже увлекся рассказом, на губах появлялась улыбка.

— Островной — совершенно необычное животное. Он отличается от тихоокеанских ластроногих окраской, размерами, образом жизни. мех его почти черный, с яркими светлыми кольцами овальной формы: Диаметр их от

двух до девяти сантиметров, — приводил все новые и новые факты оратор.

Белкин закончил выступление как-то сразу, неожиданно. Он снял с трибуны череп и, держа в руках, быстро прошел к своему месту.

Зал горячо аплодировал.

После закрытия совещания к Алексею подошел невысокий сухонький старичок и, старательно выговаривая каждое слово, заметил:

— Хотя бы ради вашего сообщения об этом... как его?.. ост-ров-ном — стоило прийти на совещание. Только, ради бога, не успокаивайтесь! Впереди вас ждут огром-ные испытания. Да-да, не удивляйтесь! По себе знаю.

В гостиницу тинровцы возвращались пешком — надо было снять напряжение. Шумно обсуждали прошедший день.

— Белкин вел себя как тореадор! — с восхищением говорил Косыгин.

— Хлопцы, а нынешняя осень действительно щедрa на урожай, — вступил в разговор Панин. — Послушайте, что в решении говорится: «Совещание констатирует известные достижения в области изучения биологии и подсчета запасов дальневосточных котиков и с удовлетворением отмечает, что принятые меры по охране котика, а также калана дали свои результаты...» Это же про нашу работу!..

— Кирилл Иванович! Теперь мы попробуем расселить калана и на острове Беринга, — предложил Геннадий. — Наконец-то, нам никто не помешает создать на Командорах морской заповедник.

Когда в номере раздался телефонный звонок, Алексей взял трубку.

— Слушаю, Всеволод Сергеевич!

— Ага, узнали. Грешным делом, думал: после сегодняшнего триумфа не узнаете Серебровского. Но хочу предупредить, Алексей: оставаться реалистом — дело не легкое. Прислушайтесь к мнению старика... В свое время ваш островной занимал и мое воображение. Но у меня и мысли не было, чтобы нашуметь, сделать сенсацию... По моему глубокому убеждению, это не самостоятельный вид, а все-таки островная разновидность ларги. Да-да, как определил Инукаи. Вот займитесь как следует ларгой, и вы убедитесь, что Серебровский-то прав...

Совесь ученого

20 марта 1964 года.

«Дорогая мама!

Вышли мы в океан на четыре месяца. Из Владивостока отплыли 8 марта. Как раз в женский день. Утром с Лусей и Вовкой отметили праздник, а вечером — в море.

...Подожли к Курилам. Какая это красотища! Но прибили мы сюда не любоваться этой сказкой. Обследовали первые лежбища. Островной пока не щенился. Неужели не новый вид?..

Но мой «островитянин», я уверен, не ларга. Причем, его немного на Курилах. Его надо непременно сохранить для науки. Вот почему я дерусь за него! Вот почему намерен добиваться, чтобы его включили в Красную книгу редких, охраняемых законом животных.

За несколько дней до экспедиции получил от Сереб-

ровского стенограмму выступления на совещании. Он просил срочно выслать обратно. Обещал представить на визу академику Евгению Никаноровичу Павловскому — патриарху нашей зоологии. Но при этом оговорился: «Не нашли ли Вы в себе мужество отказаться от сенсации с открытием нового тюленя и описать его как островную разновидность ларги?» Нет, такого «мужества» я в себе не нашел! Неужели Серебровскому не ясно, что дело совсем не в сенсации!..

А еще раньше, в феврале, в наш институт пришло приглашение за подписью директора ВНИРО Алексея Сергеевича Богданова принять участие в работе Международной комиссии по морским котикам. В Москве собрались зоологи США, Японии, Канады и Советского Союза, то есть тех стран, в водах которых обитает этот тюлень.

Познакомились с зарубежными коллегами, статьи которых встречали в научной литературе. Японцы и американцы устроили в своих посольствах прием в честь нашей делегации. Говорили на английском. Вот где пригодились наши каждодневные утренние тренажи».

5 апреля.

«...Получил с Большой земли радиограмму. Панин извещает: статья об островном — в редакции «Докладов Академии». Как это дорого для меня!»

9 апреля.

«...Экспедиция — это прежде всего работа. С утра до полнотчи. Часто бывает, весь день плаваем на боте вдоль берегов, охотимся за тюленями, а вечером до самой темени возимся с ними. Снимаем шкуру, варим, очищаем черепа. Капитан ворчит: «Откуда у вас, чертей, столько сил берется?»

12 апреля 1964 года.

«Милая, здравствуй!

Врезаясь в гребни, бежит наша старушка по океанским волнам на северо-восток.

Вчера нас навесил самый настоящий штормяга. В такой переделке мне еще не доводилось бывать. Ветер достигал ураганной силы. Против него невозможно было ни смотреть, ни дышать. Нашу «Крылатку» бросало как яичную скорлупу.

Задумался о своей судьбе. Где-то в больших городах под джаз сверстники мои уютжат в ресторанах паркетные полы, а я с горсткой других «фанатиков» — на самом краю света, у черта на куличках...

Нет, я немножечко не завидую тем, кто чуть ли не каждый вечер чахнет в ресторанном дыму. Пусть позабудут они! Ведь они не видят и сотой доли того, что удается нам.

Вот и сейчас. Море успокаивается, и я открыл иллюминатор. В кубрик ворвался свежий, чуть солоноватый воздух. И вдруг — бой колокола. Один короткий. Это — мне. Наверное, опять дельфины. Я взял кинокамеру и — на палубу. У носа судна действительно резвились дельфины. Они устроили вокруг «Крылатки» такую беготню, что даже на палубу летели брызги. Отснял кассету. Вернись — посмотришь, какой чудной народ — дельфины.

Кстати, увидишь и котиков. Они «сушат лапти», как шутят матросы. Высоко-высоко из воды показывают лапы, словно отогревают их на солнышке.

Таких сюжетов немало. К концу экспедиции, наверное, наберется на фильм».

4 мая.

«Получил от тебя посылку и такое долгожданное письмо. Не представляешь, как радовался.

Жалуешься, Вовка опять разбил тарелку. Не жалеи! Это он хочет чем-нибудь развлечь тебя. По секрету скажу: для него воспитываю альбатроса Кузьму. А недавно на острове Анциферова поймал найренка. Вот сейчас сидит за подушкой и пикает — просит есть. Кормлю его камбалой. Ест с аппетитом. И вообще чувствует себя в обществе с Кузьмой превосходно».

17 мая 1964 года.

О. Шикотан.

«Здравствуй, дорогие мои!»

Были два месяца в океане, у берегов Японии. Добывали котиков. В июне выйду в южную часть Охотского моря, где нужно добыть еще несколько котиков. После этого пойдем на курильские лежбища.

Половину апреля мы провели на островах, с 10 по 17 мая также находимся здесь. За это короткое время с помощью ближайшего помощника Григоренко Н. И. (вот он только что показался в дверях: «Одеваться на бот!») мне удалось получить материал чрезвычайной научной важности. С радостью сообщаю вам, что видовая самостоятельность новых тюленей полностью доказана. Мне как бы удалось провести грань между ними и ближайшим родственником — ларгой, или пятнистым тюленем.

Не помню, писал ли вам, что в Москве вышел сборник под названием «Морские котики Дальнего Востока». В нем моя большая (на 30 стр.) статья по коже. Получил коллективное письмо моих московских коллег. Пишут, эта статья может составить основу диссертации.

Торопят — команда поднялась. В путь!»

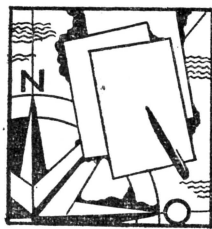
27 июля.

О. Парамушир.

«Уж так случилось, что я оказался первым советским исследователем, занявшимся изучением тюленей на Малой Курильской гряде. Мне посчастливилось выйти на дорогу первооткрывателя. Еще недавно в зоогеографической карте Курильские острова представляли «белое пятно», а сейчас полностью исследованы. Один мой коллега — Берзин — утверждает, что это — подвиг. Ну, он хватил. Какой тут подвиг? Просто до нас никто этим всерьез не занимался.

Вот уже пять дней у нас живет новорожденный островного — самое милое существо на свете. Питаюсь искусственно кормить его, хочу привезти во Владивосток. (Тайно мечтаю показать во время доклада — записал на магнитофонную пленку голос тюлененка). Веду наблюдения.

Вернулся с берега, где выхватил из рук почтарей «слова родных» и чуть ли не в плыве кинулся на судно. Нужно сегодня же отправить всем ответы, так как ночью уходим — заход в бухту внеплановый, и о нем начальству не сообщая...»

Трудный разговор

В институте заседал ученый совет: утверждали темы кандидатских диссертаций. Когда очередь дошла до Белкина, он поднялся и неторопливо начал: — Я сейчас изучаю островного тюленя. Этой темы нет в предлагаемом списке...

— А если это только ваше, субъективное мнение? — перебил секретарь ученого совета.

— В каждом научном поиске, — спокойно ответил Белкин, — сначала преобладает субъективное мнение. Но после убедительных доказательств оно становится мнением объективным.

— Против вашей гипотезы — доктор биологических наук Серебровский, один из крупнейших специалистов по ластоногим, — подчеркнуто произнес секретарь.

Белкин пожал плечами.

— Я знаю заслуги Всеволода Сергеевича. Он — мой учитель. Но если мы будем довольствоваться лишь мнением авторитетов...

— Позвольте! — не выдержал секретарь. — Заниматься работой, в успех которой никто заведомо не верит, это же авантюризм!

— Вячеслав Аркадьевич! — вмешался директор. — Прежде всего прошу вас не горячиться. Во-вторых, почему вы говорите за весь ученый совет? Я тоже член совета, но с вами не согласен. Я верю в перспективу поисков Белкина.

Отпив глоток воды, чтобы успокоиться, Панин спросил, окидывая взглядом присутствующих:

— Ставлю на голосование. Кто за то, чтобы утвердить предложенную Белкиным тему?

Дружно поднялись руки.

Закрыв заседание, директор сказал Белкину: — Ваша лаборатория уже давно не имеет руководителя. Сам понимаешь, как это сказывается на работе... Короче говоря, нам нужен заведующий лабораторией ластоногих.

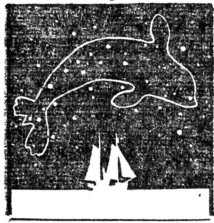
— При чем тут я? — удивился Белкин.

— А вот при чем. Мы уже обсуждали этот вопрос, и все решили — рекомендовать на эту должность, несмотря на отсутствие ученой степени, вас!

— Спасибо, Кирилл Иванович. Я дам согласие, только не сейчас.

— Когда же?

— Года через полтора. Закончу работу о своем тюлене, а потом можно попробовать...

Антур

28 марта 1965 года.

«Дорогая мама!

Вышел из печати сборник «Докладов Академии наук», в котором опубликована моя статья об острове. Теперь о нем знают биологи всего мира! Видели бы вы, сколько пришло поздравлений от ученых нашей страны! А на днях я получил письмо от марсельского профессора Николи, крупного французского ученого по морским животным. Поздравляет с открытием.

Об острове я сообщил видной английской исследовательнице Юдит Кинг, которая готовила к печати большой научный труд «Тюлени мира». Вот что она ответила:

«Дорогой Алексей Белкин! Мне было очень приятно узнать от Вас о новом виде тюленей, неизвестном науке. Спасибо за присланную статью о них. В знак благодарности посылаю Вам вышедшую на днях свою книгу о тюленях...»

Теперь Юдит Кинг придется добавлять к книге еще одну главу. Главу, которую напишу об острове.

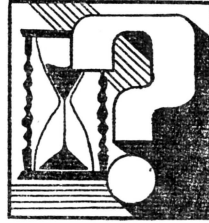
Уже приступил к кандидатской. Тема, конечно же, — новый курильский тюлень.

2 мая.

«Недавно разыскал книгу об истории открытия Курильских островов. Узнал, еще древние жители Курил айны встречали какого-то необычного островного зверя. Ну, конечно, речь идет о нашем тюлене. Айны называют его антуром. Звучит? Теперь так и буду его называть. Пусть и в науку войдет под этим древним именем: антур.

Вороша свой школьный хлам, Люся обнаружила любопытную тетрадь — в ней был записан гороскоп «Знаки Зодиака». Только ко мне «Знаки Зодиака» никакого

отношения не имеют. Родился я не под знаком Рыб, а под созвездием Антура. И хотя даже самый дотошный любитель астрономии пока не обнаружил его на звездной карте Вселенной, оно — есть!»

**«Надо
спешить!»**

Вернувшись домой, Алексей обнаружил, что почтовый ящик полон. Среди газет и журналов — письмо от профессора Серебровского.

«Дорогой Леша!

Прочел Вашу статью в «Докладах Академии», — писал Серебровский. — Поздравляю с первой серьезной публикацией. Хотя я уже знаком с предварительным вариантом, но все равно было небезынтересно еще раз прочитать о новой форме тюленя, проследить за взволнованным изложением вопроса, наблюдать борьбу чувств, муки научного поиска истины. Вы делитесь сомнениями, и это превосходно. Без сомнений не познать истины.

Вам, Леша, известно, что в свое время я тоже выдвигал гипотезу о наличии достаточно ощутимой разницы между популяциями ларг. Я все намеревался проверить правильность своего прогноза, но у меня руки не дошли до этого. Мне становится труднее поспевать за ритмом жизни. Что делать — годы не те...»

Перевернув листок, продолжал читать:

«В своем письме Вы спрашиваете, надо ли писать новые статьи для более полного представления об островной форме. Конечно же, надо! Тут все — ново, все — интересно. Тут глаза разбегаются.

Но Вы сообщаете, что уже работаете над диссертацией об острове. Знаете, Алеша, ведь у Вас имеется работа поважнее. Неужели Вы забыли о Договоре, который заключен между ТИНРО и Зоологическим институтом? Если для диссертации возьмете одну из тем Договора, скорее «выйдете в люди».

Поверьте, советую вам совершенно искренне. Доверьтесь опыту человека, который прошел в науке сквозь огонь, воду и медные трубы. А если не хватит благоразумия поступить именно так, как советую, не ручаюсь за ваш успех. Я все-таки полагаю, что созданный вашей фантазией тюлень — не что иное как ларга».

Алексея бросило в жар. Он мгновенно вспомнил слова, сказанные Серебровским на совещании биологов в Ленинграде: «Целесообразно в первую очередь форсировать промысел ларги — запасы ее на Дальнем Востоке предостаточно...» — и понял, какая опасность грозит островному. Если ему, Алексею Белкину, не удастся доказать, что черный курильский тюлень — не разновидность ларги, то его могут просто-напросто уничтожить.

— Люся, я уйду на Курилы!

— Ты не сошел с ума? У тебя — диссертация. А потом — я...

— От того, что я еще раз схожу в экспедицию, диссертация станет только убедительней.

— Лешенька, мы живем с тобой семь лет, а вместе были не больше трех-четырех. Легко воевать с Вовкой? А скоро еще один появится...

Алексей обнял жену.

— Но ты же у меня сильная. Да и в экспедиции, думаю, буду не долго...

Выстрел в океане

Подготовка к экспедиции была в полном разгаре, и Алексея трудно было застать на месте.

Около полудня в лабораторию ворвался Берзин и закричал:

— Включите радио! Про вашего Белкина передают.

Из репродуктора донеслось: «Мы передавали обзор центральных газет».

— А где про Белкина? — разочарованно спросил Лашев.

— Честное слово, говорили! — утверждал Берзин. — Своими ушами слышал, передавали, что «Комсомольская правда» публикует интервью с молодым дальневосточным ученым Алексеем Белкиным, открывшим новый вид тюленя...

— Сейчас проверим, — сказал лаборант Волков. — «Комсомолка» уже должна быть.

Через несколько минут он вернулся с газетой за 6 июня 1965 года.

— Тут и вправду про Лешу.

На четвертой странице под рубрикой «Интервью с интересным человеком» был напечатан очерк Лидии Графовой «Поиск в океане».

12 июня, утром, позвонил Панин, попросил Алексея зайти к нему.

— Здравствуй, интересный человек! — поднялся из-за стола Кирилл Иванович. — Читал, читал... Бери вот, смотри! «Ихтиологическая комиссия Министерства рыбного хозяйства СССР предлагает старшему научному сотруднику Белкину А. Н. сделать доклад каланах всесоюзном совещании ихтиологов Москве».

— Когда совещание? — завопил Алексей.

— На этот раз тебе повезло, — улыбнулся Панин. — Совещание будет проходить после твоего возвращения из экспедиции. Кстати, как со сборами? Ведь сегодня — в рейс!

— Все в порядке, Кирилл Иванович. Оборудование погружено. Питанием и горючим обеспечены. Люди все на месте.

— Ну, в добрый путь! — Панин крепко обнял Алексея.

13 июля.

Все вокруг было залито июльским солнцем. Вода в океане переливалась, как расплавленное серебро.

В каюте Алексея раздался звонок.

«Наверное, опять дельфины резвятся», — решил он и схватил кинокамеру.

На палубе его окликнул Василий Михайлович Гилен.

— Алексей Никифорович! Поздравляю со вторым сыном! — И протянул радиogramму.

«Леша поздравляю еще одним сыном назвала его Павликом чувствую себя хорошо Люся».

Алексея охватила радость. Правда, вчера он отправил жене письмо, в котором писал: «Интересно, какая будет у Вовки встреча с сестрицей?» Но теперь его полу-прикрытое желание иметь дочь ничем не напомнило о себе.

Вечером во Владивосток передали с борта «Крылатки»:

«Спасибо Павлика теперь будет веселее ведь нас уже четверо один сын твой другой мой а оба наши».

4 августа.

Утром шхуна зашла в бухту пополнить запасы топлива и продовольствия. Здесь команду ожидали письма.

Алексей с нетерпением разорвал конверт. Люся жаловалась, что ей трудно одной, что недавно им дали новую квартиру и пришлось хлопотать с переездом. Самое досадное — она подняла что-то тяжелое и это вызвало преждевременные роды...

В первую минуту пришло горькое чувство обиды: «Разве меня заманила сюда легкая жизнь?» Но Алексей тут же остановил себя: «Что это я? Люся такая маленькая, хрупкая, а ведь на ее плечах двое детей. Ей гораздо труднее, чем мне...»

Он положил на колени чемодан и принялся за письмо.

«Милая моя!

На днях послал Косыгину радиogramму, чтобы в день твоего рождения «ластоногие» навести тебя, подняли за твоё здоровье бокал шампанского и преподнесли от меня твои любимые цветы».

Сделал новые находки. Добыл такие уникальные черепки, какие и во сне никому не снились. Вернусь из экспедиции — положу Серебровского на обе лопатки. Добьюсь, чтобы моего островного занесли в Красную книгу.

Ты пишешь, Люся, что Павлик родился на две недели раньше. Не огорчайся. Хорошо, что все кончилось благополучно. Скоро вернусь и крепко всех вас обниму».

8 августа 1965 года.

Остров Парамушир.

Выстрел раздался неожиданно. Адольф Перлов увидел, как на дно бота тяжело сползает тело Белкина, и бросился на помощь.

— Что с тобой, Леша?! — закричал он, подхватывая друга.

Кажется, Алексей хотел что-то сказать, но не смог. По подбородку текла кровь и заливала грудь.

— Полный ход! — крикнул Перлов рулевому. Рывком оторвал от своей рубахи лоскут и дрожащими руками стал перевязывать рану.

Глаза Алексея тускнели. В резиновых сапогах, ватных брюках и штормовке — шлем при выстреле упал в море, — он лежал на дне бота и уже не слышал ни надрывного рева мотора, ни истошного крика чаек, ни яростного гула океана...

Команда «Крылатки» была потрясена гибелью Белкина.

— Как это произошло? — глухо спросил капитан Политовский, не замечая слез, медленно сползавших по его морщинистым щекам.

— Мы подошли к острову, — ответил Перлов. — Берег скалистый, камни скользкие, обросли мхом. И волна разыгралась такая — никак не дает причалить. Кричу Леше: «Давай обратно! Волна стихнет — вернемся». Он мне кулак показывает: давай, мол, высаживаться. Перед этим Леша зарядил винтовку. Тут ударило нас волной с подводный камень. И вдруг — выстрел. Видно, задело чем-то спуск...

Вместо эпилога

Алексею Белкину не суждено было пережить радость полной победы. Он погиб. Погиб, зная, что победил.

В 1966 году открытие талантливого ученого получило официальное признание. Новому виду тюленя присвоили название антур — название, которое дал ему его первооткрыватель.

Идет дорога через лес...

Удивление... Вот, пожалуй, главное, что всякий раз испытывал я, встречая эту хрупкую, худенькую, как подросток, женщину.

Довелось однажды увидеть ее в лесу. Летом. Теплым июлем. Среди набравших силу сосен, уходящих бо-
весть на какую высоту, в светло-зеленых зарослях резного уральского папоротника, в березово-еловых болотных низинах, то светлых, то загадочно хмурых, она легко могла бы затеряться, если бы не чувствовала себя здесь как дома. И травы, и цветы, и птиц, и жучков-паучков — все-то знала она поименно; не напоказ,

а тихо, как бы про себя, радуясь встрече с давным-давно обретенным миром. Поправила неведомый мне зеленый листок, придавленный чьим-то сапогом, аккуратно переступила муравьиную тропу, дабы не помешать трудягам в их бесконечных заботах, нежно, не всколыхнув стебелек, взяла созревшую удлинненную ягоду земляники и, думая о чем-то, покатила ее на узкой ладони.

Вероятно, в наши дни безмерно возросших утилитарных страстей и забот человек лучше познается на природе...

Немало удивило меня и первое

посещение квартиры Ирины Нисхи-
зовой, хотя вряд ли можно назвать
квартирой комнатенку три на четы-
ре метра. Впрочем, узкие эти метры
как-то не давят. Вместе с мужем,
тоже художником, она ухитрилась
внести сюда частичку природы: при-
чудливый корень, многочисленные
аквариумы со сказочными разно-
перыми обитателями, говорящий
скворец весьма серьезного нрава
и легкомысленные попугайчики, ог-
ромный, мохнатый и черный, словно
сошедший с булгаковских страниц,
кот Флориан и его подруга — рыжая
простушка Настя, уморительная

дворняга Тинка, подобранная еще
щенком где-то под Свердловском.
И это — еще далеко не все жильцы
удивительной комнаты. Горячо люби-
мые и обихоженные...

Я не специалист в изобразитель-
ном искусстве и не берусь судить о
достоинствах работ Ирины Нисхи-
зовой, часть из которых представлена
здесь, в журнале. Могу сказать
лишь, что мне они нравятся, что они
меня трогают, что, глядя на ее ме-
дальоны и «доски», воспринимая их
условность и утверждающие жизнь
яркие краски, и дышится легче, и
думается радостнее. И все это, на-

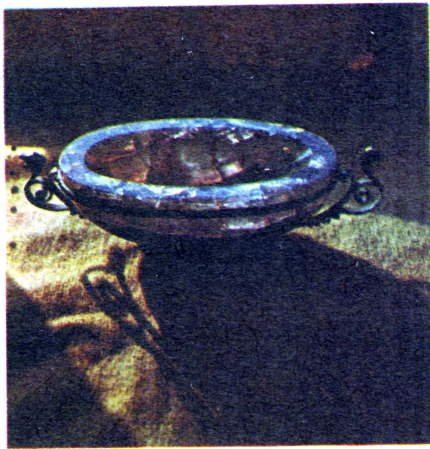
верное, потому, что удастся худож-
нице передать безмерную свою лю-
бовь к нашему лесу и разнотравью,
к человеку, ко всему живому.

Ей нравятся русские сказки и
фантастические рассказы. Есть у нее
написанные темперой и акварелью
фантастические пейзажи, пластичные
и манящие, забавный Лесовичок
среди одуванчиков, исполненный
пастелью, и многие другие работы,
озаренные улыбкой и цветом.

Лев РУМЯНЦЕВ

Фото Алексея Нагибина

В. А. Молчанов. Лоток «Морской конек». Флюорит, мельхиор. (Собственность автора).

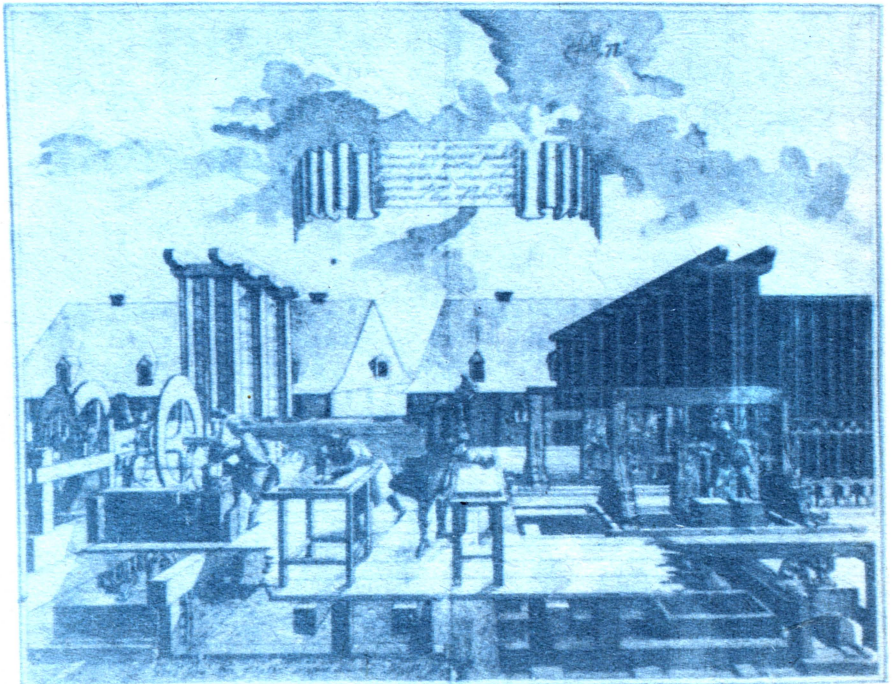

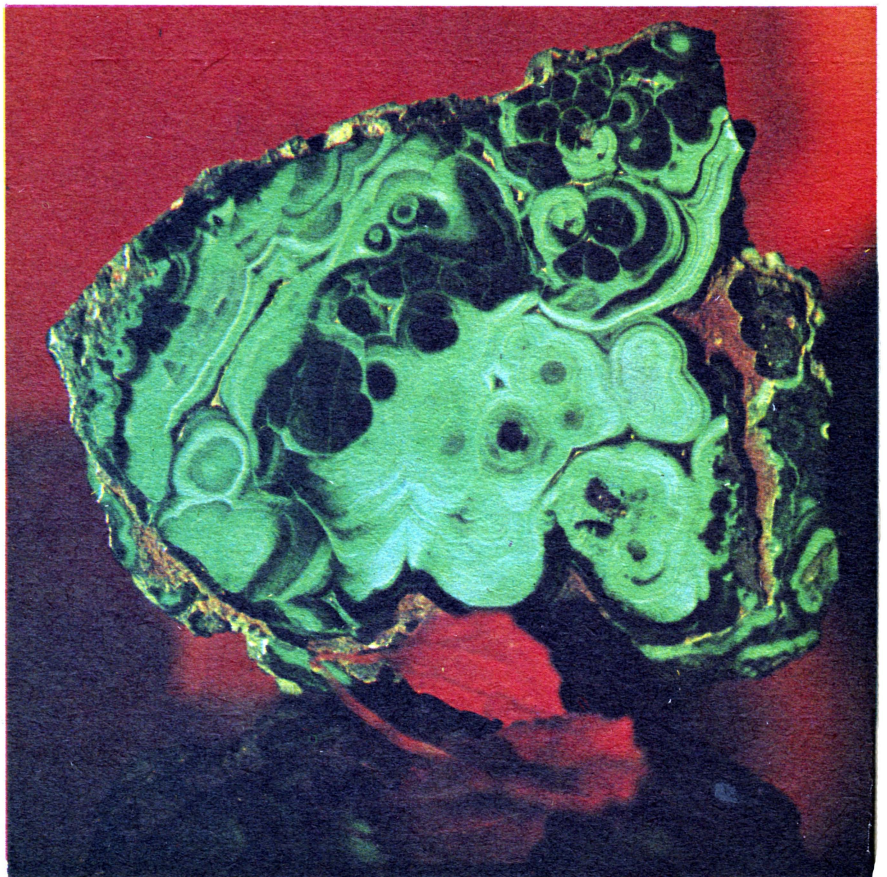
Рисунок — чертеж первой камнерезной фабрики Урала, построенной Никитой Бахоревым.

В. Я. Бакулин. Ваза. Цветные камни, филигрань, чеканка, посеребренная медь. (Собственность автора).

Ваза. Яшма калканская. Бронза золоченая. 1850 г.

Завод этот — необычный,
и продукцию он выпускает
удивительную —
камни самоцветные:
изумруды, аметисты, хрустали,
топазы, бериллы, турмалины,
морионы, ониксы, жалахиты,
родокиты, яшмы, обсидианы,
мраморы...

Вот такое сырье
поставляется на завод,
а из него здесь делают красоту.

Нынче исполняется 250 лет
как была создана

Екатеринбургская
гранильная фабрика.

И сегодня она остается
одной из крупнейших
не только на Урале,
но и в мире.

Там, где она стояла

250 лет назад,

раскинулся Исторический сквер —
самое достопримечательное
место нынешнего Свердловска.

Бывшая же Екатеринбургская
гранильная фабрика,
сменив имя на завод

«Русские самоцветы»,

переехала в новое

большое светлое современное
четырехэтажное здание.

Каждый этаж здесь — цех:

камнерезный, огранки
искусственных камней, алмазный...

Ниже мы публикуем
исторические очерки журналиста

Игоря Шакинко

и искусствоведа

Владислава Семенова.

В них рассказывается
о начале камнерезного дела
на Урале

и об одной из ярчайших страниц
в истории Екатеринбургской

гранильной фабрики,

когда на ней работал известный
скульптор Эрзя.

Истоки камнерезного дела

Игорь
ШАКИНКО

Завод «Русские самоцветы» начался с небольшой гранильной мастерской в 1726 году. Но всякое начало имеет свои истоки, оно долго зреет, вынашивается в умах людей, пробивает себе дорогу... Не сразу расцвел и уральский «каменный цветок».

Драгоценный и цветной камень Урала знали давно. Еще до древних греков доходили известия о сказочных богатствах самоцветов в «стране гипербореев»¹. Скандинавские саги также повествуют о самоцветных камнях и драгоценных металлах Биармии. В раскопках древней Экбатаны в Иране нашли хризолит — минерал, известный только на Урале.

Сведения эти очень туманны. Глубокой тайной остается пока древняя история уральского камня. Больше того, после древних греков и скандинавов наступил провал — почти целое тысячелетие ни звука не слышно о каменных богатствах Уральских гор. Хозяйка Каменного Пояса будто спрятала самоцветы и золото и накрепко закрыла двери своих кладовых...

Петровская эпоха стала переломной и для Урала. России как никогда понадобились богатства Каменного Пояса. И в первые же годы XVIII века началось новое открытие Урала — железного, медного, золотого... Строились крупнейшие в мире горные заводы, появлялись новые отрасли промышленности, новые ремесла.

У истоков уральского камнерезного искусства стоит Василий Никитич Татищев.

В 1720 году царь Петр назначил Татищева, тогда еще артиллерийского офицера, первым горным начальником уральских и сибирских заводов. А уже в феврале 1721 года горный начальник посылает в Петербург свой проект строительства нового завода на Исети — будущего Екатеринбургского. Татищев намечал создать предприятие крупнейшее не только в России, но и в Европе. Завод должен быть универсальным. На нем намечалось почти все бо-

гатства Урала перерабатывать в нужные и полезные вещи и изделия. На новом заводе Татищев предлагал не только плавить железо и медь, но и лить пушки, делать жесть, проволоку, инструмент, часы и многое другое. Среди разных ремесел, которые он намечал завести в будущем Екатеринбургском заводе, было камнерезное и гранильное дело.

В июне 1723 года, когда Татищеву сообщили о мраморном месторождении, он тотчас же приказал ехать туда и смотреть «каков мрамор явится», и «одного выломав штуку сослать на Уктус в горное начальство».

Наверняка Татищев встречал и местных жителей, которые уже тогда занимались гранением самоцветов и хрусталей. До последнего времени такому предположению не было никаких документальных доказательств. Но вот в архиве удалось найти подтверждение этому.

Ноябрь 1723 года. Только что кончились торжества в честь новорожденного завода и города Екатеринбургского. Генерал Геннин уехал в Верхотурье, а Татищев — в Петербург. Последний, как известно, уже не был горным начальником — после ложного доноса Демидова находился под следствием, хотя и продолжал руководить стройкой на Исети. Заменявший его Геннин полностью оправдал Татищева и советовал Петру I снова поставить его во главе заводов.

Василий Никитич Татищев ехал в столицу, чтобы решить там разные горные дела и вновь утвердиться горным начальником. Среди бумаг, которые он вез с собой, было письмо Геннина горному президенту Якову Брюсу. А в письме приписка: «При сем посылаю наших малую часть камышков хрусталей и приказал без меня отделать, а ежели не поспеют, то велел взять капитану не отделаны».

Значит, уже в 1723 году в новом рожденном Екатеринбурге были мастера, которые могли отделять камни!

¹ Страна гипербореев, Биармия — древние названия территории, куда входил северный и средний Урал.

Урал, в Екатеринбург он тогда так и не уехал. Его задержал около себя Петр I, а в конце 1724 года послал в Швецию. Но и за границей Татищев не забыл об Урале, в том числе и о своем замысле создать там камнерезное и гранильное дело. В октябре 1725 года он нанял в Стокгольме мастера-гранильщика Рефа и заключил с ним контракт. Реф обязался служить в России пять лет: «камни аспид, мрамор и подобные тому не токмо сыскивать, но оные резать и гранить и приуготовлять и русских данных ему учеников в том искусстве совершенно выучить». Рефу было положено жалованье 64 рубля в год, бесплатная квартира и дрова.

Вскоре после приезда Рефа в Екатеринбург, 15 (26) июля 1726 года, была создана первая казенная мастерская по обработке камня, от которой и ведет свою родословную современный свердловский завод «Русские самоцветы».

И все-таки едва ли можно считать Рефа основателем гранильного дела в Екатеринбурге. Как мы уже знаем, шведский мастер не был самым первым гранильщиком города. Судя по всему, Реф был добросовестным ремесленником и не отличался особым талантом. Не стоит, однако, и совсем зачеркивать заслуги шведа Рефа. Он старался честно отработать свое жалованье и кое-чему, конечно, научил уральцев.

Реф не умел обрабатывать крупные куски камня ручным способом, а создать для этого машины ему оказалось не по силам, хотя еще в декабре 1726 года Геннин требовал от него сделать машины для обработки камня. Не выполнил Реф и тот пункт контракта, по которому он обязался сыскать новые месторождения цветных камней. Он даже утверждал, что на Урале, кроме «просто хрусталя и тумпасов», ничего нет.

Заметного следа Реф в Екатеринбурге не оставил. Об этом говорит хотя бы тот факт, что честолюбивый Геннин в своем подробнейшем «Описании уральских и сибирских заводов», которое он завершил в 1735 году, ничего не говорит о гранильной мастерской в Екатеринбурге. Значит, она или временно закрылась или ввела такое жалкое существование, о котором Геннину стыдно было упоминать.

Слабеющему пламени гранильного ремесла не дал угаснуть все тот же Татищев. В 1734 году его вновь назначили главным горным начальником уральских и сибирских заводов. Он приехал в Екатеринбург с новым обширным планом освоения огромного и богатого края, сумел поднять не только горное дело, но и камнерезное искусство. А. Е. Ферс-

ман считает, что само выражение «культура камня» впервые введено в обиход именно Татищевым.

В 1736 году появляются сведения о многих месторождениях хрусталя, о вишневых и зеленоватых аметистах, о зеленой яшме из Даурии, о сибирских сердоликах и агатах. Ни уральских яшм, ни поделочного мрамора в то время еще не нашли.

Но Татищев твердо верил, что недра Урала и Сибири таят самые разнообразные цветные камни. Недаром в своем вопроснике, который был разослан в 1737 году всем уральским и сибирским губернаторам и воеводам, он просил сообщить, находят ли в их краях «камень твердые или прозрачные: алмазы, яхонты, лалы, изумруды, хрустали, аметисты, бегатьючи и прочие; твердые, а не прозрачные и цветами отменные: бирюзы, лазурь, аспид, яшма, сердолик, агат, мрамор, алебастр и прочее...»

Татищев спрашивает в анкете и о камнях, которые будут найдены на Урале и в Сибири значительно позднее, некоторые даже через сто и более лет. Но часть надежд горного начальника оправдалась еще при его жизни. Так, в географической работе, написанной им в начале 40-х годов, он писал: «Из камней прозрачных в Сибири (в понятие Сибирь тогда входил и Урал.— И. Ш.) находят тумпас, хрусталь разной величины и цветом, из твердых цветных камней в Сибирской и Оренбургской губерниях находят агат, яшму, сердолик, мрамор, кремни и тому подобные, которые по полировке весьма чистой и светлой глянecь дают и могут в разные работы и с немалую пользой употребляемы быть».

Но художественная обработка камня не могла вырасти на пустом месте. Она могла возникнуть только на основе достаточно развитой промышленности, техники и культуры.

Татищев хорошо понимал, что успех любого дела зависит прежде всего от людей — грамотных, знающих свое ремесло. А потому с необыкновенным старанием растил он уральские школы. Он заставлял учиться под страхом наказания, сам составлял школьные программы, в большом количестве выписывал учебники, книги, приборы, упрямо выпрашивал учителей и специалистов у правительства...

Горные школы, созданные Татищевым в Екатеринбурге, были особого типа. В них учили не только читать и писать, но и механике, знаменованию (рисованию), токарному, пробирному, паяльному, слесарному и... гранильному делу. В 1737 году во всех классах ввели в качестве обязательного предмета огранку камней. Почти триста екатеринбургских учеников пытали свои силы в гранильном ремесле.

Шел елизаветинский «пышный век». При Петре был заложен фундамент и возведены стены Российской империи, его преемники украшали ее фасад. Простота и строгость архитектуры петровского времени сменилась при Елизавете величественной монументальностью и предельным великолепием. Среди прочих декоративных материалов все более и более входил в моду русский цветной камень.

Открытие новых месторождений красного, черного, синего, белого, серого мрамора на Урале заинтересовало архитекторов Москвы и Петербурга. Заказы на архитектурные мраморные детали сыпались один за другим. Но только машинная обработка камня могла удовлетворить повывисшийся спрос. И первым, кто решил эту трудную задачу, был русский механик Никита Бахорев.

Немногого сообщают архивные документы о Никите Бахореве. Родился он в 1705 году во Владимирской губернии, учился сначала в Москве, а потом в Петербургской Морской академии. В 1724 году Татищев, забрав его из академии, увез с собой в Швецию, где он изучал механику и приобрел в «машинном деле довольно мастерство». С 1729 года Бахорев стал работать на Урале, где был сначала машинным учеником, потом машинным подмастерьем, машинным мастером, а в 1735 году произведен тем же Татищевым в механики. С 1736 по 1740 год Бахорев обучал механике и машинному делу учеников Екатеринбургской школы и был учителем знаменитого Ползунова...

В 1746 году на Урал приехал президент Берг-коллегии Томилов. Он повелел срочно строить в Екатеринбурге фабрику для обработки белого мрамора и установить там машины. К этому делу и привлекли Никиту Бахорева...

Архивный документ рассказывает нам об одном из крупнейших событий из истории завода «Русские самоцветы»:

«Генваря 14 дня 1747 года действующей водою машиною разрезан мраморной синей камень длиною в один аршин и в пять с половиной вершка, шириною в девять вершков чрез четырнадцать часов, а шлифованы того ж камня две столешницы длиною по одному аршину и по одиннадцати вершков, шириною по одному аршину и по три вершка чрез тринадцать с половиной часов...»

Тут же подсчитали, выражаясь по-современному, насколько повысилась производительность труда. Оказалось, что «естли показанный камень резать пилою чрез человеческую силу, то б три человека разрезали в шесть дней, а доски столовые ежели шлифовать человеческую ж силою, то тремя человеки было б на

пять дней». Таким образом, производительность сразу выросла в 5—6 раз!

В московском архиве удалось найти рисунок-чертеж этой первой камнерезной фабрики Урала. На рисунке изображены станки для обработки камня, сами камнерезы и сделана такая надпись: «Проект машин, которыми разрезают мраморные камни и шлифуют». Указана и дата, когда был сделан рисунок — «1748».

В архивных делах упоминаются имена камнерезов, которые работали на этой фабрике: каменного дела подмастерье Кирилл Шагов, каменного дела ученик Иван Хапаков, гранильщик Матвей Несенцев.

Никита Бахорев продолжал совершенствовать свои машины. 13 апреля 1747 года он писал Томилову в Петербург, что «разрезной станок исправил к лучшему: прибивал ролики, которые дают в действии легкость, полосы теперь не будут скакать и весь станок плавче и легче может ходить».

В этом же письме Бахорев сообщал, что «другие разрезной и шлифовальный станки будут строить впредь ундер-механику Сусоров». Очевидно, самого Бахорева ждали другие дела, а его ученик Иван Сусоров уже достаточно освоил новую камнерезную технику.

Летом 1747 года в Москву ушел караван с первыми мраморными изделиями машинного производства.

Свою загородную резиденцию — Царское Село, полученное в подарок от отца, Петра I, императрица Елизавета строила и перестраивала непрерывно. Один за другим появлялись новые дворцы, парки, галереи, павильоны, каналы...

Елизавете понравилась мысль устлать площадку между каналом и Эрмитажем белыми и черными мраморными плитками, чередовавшимися как на шахматной доске. Площадка была большая, плиток требовалось много — каждого вида по четыре тысячи, а всего восемь тысяч плиток «длиною и шириною полуаршинных».

Императрица повелела «спросить статского действительного советника Демидова... у кого можно сыскать, купить в Петербурге, а буде готовых не найдется, то чрез кого надлежит выписать из-за моря плиток мраморных белых и черных...»

Демидов, очевидно, напомнил про Урал. Да к тому же в августе 1750 года прибыл с караваном в Петербург Иван Сусоров. Он привез для Царского Села ранее заказанные мраморные ступени и поручни. Ему-то и заказали мраморные плитки для площадки.

Но поскольку мощность Екатеринбургской фабрики для такого

крупного заказа была мала, то велели построить новые фабрики. А Сусорова направили в Петергоф «для осматривания мельницы, на которой всякие цветные агатовые и хрустальные камни гранят и шлифуют...» Изучив машины Петергофской мельницы, Сусоров сделал чертежи и модели для Екатеринбурга.

О Сусорове архивные документы рассказывают примерно столько же, сколько и о Бахореве. Правда, здесь мы уже знаем не только имя, но и отчество — Сусорова звали Иваном Ильичом.

Он коренной уралец — родился в городе Верхотурье в 1720 году. Пятнадцатилетним подростком был взят Татищевым в Екатеринбургскую геометрическую школу, после которой определил механическим учеником к Никите Бахореву.

Сусоров умер сорокалетним, в 1760 году, но успел сделать многое для уральской техники. Был у него явный талант конструктора, особенно удавалось ему «дело машинных моделей». Еще будучи механическим учеником, изготовил он по собственной модели весы «к приему руд» для Алапаевского завода. За свою короткую жизнь он создал множество разных машин и механизмов, но, пожалуй, главными среди его изобретений были машины и станки для обработки уральского камня.

Доктор исторических наук А. Г. Козлов установил, что устройство гранильной фабрики, которое приписывалось Данненбергу, было сделано Иваном Сусоровым.

Новая фабрика Сусорова в Екатеринбурге не походила на бахоревскую, она была предназначена не для обработки мрамора, а для более крепких родов камня — агата, яшмы и других. Для пробы машин новой фабрики привезли несколько крупных, «тягостию от десяти до пятидесяти пуд», кусков камня, что «похож на агат и в реске и в отделке оказался весьма жесток». 8 декабря 1751 года «чрез способ медных кругов» один камень был разрезан и из него отполирована небольшая дощечка. Этот день и нужно считать началом машинной обработки на Урале крепких цветных камней.

В 1752 году в Екатеринбурге работало три камнерезных фабрики.

Первая была универсальная и обрабатывала самые разные камни. На ней находилось шесть разрезных станков (четыре с пилами и два с кругами), два шлифовальных и два (каждый на три крепа) лакировальных. Уже имелся станок, предназначенный «ис крепких камней вынимать нутро петергофским маниром». Кроме того, стояло пять станков со свинцовыми кругами для гранения камней и два с оловянными кругами «для поставления глянца». Имелись и другие станки, в том

числе и подсобные. Это была самая крупная фабрика.

Вторая фабрика состояла из трех станков для резки больших штук камня и шести малых станков, а также одного лакировального. Здесь же шла установка трех станков для резки кругами.

Таким образом в середине XVIII века на Урале существовал мощный для того времени промышленный комплекс для обработки цветного камня.

Середина XVIII века отмечена новым оживлением русского искусства, и прежде всего архитектуры. Строятся монументальные дворцы и роскошные особняки в Москве, Петербурге и их окрестностях.

Крупнейшей стройкой России в начале 50-х годов было возведение грандиозного ансамбля в Царском Селе и прежде всего Большого Царскосельского дворца, который называли русским Версалем. Именно для Царского Села в течение почти пятнадцати лет, примерно с 1747 по 1762 год, уральские камнерезные фабрики выполняли самые крупные заказы — огромное количество ступеней, поручней и половых плиток и других архитектурных деталей.

В последние годы царствования Елизаветы Петровны возник план возведения грандиозного памятника Петру Первому. Установить его предполагалось в Петропавловском соборе. Это должно было быть «великолепнейшее скульптурное сооружение во всей Европе». Большую нишу собора, предназначенную для главной группы, собирались отделать сибирской ляпис-лазурью, основание и ступени — из уральского белого и черного мрамора, колонны, пилястры и гробницу — из яшмы... Аллегорические группы предполагалось выполнить частично каменной мозаикой с применением мрамора, яшмы и других камней. Памятник преобразователю России намечали сделать только из русских материалов, главным образом из уральского и сибирского камня. И наверняка в создании столь грандиозного сооружения не обошлись бы без Екатеринбургских камнерезных фабрик...

Но после смерти Елизаветы, при Петре III, это намерение было предано забвению...

Уральские фабрики перестали получать и другие заказы. Указом от 19 марта 1762 года велено было «дело половых плит оставить», а делать только ступени и поручни, да и то гораздо меньше. На фабриках «излишно людей выилось» 95 человек, которые и были отданы на другие работы в Екатеринбургский завод.

Камнерезное дело на Урале переживало один из спадов. О нем почти забыли. Но не надолго...

Довольно скоро — в последние десятилетия XVIII века — наступила

Эрзя на

**Владислав
СЕМЕНОВ**

В 1920 году был разработан грандиозный и перспективный, самый яркий в истории фабрики план «Большой гранильной».

«Крестными отцами» его стали резчик по камню Кирилл Кузьмич Афанасьев и знаменитый скульптор, один из блестящих художников нашего времени Степан Дмитриевич Нефедов (Эрзя). Оба они были оптимистами и романтиками, влюбленными в уральский камень и верящие в его яркое будущее.

Афанасьев, выходец из крестьян деревни Сундуры Козьмодемьянского уезда Казанской губернии, был в то время заведующим Государственной Екатеринбургской гранильной фабрики. Писал он тяжело, но искренне и убежденно: «Опираясь на лозунг коммунистической партии, — читаем в одном из его докладов, — мы сможем восстановить окончательное производство, павшее окончательно, на более достойное высокое положение, чем во времена империализма».

Степан Дмитриевич Эрзя оказался вдруг в селе Мраморском, что под Екатеринбургом. В одной из «малух» — деревенской избушке — он работал над бюстом Карла Маркса. А совсем недавно ему рукоплескали в Милане и во Флоренции, в Ницце и в Париже. Европейская пресса единодушно назвала его «русским Роденом», отдав ему пальму первенства в творческом состязании скульптуров на Всемирной выставке в Венеции.

О его появлении на Урале газета «Уральский рабочий» писала: «Имена жрецов искусства почти не знакомы нам. Этому, конечно, были свои причины. Мы не всегда даже знали своих русских художников. Их имена скорее были известны в Европе, но не у нас. Что говорит нашему слуху псевдоним «Эрзя»? А это всемирно известная величина. Эрзя — русский скульптор, создал массу ценных произведений».

Мордвин из народности эрзя, взявший своим псевдонимом название своего народа, Степан Нефедов был одним из тех представителей русской художественной интеллигенции, кто без колебаний, без осторож-

пора расцвета уральского камнерезного искусства. Именно в это время из твердых цветных камней были созданы крупные вещи высокого художественного достоинства.

В чем секрет таких удач? Конечно, — в особом художественном вкусе уральских мастеров. Конечно, — в особых «интимных» отношениях камнерезов с самоцветами, в знании ими характера и капризов разных камней.

В этом, но не только в этом.

Вспомним историю художественного освоения яшмы. Ее знали и любили как поделочный материал еще в Древнем Египте и в Древней Греции. Не забывали о ней и в позднейшие времена. Но от этих веков мы знаем только скарабеев, печати да перстни. Вот почти все, что удавалось изготовить из яшмы, стоящей в шкале твердости после алмаза. Перед ней был бессилён любой инструмент. Поэтому-то из яшмы гранили только мелкие изделия. Более крупные куски были не «по зубам» ни пилам, ни долотам.

И так продолжалось до XVIII века, пока не создали новые прочные сплавы металлов и новые станки — словом, пока не появились технические возможности обработки крепких камней.

Художественный вкус, знание и понимание материала, технические возможности — на этих трех «китах» расцвело уральское камнерезное искусство.

В условиях страшного уральского варианта крепостного права жила творческая техническая мысль народа, державшая в течение всего XVIII века горную и металлургическую промышленность на первом месте в мире. Урал не случайно стал родиной Ивана Полузунова, Козьмы Фролова, Ефима и Мирона Черепановых... Еще не написана увлекательная история уральской техники. Только небольшая часть из сотен и сотен имен уральцев-изобретателей XVIII и даже XIX веков известна нам.

Начатое Никитой Бахоревым и Иваном Сусоровым создание камнерезной техники привело в конце XVIII и начале XIX веков к появлению оригинальных и лучших в мире машин для обработки камня.

8 декабря 1751 года впервые на Урале был разрезан машиной крупный твердый камень. Это было начало уникальной камнерезной техники, при помощи которой делали сложнейшие каменные изделия, изумившие совершенством обработки всю Европу.

Мы восторгаемся уральскими шедеврами камнерезного искусства, но часто забываем, что они были созданы благодаря техническим изобретениям. Наоборот, мы чаще говорим и пишем о камнерезной технике прошлого в лучшем случае снис-

ходительно, упоминая о дедовских полосовых пилах, о примитивных качалках, о громоздких и неуклюжих с виду системах передач энергии воды станкам.

Не будем идеализировать прошлое. Не только в XVIII и XIX, но даже в начале XX века на Екатеринбургской фабрике была масса ручной — тяжелой и вредной — работы, которая превращала 35–40-летних здоровых от природы людей в инвалидов. Уральские камнерезы, работая в душных цехах по 12 и более часов, глохли от раздражающего визга и скрежета пил и сверл, портили при обсечке камня глаза и губили легкие каменной пылью. Она была — адова эта работа. Но нельзя забывать и другого. Уральские механики к этим громоздким и неуклюжим передачам от водоналивного колеса придумывали приспособления, которые без преувеличения можно назвать гениальными в своей простоте. Это механизмы и станки «для выемки нутра», для обработки сферических поверхностей, так называемые «надносные машины» для вырезки орнамента, к которым еще, возможно, на новом уровне вернутся современные инженеры.

Уже в конце XVIII века техническое оснащение Екатеринбургской фабрики было лучшим в мире. Недавно, когда в конце 90-х годов на Алтае создавалась Кольванская камнерезная фабрика, в основу ее проекта легло в основном оборудование Екатеринбургa.

В первой половине XIX столетия мастерами Василием и Яковом Коквиными был создан уникальный ансамбль машин для художественной обработки камня. Его установили не только на Екатеринбургской, но и на Петергофской и Кольванской фабриках. По существу, на оборудовании, изобретенном Василием и Яковом Коквиными, работала вся камнерезная промышленность России в течение всего XIX века.

Когда главному инженеру завода «Русские самоцветы» В. В. Мельниченко недавно показали обнаруженные в московском архиве чертежи первых разрезных машин, созданных Бахоревым, он заметил, что в принципе нечто подобное они убрали с завода несколько лет назад.

Думается, причина долговечности «допотопных» станков не только в нашей консервативности, но и в «таланте» этих старых машин, умеющих достаточно хорошо обрабатывать камень. Ведь мы и сейчас не отказываемся от колеса — этого древнейшего изобретения — только потому, что оно появилось тысячи лет назад, а по-новому, на современном уровне, используем его.

гранильной

ного выжидания поворота событий, сразу же включился в строительство новой культуры, служащей делу революции. Сын бурлака из мордовской деревушки Баево, он прошел через голод и лишения, путь от странствующего богомаза до блестящего мастера скульптуры.

До того, как стать первым советским директором Екатеринбургской гранильной фабрики, Афанасьев заведывал подотделом камней и минералов отдела золота и платины Губсовнархоза. На этом месте он и задумал целью выявить всех екатеринбургских кустарей-камнерезов, гранильщиков и ювелиров, работавших на частные магазины, всех городских скупщиков и объединить их в профсоюз рабочих металлостроителей. Ему поручается взять на учет все оставшееся после бегства крупных предпринимателей драгоценное сырье, все конфискованные ценности. На одном из февральских заседаний районного управления золотоплатиновых предприятий Урала — за переименованиями и новыми ведомствами этой поры трудно уследить — Афанасьев докладывал о своем плане организации гранильных мастерских.

«Промышленность цветных камней, — говорил тогда Афанасьев, — требует присутствия в управлении гранильным производством Урала, помимо уполномоченных «Уралзолота», и профессионального союза гранильщиков, представителя Отдела профессионально-технической школы Наркомпроса».

Речь шла не о почетном представительстве, а о «руководстве художников деятельностью управления».

Сырьевая база «Райруды» — было создано такое производственное объединение — оставалась более чем скромной. В реестре ее наследства значились лишь изумрудные копи «в 6—8 верстах от Баженовских асбестовых копий, где работы не производятся», да копи Алабашки и Мурзинки, где только «приступлено к небольшому добычным работам». Основным достоянием оставались национализированные самоцветные богатства частных мастерских и складов, кладовых Народного банка. Был учтен каждый золотник, каждый карат, весь инструмент и фурнитура.

Еще более остро стояла проблема кадров. «Райруда» призывает «взять на учет всех гранильщиков и яшмоделов гор. Екатеринбург и губернии». На фабрику вернулись Александр Китаев, Семен Якинфиевич Силицын, Семен Устюжанин, гранильщики Петр и Алексей Турышевы, один из лучших яшмоделов Николай Алексеевич Ялухин...

Переоборудовались гранильные мастерские, некогда принадлежавшие частным предпринимателям. Была начата организация второй гранильной мастерской — на Нижне-Исетском заводе, а на Черноисточинском заводе — третья государственная гранильная мастерская...

Постановлением уполномоченного Совета народного хозяйства на Урале от 22 сентября 1920 года, принятым в соответствии с проектом «Большой гранильной», в распоряжение фабрики, на правах ее отделения, были переданы возглавляемые Эрзьей скульптурная и мраморная мастерские.

Как однако всемирно известный скульптор Эрзья попал в Мраморское, как подружился затем с Афанасьевым?

Вот что пишет в своих воспоминаниях об Эрзье его большой друг Г. Сутеев:

«Октябрьские события и гражданская война надолго разлучили нас с Эрзьей. И только весной 1918 года я встретил его собиравшимся на Урал.

— Зачем вы едете, Эрзья, на Урал?

— Здесь нельзя работать, там можно. Там много хорошего мрамора. Там из горы можно сделать громадный памятник — голову Маркса или Ленина. При большевиках работать можно».

Весной же 1918 года, 14 апреля, был опубликован, подписанный В. И. Лениным, декрет «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов и памятников Российской Социалистической Революции». Социальный заказ о плане монументальной пропаганды и позвал в дорогу Эрзью. Командирован он был из Москвы на Урал «горным советом ВСНХ для обследования и срочной организации добычи мрамора, открытия мастерских и курсов инструкторов мраморщиков при ст. Мраморская и вместе с тем для пуска в ход гранильной фабрики в Екатеринбург».

Своим проектом Эрзья увлек председателя горного совета ВСНХ Ф. Ф. Сыромологова. Он и послал художника знакомиться с горами Урала. Эрзья останавливает свой выбор на Александровской сопке, что на границе Европы и Азии.

В качестве мастерской Эрзье был отдан большой двухсветный зал Художественного промышленного училища. И тут ему сделали предло-

жение — стать директором училища, восстановить его работу. С августа 1919 года Эрзья полностью отдается этой работе — открывает столярную, ювелирную, чеканную, гранильную, скульптурную, декоративную и живописную мастерские, руководит студией, работает в Комиссии по сохранению научных и художественных ценностей.

В это время Эрзья приходит к идее создания на Урале Красной Академии скульптуры.

«Нам нужно здесь, среди мрамора, — пишет он, — положить начало скульптурной Академии. Мы привлечем сюда для работы лучшие силы России. Они с радостью поедут на Урал, в царство мрамора, так как давно мечтают об этом. Здесь лучшие материалы, они в сотни раз превосходят по своему качеству все материалы Европы».

В мастерской закипела работа. Создавались монументы, которыми предстояло украсить в Екатеринбургской площади Труда, Парижской Коммуны, Народной мести, Уральских коммунаров, имени 1905 года...

Разработка плана «Большой гранильной» заняла два месяца.

В первом пункте своего плана авторы писали: «Надлежит уделить главное внимание на добычу первоклассного драгоценного камня для экспорта».

И далее: «Так как ценность свою камень обретает главным образом в огранке, то совершенно недопустимо, чтобы вывозилось сырье. Весь добытый материал должен быть огранен и оценен Комиссией экспертов... Лишь после этого он может быть отправлен в Центр и быть рекомендован за границу».

Как видно из документа, первая забота — об экспорте. И это не случайно. Наступит время, и академик А. Е. Ферсман напишет: «Ведь вот же, мало кто знает, а другие и не поверят, что наши уральские самоцветы помогли оснастить иностранными станками первенцев советских пятилеток. Мы послали свои изделия в Англию, Францию, Америку, на Восток в обмен на машины».

Самое скромное место в плане отведено изготовлению украшений.

Зато профессиональные симпатии Эрзьи сказались на появлении в плане такого параграфа:

«Одна из задач «производства Б» — разработка и изготовление декоративных, монументальных и архитектурных форм».

План «Большой гранильной» вступал в силу.

ПОЭМА О ЧАСАХ

**Василий
ПЕТРОВ**

Часы, которые русский механик-самоучка Лев Сидорович Нечаев делал 15 лет, может, самые уникальные на свете. Они показывают все: восход и заход солнца, числа, недели и названия дней и месяцев, год — високосный он или простой, долготу дня и, конечно же, — время.

Уральский заводовладелец Никита Демидов предложил за «Регулятор» — так был назван этот прибор времени — 20 тысяч рублей золотом. Нечаев не продал часы. Он решил подарить их царю — вдруг тот разрешит ему за это основать часовое производство в России.

Царь Николай I принял подарок, наградил механика медалью, велел выдать ему тысячу рублей. Придворный живописец написал шикарный портрет Нечаева, придворный поэт сочинил оду в честь изобретателя. Астрономические часы украсили Зимний дворец, ими дивились и восторгались все. А о самом изобретателе забыли, и вскоре он умер в бедности.

С 1865 года нечаевские чудочасы хранились, вернее, использовались в качестве учебного пособия в Морском кадетском корпусе. А после революции их обнаружили в особняке одного из великих князей. Но они уже не ходили. Отремонтировать сложный механизм удалось внуку Л. С. Нечаева — Дмитрию Александровичу Кудрявцеву. В Великую Отечественную войну часы, как бесценную реликвию, вывозили в тыл, потом они вернулись в Ленинград, в Центральный Всенно-Морской музей, где хранятся поныне.

Или вот еще одна биография часов. Смотритель курантов Петропавловской крепости Иван Стассер сделал часы-храм. Корпус их из красного дерева и мореной березы был сделан самим Гамбсом. Огромные, четырех метров в высоту, эти часы имели музыкальную диковинку — они играли произведения Моцарта и Гайдна, причем на валах

было «записано» 14 программ концертов.

В 1801 году часы Стассера разыгрывались по лотерее. Царь Александр I купил тысячу рублевых билетов, но не выиграл уникальный хронометр. Повезло некоей мадам Герольд, и она сообразила потом продать их с аукциона. За 20 тысяч рублей часы приобрел Эрмитаж.

Через 50 лет эти часы стали. Их починил сын И. Стассера — Фома. Затем механизм опять откатал. На этот раз часы пустил внук старого мастера — Александр Стассер. Часы ходили еще 50 лет. Последний раз их ремонтировали в 1935 году.

Часы сейчас имеются почти у каждого взрослого человека. Современные приборы времени утилитарны и просты, к ним предъявляется одно требование — были бы точны и надежны. А когда-то часы были редкостью и делали их с диковинкой.

Каких только нет часов в ленинградских музеях, на улицах самого Ленинграда — бывшего столичного Петербурга, города-музея?! О них, о часах Ленинграда, — об огромных курантах и умещающихся в перстне, о деревянных и золотых, о солнечных и электронных, — о тысячах часов рассказывается в книге Б. Г. Радченко. Книга так и называется — «Часы Ленинграда», выпущена она Лениздатом. Б. Г. Радченко уже известен читателям своей предыдущей книгой «Часы Москвы», которая сразу же разошлась, сразу же стала библиографической редкостью, потому что она интересная и увлекательно написана. Такая же судьба, думается, уготована и «Часам Ленинграда».

ЖИЗНИ БЕЗ БОРЬБЫ НЕТ!

Ребята одиннадцати школ Ленинского района Свердловска были авторами этого рукописного журнала. А редактором и «издателем» стал совет музея при Ленинском Доме пионеров. Несколько лет следопыты изучают историю своего района, в музее представлены материалы о революционном прошлом его, о становлении Советской власти, об истории заводов, учебных заведений, театров... Свою рукописную книгу ребята назвали «Берег с коммунистов пример» и приложили ее к трудовому рапорту района XXV съезду партии. Страницы рассказывают о коммунистах старой гвардии, ветеранах войны, передовиках производства. Одна из страничек посвящена Анне Николаевне Бычковой, ветерану партии с 1906 года. В этом году ей исполняется 90 лет. В 1922 году А. Н. Бычкова была секретарем Первого городского райкома партии — такое тогда название было у нынешнего Ленинского РК. О революционной борьбе, о партийной работе, о жизни коммунистки написали в журнале члены совета музея Валя Ледякина, Оля Воробьева, Таня Свеженцева, Катя Пуркина и Галя Беднова. А сначала была беседа...

— Анна Николаевна, вы были подпольщицей?

— Революционный кружок, который посещали мы, гимназистки, в 1904 году, собирался тайно. Издания мы читали запрещенные, говорили о борьбе за правду и справедливость — вещах тогда «крамольных». Да и задания такие же давались: найти ночлег для товарища, который находился на нелегальном положении, распространить листовки. За это преследовали, подвергали аресту. И не только аресту. После разгрома революции 1905 года многие наши товарищи попали в Екатеринбургскую тюрьму. Сидела там уральская революционерка Се-рафима Дерябина, хорошо был «знаком» с этой тюрьмой Яков Свердлов и многие другие. И я туда попала в 1907 году.

— Страшно в тюрьме?

— Ну... мы тогда были молоды и не ведали страхов. Жаль было погибавших товарищей, которым выносились смертные приговоры, но в нас только росла ненависть. Духом никто не падал: бунтовали, устраивали голодовки, учили языки — тогда «модно» было в тюрьмах иностранные языки изучать.

— Вы были в эмиграции. Расскажите, почему вам пришлось уехать?

— Я должна была отправиться в ссылку, в Енисейскую губернию. Из ссылок, из тюрем большевики умудрялись уезжать часто. Помню даже среди уральских рабочих такого Виктора Михайловича Ногина, партийная кличка «Макар». Не было ни одной тюрьмы, где бы он не сидел, и изо всех бежал. Ленин его хорошо знал и, бывало, спрашивал: «Куда сейчас двинется наш Макар — туда или обратно?» Так вот, если бы мне дали два года ссылки — тыщу раз можно было бы убежать. Но меня сослали на вечное поселение... Вот тогда товарищи по партии отправили меня в эмиграцию. Прожила в Нью-Йорке и Калифорнии пять лет. Работала в мастерских, вместе с мужем, тоже эмигрантом, принимала участие в деятельности Русского отделения при Американской социалистической партии. В 1917 году вернулась на родину.

В Петрограде — костры, красногвардейцы в патронташах... Революция свершилась! У меня на руках был маленький сын, и я спешила скорей на Урал. Отвезла матери сына, а сама — снова в «кипучку».

— Интересная у вас была работа?

— Везде было страшно интересно. В двадцатом году работала в отделе народного образования. Сколько тогда было беспризорных ребятяшек — нужны были дрова, хлеб, одежда для них, а со всем этим было очень трудно. Но мы никакой работы не боялись. Один раз мне показалось страшновато: когда пришлось стать председателем горсовета. Ведь я учительница, пусть и с опытом партийной работы, но, казалось, для такого поста — «мэр» города Екатеринбурга — маловато и знаний и опыта. Стала и «мэром»...

— Чем запомнилась вам первая пятилетка?

— Чем запомнилась? В 1929 году на заседании горсовета мы приняли постановление о всеобщем начальном обучении. Вот сейчас безграмотный человек вам дикарем покажется, так ведь? А тогда мы радовались каждой сводке по ликбезу, каждой новой избе-читальне. Такие девочки, как вы, шли на культурмейскую работу — ликвидировать безграмотность. Поголовную безграмотность... И одолели! Старушки разве что остались. Прекрасное это время — словно светом пронизанное.

— Анна Николаевна, что бы вы пожелали сегодняшнему юному поколению?

— Знаете, мне один юноша сказал: «Я вам завидую, такую жизнь прожили — аресты, тюрьмы, борьба, три революции...» А я вот ему завидую. У него-то все впереди... Зачем ему ссылки и тюрьмы?! Разве только это борьба? Представьте себе, каждую работу можно сделать боевой. Вот это я и пожелаю вам: на какой бы работе вы ни были — чтоб огонь в вас зажегся и не потухал, чтоб всегда святое дело правды воодушевляло вас.

ШПИОН ПРОТИВ КОМ

Записки агента

ПЬЮТЕРА

Геннадий
ПРАШКЕВИЧ

Рисунки
Е. Стерлиговой

В недалеком будущем наступит перелом, который крайне беспокоит меня и заставляет тревожиться за судьбу моей страны. Приход к власти корпораций неизбежно повлечет за собой продажность и разложение в высших органах страны, и капитал будет стремиться утвердить свое владычество, играя на самых темных инстинктах масс, пока все национальные богатства не сосредоточатся в руках немногих избранных... А тогда — конец республике!

Авраам ЛИНКОЛЬН

СПИСОК

ЗАКОННЫХ И НЕЗАКОННЫХ СРЕДСТВ ПОЛУЧЕНИЯ ИНФОРМАЦИИ О КОНКУРЕНТАХ

1. Публикации и отчеты о процессах, полученные обычными путями.
2. Сведения, данные публично бывшими служащими конкурента.
3. Обзоры рынков и доклады инженеров-консультантов.
4. Финансовые отчеты.
5. Устраиваемые конкурентом выставки и издаваемые им брошюры.
6. Анализ изделий конкурентов.
7. Отчеты коммивояжеров и закупочных отделов.
8. Приглашение на работу специалистов, работающих у конкурента, и заполнение ими специальных вопросников.
9. Вопросы, осторожно задаваемые специалистам конкурента на разного рода конгрессах и симпозиумах.
10. Непосредственное тайное наблюдение.
11. Притворное предложение работы служащим конкурента с целью выведать у них информацию.
12. Притворные переговоры с конкурентом якобы для приобретения лицензии на один из патентов.
13. Использование профессиональных шпионов.
14. Сбивание с работы служащих конкурента.
15. Послательство на собственность конкурента.
16. Подкуп сотрудников закупочного отдела конкурента.
17. Засылка агентов к специалистам конкурента.
18. Подслушивание телефонных разговоров.
19. Похищение чертежей, образцов, моделей и документов.
20. Шантаж и различные способы давления.

«Кемикл Инджиниринг»,
исмер от 23 мая 1965 года

Похищение

Я давно подозревал, что стены, потолки и полы моей квартиры нашпигованы микрофонами. Шел ли я в ванную, ложился ли в постель, произносил ли ругательство, споткнувшись о край ковра, — каждое мое слово, каждый жест становились известны шефу. То, что подобная проверка входила в условия договора, ничуть не утешало меня. Перед любым серьезным делом ощущение собственной открытости раздражало, хотя — и я отдавал этому должное — держало меня в постоянной форме. Я вспоминал тяжелую, начинающуюся у правого уголка рта, улыбку шефа и готов был ему позвонить, надерзнуть, послать к черту! Но договор есть договор, а промышленный шпион столь же подчиняется дисциплине, сколь и солдат...

Усевшись в кресло, я взялся за рекламные проспекты, посвященные новым видам компьютеров. Источником раздражения, наверное, и являлось это занятие. Я, химик и шпион, «инженер», занимающий третью графу в ведомости Консультации, человек, сумевший полгода назад утопить одну из самых крупных фармацевтических фирм, должен был рыться в бумагах!

Не меньшим раздражителем, впрочем, являлось и то, что бумаги мне подкинул Лендел, бывший программист фирмы «Счет». В свое время он сумел понравиться шефу и, как следствие, оказался у нас, в Консультации. К сожалению, для внедрений Лендел не годился (несдержанность, склонность к разговорам и вымыслам, неполная биография, расшатанное здоровье), но, сидя за столом, он и в роли чтеца приносил Консультации большую пользу.

Я бросил бумаги и подошел к окну.

Жизнь улицы действует на меня гипнотически. Толпы, автомобили, светофоры, рекламы... Странно сознавать, что наша работа, такая незаметная, скрытная, бесшумная, имеет самое прямое отношение к непостижимому количеству людей, где бы они ни были, чем бы ни занимались. Одних мы обогащаем, других низвергаем в пучину нищеты. Но о нас не знает почти никто. И, оставаясь в тени, мы позволяем себе улыбку по поводу таких пустяков, как безопасность телефонов-автоматов и надежность сейфов Большого банка.

Я покачал головой. Когда-то я думал, как все. Но время идет, я кое-чему научился, и теперь так не думаю... Вообще стараюсь не думать, когда в этом нет нужды...

Отодвинув бумаги, подкинутые мне чтецом, я вытащил из ящика диктофон... Но в это время раздался звонок.

Звонила женщина.

Сквозь глазок, врезанный в дверь так, что об этом не догадался бы ни один техник, я видел ее всю. Короткие темные волосы, длинные глаза... На ней были брюки, короткие сапоги и тонкая куртка... Женщина явно нервничала, но даже это ее не портило, не отражалось на ее четком, почти медальном профиле, в котором мне вдруг увиделись странно знакомые линии...

Я открыл дверь.

— Меня зовут Джой, — с южным акцентом протянула женщина. — Джой. Я — сестра Джека Берримена.

Это имя всегда меня восхищало. Я имею в виду имя Джека Берримена, который многому меня научил. Например, стрелять, водить все виды транспорта, работать с подслушивающей и записывающей аппаратурой... Впервые я увидел его несколько лет назад, когда случайно включил телевизор. Джек произнес несколько успокоительных слов по поводу случайного отравления одной из наших рек промышленными отходами. Сидел Джек, разумеется, спиной к телекамере. Но если не лицо, то голос его я запомнил и, когда он однажды прозвучал в Консультации, приятно удивился. Удивляться было чему. Ведь до этого Джек представлял «Норман Джэспен ассошиэйтес», организацию промышленной контрразведки, и даже имел диплом промышленного контрразведчика, полученный после окончания «Калифорния Стейт колледж». Так что получалось довольно интересно — помогать нам взялся тот, кто по роду своих занятий обычно мешал Консультации. Именно Берримен принес дружественным нам фирмам, а значит и Консультации, колоссальные доходы, докопавшись до секретов мировой сети касс предварительной продажи билетов... Впрочем, перечислять дела Берримена — занятие долгое...

О сестре Берримена я тоже слышал. Одно время она подвизалась в роли агента-цифровика. Иногда проводила вечера с братом. Но я ее никогда не встречал, потому что, по негласному договору с Джеком, мы старались не совать нос в дела друг друга. Нам хватало того, что любой человек был для нас прозрачен, благодаря подслушивающей и подсматривающей технике, которой мы владели в совершенстве.

Посещение Джой никак не вязалось с тем, что я о ней знал (молода, но крайне осторожна, способна обвести вокруг пальца самого хитрого агента и так далее), и не могло не насторожить меня.

— Прошу, — я сухо указал на внутреннюю дверь. — Не смогу занять вас надолго, но внимательно выслушаю.

— Нет, — нервно отказалась Джой. — Я не буду входить. Если вы не откажетесь, поговорим в машине.

С минуту я раздумывал. Чего она хочет? Что ее привело? Кто ей дал этот адрес?

Все это выглядело интригующе, и я решил не откладывать себе в удовольствие. Тем более, что Джой Берримен не могла, кажется, похвастать мускулатурой. Слишком женственные движения — это всегда заметно...

— Хорошо, — сказал я. — Но мне придется переодеться.

— Машина у подъезда...

Она будто не закончила фразу. Торопливо, но не оглядываясь, пошла по лестнице. Взглянув ей вслед, я подошел к телефону. По инструкции я должен был сразу предупредить шефа о подобных встречах. Но зря, что ли, ремонтники возились с моей квартирой все десять дней!.. Шеф все равно будет знать о встрече!

И я не позвонил шефу.

Джой мне понравилась.

Я специально замедлил шаг, чтобы рассмотреть ее сквозь стекло машины. Джой заметила это и нервно скривила губы. Но стоило ей взяться за руль, как неуверенность ее испарилась. Теперь рядом со мной находился внимательный, все отмечающий, все видящий водитель.

Я ждал.

— В кармане, — сказала Джой, не снимая рук с руля.

Сунув пальцы в наружный карман куртки, я почувствовал тепло, отдаваемое телом Джой... Впрочем, записка, которую я извлек из того же кармана, враз отрезвила меня.

«Мы нашли тебя, — написано было на листке. — Внимательно смотри в лицо каждому, кто будет подходить к тебе. Внимательно следи за каждой машиной, которая будет двигаться тебе навстречу! Будь начеку! Мы хотим видеть твое лицо, когда ты нас вдруг узнаешь!»

Странное желание, подумал я, и спросил:

— Вы получили это по почте?

— Нет. Обнаружила в кармане, выйдя из магазина самообслуживания.

— Трудно поверить, что вам впрямь могут угрожать...

Она перехватила в зеркале мой взгляд:

— Час назад я думала так же.

— Что случилось за этот час?

— Взгляните на крыло.

Опустив стекло, я выглянул из машины. Над правым крылом действительно поработали — длинная рыжая вмятина тянулась почти до дверцы. Куски краски бежевыми лоскутьями торчали в стороны.

— Видели вы того, кто это сделал?

— Лиц я не заметила. Это был грузовик. Он толкнул меня на семнадцатой магистрали. Все произошло так быстро, что я растерялась.

— Жаль, Джой, — помолчав, добавил я. — Я не впутываюсь в такие истории. И вы, наверное, знаете — почему... Может быть, вам обратиться в полицию?

— Я звонила брату, — откликнулась Джой. — Он был очень обеспокоен случившимся.

— Это он указал вам мой адрес?

— Да, Эл... Могу я обращаться к вам так?

— Пожалуйста, Джой. Но куда вы могли звонить Джеку? Ведь он в командировке... — скосив глаза, я внимательно следил за лицом Джой. Оно не дрогнуло. Джой, конечно, могла знать местонахождение своего брата. Она могла быть, например, связным между Джеком и Консультацией... Но все равно я не мог понять, какого дьявола ей понадобилось лезть ко мне?.. Больше того, не будь она сестрой Джека, я немедленно бы покинул машину.

Будто почувствовав мои колебания, Джой умоляюще взглянула на меня. У нее это здорово получалось. И от того, что я никак не мог принять определенное решение, мне стало не по себе.

— Со мной хотят свести счеты, — тихо, даже беспомощно произнесла Джой. — Счеты, Эл... Понимаете?

Она несколько раз повторила слово «счеты». А когда банальную фразу так акцентируют, в ней вполне может прятаться второй смысл. Но чего она боялась по-настоящему? Почему не хотела рассказать все? Так неуверенно можно вести себя в коробке, набитой аппаратурой, но неужели она не проверяла свою машину?

Раскурив сигарету, я поднял голову, собираясь сказать малозначащие, но принятые в таких случаях слова. Но нужда в них отпала. За эти несколько секунд Джой успела расстегнуть куртку, и с ее правого локтя, круглого, сильного, загорелого, смотрел на меня никелированный ствол пистолета. У него был невероятно вызывающий вид, но оружие было настоящее.

— В коробке у ваших ног лежит изоляционная лента, — резко сказала Джой. — Замотайте ею глаза!

Выражение моих глаз не понравилось ей. Она чуть сбавила скорость машины и повторила:

— Не паяль на меня глаза! И не вздумай дергаться! Пришить тебя — небольшое удовольствие, Миллер, но если понадобится, я это сделаю!

— А вам не кажется, что автомобиль с пассажиром, глаза которого обмотаны лентой, может привлечь внимание полиции?

— Это моя забота. Торопись!

Я уступил. Не ей. Ее пистолету. И уже не удивился, когда на каком-то участке пути она остановила машину и связала мне руки нейлоновым шнуром.

— Лезь в багажник, Миллер! — приказала она. — Можешь спать, пока я везу тебя...

— А если я начну кричать?

— Пожалуйста, — сказала она, растягивая слова. — Там, где я еду, можешь делать, что хочешь.

— Послушай, — сказал я, втискиваясь в багажник. — Черт с тобой, ты переиграла меня. Но ты вправду сестра Джека, или это легенда?

Она фыркнула:

— А что, разве почерк не тот?

— Тот, — вынужден был признать я. И Джой, опять фыркнув, с такой силой хлопнула крышкой багажника, что в ушах у меня зазвенело...

Примерно через час Джой свернула на подъездную дорогу и загнала машину в тесный гараж. Я понял это, ударившись головой о низкую стойку, когда пара сильных рук выволокла меня из багажника и поставила на негнущиеся ноги.

— Тут ступеньки, — услышал я голос Джой. Но провожатый не собирался быть со мной столь же вежливым. Он потащил меня по лестнице, и я услышал совсем рядом, видимо, за перегородкой, быстрые восклицания.

— Может быть, ты сдерешь с моих глаз эту пакость? — спросил я своего опекуна.

— Заслужил он это, девочка? — слышался хриплый насмешливый голос. — Не приставал он к тебе с родственными чувствами? Ха-ха! — он дико обрадовался собственной шутке. — Иди, девочка. Ты свободна. Тебя будут ждать в офисе.

Когда шаги Джой стихли, опекун сорвал с меня повязку и отступил на шаг, на всякий случай сжав кулаки. Но он мог этого не делать. Во-первых, руки у меня были связаны. А во-вторых, драться с ним не имело смысла — он чуть ли не вдвое превосходил меня в весе и был вооружен, я видел это по оттопыренному карману брюк. В глазах, посаженных на широком желтом лице, не было ни злобы, ни ненависти, просто этот человек был готов на все.

— Будешь дергаться, — сразу предупредил он, — сделаю из твоего живота сливу! — Он толкнул меня в кресло и отправился в угол, к телевизору, торчавшему там на длинных, широко расставленных ножках.

Рост цен, визит на Ближний Восток, ограбление ювелирного магазина, экспедиция за неодинозаврами в Африку... Опекун все слушал внимательно и в такт диктору шевелил толстыми пальцами.

Я не понимал, чего он ждет от передачи, но когда она кончилась, опекун повернул ко мне желтое лицо и удовлетворенно прохрипел:

— О нашем деле ни слова!

— Еще не успели, — подсказал я. — Может быть, через полчаса...

— Заткнись! Разве я спрашиваю тебя?

Ладно... Я не собирался с ним спорить, тем более, что он ткнул мне в рот зажженную сигарету.

— Будешь звать меня Редом. Кури. Мы теперь вроде как родные братья, ха-ха! И жить будем вместе. А теперь вставай! Нам следует еще покрутиться. Живей!

На этот раз наше путешествие затянулось. Я почти задохся, когда Ред вытянул меня из багажника:

— Жив? И на том спасибо!

Дом, в который меня ввели, стоял среди высоких деревьев. Я успел это заметить, когда опекун содрал с моих глаз повязку. Значит, решил я, мы за пределами города или в одной из парковых его зон... Где, я не знал. Но вот человек, которому меня передал опекун, был мне знаком. Так знаком, что в другое время и при других обстоятельствах я предпочел бы уклониться от такой встречи.

Полгода назад судьба в виде приказа шефа свела нас на фармацевтической фирме, которую Джон Лесли — так звали моего знакомого — должен был охранять. Ассоциация бывших агентов Федерального бюро расследований (Мэдисон-авеню, 274) возложила на него такую обязанность, и надо отдать должное — парням из Ассоциации работы хватало. Им приходилось пялить глаза на прохожих, на шоферов, на техников, даже на глав отделений — на всех, кто случайно или намеренно мог явиться причиной утечки секретной информации с охраняемых Ассоциацией фирм. Им приходилось рыться в чужих портфелях, в автомобилях, в люстрах, разбираться в электрических и телефонных сетях, прослеживать канализационные трубы, контролировать знакомства служащих, болтаться по притонам — незавидная служба... И Джон Лесли хорошо запомнил меня, ибо дело на фармацевтической выиграла мы с Джеком, а не его свора!

Не поднимаясь из-за стола, — он всегда немного стеснялся своего небольшого роста, — Лесли округлил и без того круглые глаза и кивнул мне:

— Садись, Миллер. На этот раз нам нужен был твой шеф, но он не входит в багажник даже самой крупной машины. Скажи ему об этом при случае.

Предоставят они этот случай? — подумал я. Или мне самому придется его искать?..

— Твое путешествие еще не окончено, — тем же будничным тоном заметил Лесли. — Просто я хотел убедиться, что девочка не перепутала и притащила именно тебя. Я доволен. Очень доволен. Нам есть о чем поговорить. И не могу не упрекнуть тебя, Миллер, — ты веришь родствен-

никам друзей! Кошмарное заблуждение!.. Кофе! — крикнул он в микрофон.

Суетливая женщина с испуганным лицом и дрожащими руками принесла поднос с чашками и кофейником.

— Не могу развязать тебе руки, приятель, — хмыкнул Лесли. — Уж больно здоров ты драться. Но если хочешь приободриться — открой пасть!

Я не противился. Лесли не Ред. Его услуга не могла унижить меня. Он был таким же как я, профессионалом, только работал на другую сторону. И я послушно раскрыл рот, большими глотками вылакав сразу всю чашку.

— Ты уже, наверное, пытался осмыслить случившееся? — спросил Ред. — Ну, так я подкину тебе «ключ», и до следующей нашей встречи поломай хорошенько голову — как лучше ответить. От этого будет зависеть очень многое.

— Ну? — спросил я.

— Зачем Консультация заграбастала Эксперта с фирмы «Счет»? Где вы его держите? И что вы собираетесь с ним делать? Вот эти три вопроса, Миллер. Обдумай их хорошенько, я не требую ответа сейчас.

Когда вернувшийся Ред начал мне завязывать глаза, я тоже решил подкинуть «ключ», той женщине, что убирала со стола. Просто так. На всякий случай.

— Лесли, — спросил я. — Вы дадите мне пальто или я опять полезу под одеяло?

Вопрос дурацкий, такой не запомнить трудно. Женщина удивленно подняла голову, но Лесли на удочку не попался:

— Все будет зависеть от того, чем ты займешься..

Я лежал теперь не в багажнике, а на заднем сиденье. Но лучше от этого не стало. Одеяло, которым заботливо укутал меня Ред (Лесли не поехал с нами), насквозь пропиталось потом.

Пытаясь успокоиться, я занялся делами, которые мне могли помочь. Осторожно сдвинул повязку и запомнил цвет сидений. Пальцами связанных рук умудрился выдрать из одеяла несколько нитей и спрятал их за пояс брюк — только до него и смог дотянуться. Сопение Реда, сосущего сигару, доводило меня до бешенства, но я молчал. Мы воюющие стороны. Я ничуть не преувеличивал, думая именно так. И шеф, и Берримен, и я, и Кронер-младший, — все мы вели самую настоящую тайную войну против фирм, конкурирующих с нашими друзьями... Нас интересовало все. Легкие аккумуляторы для электромобилей. Специальные моторы для гоночных машин. Транзисторы на пластиках. Радиолокационные устройства. Новые виды лекарственных препаратов... Добытая информация

шла в руки шефа. Это, конечно, не означало, что все полученное от агентов тут же пускалось в дело. Кое-какие изобретения полезно придержать, а кое-что вообще сбить обратно... Но агентов, таких, как я или Берримен, это уже не касалось. Мы получали свои проценты и искали новых дел, всегда, впрочем, придерживаясь исключительной порядочности по отношению к нашим клиентам. И любой из нас, уходя со службы (были и такие случаи: например, Джейк Солмен, сгоревший в самолете на седьмой день пенсионной службы; Эйб Лейтер, сумевший потеряться на территории Старого Света; Джук Сильвер, гордость Консультации, спятивший с ума, а потому получивший шансы дожить до сотни лет или, по крайней мере, до выздоровления...), должен был подписывать бумагу о невмешательстве в дела той или иной фирмы, ибо законами Консультации насторого запрещалось продавать одну и ту же информацию разным лицам или совершать какие-либо действия против промышленников, хотя бы раз обращавшихся к нам за помощью.

«Зачем Консультация заграбастала Эксперта? Где вы его держите? Что собираетесь с ним делать?..» Что ж, Лесли подкинул мне вполне приличный «ключ». Подумать стоило...

В тот день, вспоминал я, шеф вызвал меня необычно рано... И не куда-нибудь, а в разборный кабинет, где велись самые важные разговоры. Я не оговорился, назвав кабинет разборным. Стены, пол, потолок этого кабинета, окна его и двери были выполнены из множества плотно пригнанных друг к другу деталей, каждую из которых можно было за считанные минуты вынуть и проверить хоть под микроскопом — полная гарантия того, что конкуренты не нашли нам уши!

Ламп в кабинете не было. Электросеть слишком удобна для любителей поработать с подслушивающей аппаратурой. Освещался кабинет керосиновой лампой — гордостью шефа. Редкие посетители не только заполняли листки посещения, но и сами отрывали их, оставляя на светочувствительной бумаге отпечатки пальцев. Ни один документ не выбрасывался. Все тут же сжигалось в постоянно протапливаемом камине. Скрытые камеры фиксировали каждый жест визитеров. И надо сказать, техника и внимательность сотрудников ни разу не отказали. Если у нас и случалась непредвиденная утечка информации, кабинет шефа был ни при чем.

Но самое интересное в тот день я увидел в демонстрационном зале. Покопавшись в переключателях, шеф запустил камеру внутренней связи, и на телевизионном экране появилось изображение очень самоуверенного человека с прекрасным высоким лбом, с темными, аккуратно зачесанными на левую сторону волосами. На-

верное, он был левша. Рот этого человека ни на секунду не закрывался, но я не видел, с кем он беседует: камера была строго фиксирована.

— О чем он говорит? — спросил я. — Можно дать звук?

— Нет, — хмуро ответил шеф. — С меня достаточно его звуков! — В голосе шефа скользнуло неподдельное изумление. — Я годами упражнялся способность выслушивать бесконечные разглагольствования какого-нибудь болтуна, но это — феноменальный случай, Эл! Мало того, что человек, которого ты видишь на экране, болтун! Он еще и гений! Самый настоящий гений!

— А конкретно? Кто он?

— Эксперт с фирмы «Счет». Крупнейший специалист по компьютерам. Человек, способный решать творческие задачи, даже когда метод их решения неизвестен. Человек, способный ставить неочевидные проблемы и давать заключения, опуская второстепенные детали. Человек, способный предсказывать будущие состояния исследуемого объекта и, наконец, противопоставлять массовым предубеждениям свое собственное мнение!

— Кажется, вы впрямь встретили достойного противника, — польстил я шефу.

Его толстое лицо с тремя подбородками расцвело — он понимал, из каких соображений я подкидываю заведомо неверный вариант, но... Шеф обожал исправлять мелкие ошибки сотрудников. Но никогда не прощал крупных!

— Эксперт не должен быть нашим противником, — сказал шеф. — Его голова стоит миллионов! И нам нужна эта голова!

Даже прожженные циники восхищались шефом. И были правы. Его имя никогда не встречалось в отчетах, он не прославился ни одной акцией, он не похитил ни одного, даже самого мелкого проекта... Но разве мысль о том, что по заказу можно украсть все, не важнее самого серьезного хищения? Пословица гласит: поймавший рыбу сыт весь день, научившийся ловить рыбу, — сыт всегда... Шеф умел ловить рыбу, и заведение, прячущееся под скромной вывеской Консультации, кормило его не хуже, чем Форда автомобили...

— Эл, я знаю очень немного. Но с чего-то нам все равно следует начинать. Несколько лет назад фирма «Счет» переманила Эксперта из одного небольшого государства. Если помнишь шумиху — «Утечка мозгов!» — то она касалась как раз Эксперта. Уже тогда он был весьма известен как изобретатель и ученый. А изобретатель, Эл, да будет тебе это известно, всегда является бичом для бизнеса. Появление нового вещества, нового процесса (тем более — принципиально нового!) всегда имеет неприятные последствия — нужно быстро менять налаженное производство. А согласись, это не так-то просто,

и не каждый промышленник пойдет на это. А фирма «Счет» пошла. Как только Эксперт появился в их стенах, они переделали все свои машины по его указаниям. Был момент, когда многим казалось, что фирма не выдержит финансовых тягот и лопнет. Но она выдержала, а через год окупила все затраты, приобретя право на патенты самых различных изобретений. Все только рты разевали, глядя, как на рынке появляется то, над чем многие бились годами. Одним словом, фирма «Счет» торговала всем, что лежало в конструкторских бюро других фирм в виде недоработанных проектов. И заметь, Эл, шпионы тут были ни при чем. Фирма «Счет» их попросту не держала. И когда в Консультации появились первые жертвы фирмы «Счет», мне пришлось поломать голову — каким же образом Эксперт и его помощники получают для своих машин нужную информацию?

— Любопытно!

— Не то слово, Эл! Жгуче любопытно! Невообразимо любопытно! Ибо фирме «Счет», вооруженной новым компьютером Эксперта, действительно не нужны промышленные шпионы. Информация, почерпнутая из случайных разговоров, из официальных публикаций, из рекламных проспектов, — вот все, что им нужно! Вся эта чушь, ничего не говорящая даже специалисту, программируется Экспертом и подается в машину, а та сама дает идею и даже технологию объекта! Ну, как?

— Непостижимо! — ответил я. — Похоже на сказку!

— Суровая сказка, Эл. Как ты знаешь, фирма «Счет» никогда не была связана с нами каким-либо родом дружеских услуг. Вот почему Консультация призвана поставить ее на подбащее место.

— Простите, шеф, но, судя по камере, дающей изображение, Эксперт находится в наших руках. Следовательно, проблема решена!

— К сожалению, нет, Эл. Эксперт в наших руках, но, как бы ни был он умен, дело далеко не только в нем. Мы должны вывести из строя сам компьютер! Это слишком дорогая, слишком сложная машина, чтобы ее можно было восстановить быстро и... без помощи Эксперта...

— За дело, конечно, возьмется Джек?

— Нет. Джек занят серьезной работой.

— Значит, Лендел, шеф? Он у нас специалист по таким машинам...

— Тоже нет, Эл. Лендел не способен на внедрение. К тому же его слишком хорошо знают сотрудники фирмы «Счет»... Этим делом займешься ты.

— А что будет с Экспертом?

Шеф посмотрел на меня и уклончиво заметил:

— Это будет зависеть от того, чью сторону в предстоящей борьбе он примет.

Я вспомнил все это, слушая сопение Реда, ни разу не повернувшегося ко мне... Путешествие наше наконец кончилось. С меня в последний раз сорвали повязку и втокнули в лифт. После темного коридора, который мы прошли, свет больно резанул по глазам. Я зажмурился, и меня тут же подхватили руки Реда.

— Держись, — сказал он без выражения. — Пройдешь обработку, выпишься...

Не думаю, что мне грозило что-то суровое. Иначе мне не развязали бы руки. А Ред это сделал, даже позволил растереть их, и повел длинным, омерзительно пустым коридором к невысокой металлической двери.

Мы попали в самый настоящий бассейн. Белый купол уходил высоко вверх, ступени вели к прозрачной неглубокой воде. Купол бассейна, покрытый фальшивым цветным витражом, явно должен был торчать над каким-то зданием, но ничего подобного в городском пейзаже, я, кажется, не встречал.

По приказу Реда я разделся. Белье, в котором были спрятаны вырванные из одеяла нити, унес хмурый парнишка, по виду из тех, что любят собираться на пустырях. И я уже не увидел своего белья, да и в будущем судьба вряд ли мне сможет его вернуть...

Обработка была приличная.

Струи воды мощно хлестали меня сразу с трех сторон, обдирая тело, как наждак. Потом, спустившись по плоским ступеням, Ред сильными толстыми пальцами тщательно, как опытный врач, исследовал мою кожу на предмет вшитой в нее аппаратуры. Но и на этом обработка не кончилась. Волосы! Разве это не прекрасное место для крошечной кинокамеры? И Ред срезал волосы... Ногти! Разве нельзя под ними спрятать микрофон? И Ред аккуратно подрезал ногти...

Переодевшись в принесенную все тем же мальчишкой одежду, довольно чистую, но потасканную, я попросил у Реда сигарету.

— Кури! — разрешил он и выдал целую пачку.

В коридорах, которыми он меня вел, было необыкновенно пусто. Только раз мелькнула под ногами мраморная плитка с фирменным знаком строительной компании «Лоуэлл» да встретился обрывок фольги с эмблемой кондитерской фирмы «Херши» — отпечаток женских губ шоколадного цвета. Не привязка, подумал я. Строители и кондитеры распространяют продукцию по всей стране.

— Ну, Миллер, — сказал Лесли, когда Ред ввел меня в кабинет. — Сейчас я отправлю тебя на отдых. Но ты должен знать, что все, сказанное тебе сейчас и впредь, — правда. Не хочу тебя путать, не хочу сбивать тебя с толку. Наверное, ты догадываешься — почему... А вот тебе и подтверждение. Смотри на экран!

Я повернулся к экрану телевизора и увидел бассейн, в котором только что побывал. На его ступеньках стояли люди, и среди них я узнал... Лендела! Чтеца из Консультации! Облаченный в шикарный ярко-зеленый костюм, он недоверчиво озирался, возвышаясь над опекунами, как строительный кран. Глаза Лендела — вот что мне не понравилось! Лендел боялся. Он еще пытался прятать свой страх, еще стыдился его, но система контроля полетела к дьяволу! Пара ударов, окрик — из чтеца можно будет вить веревки! Крепко же взялись за Консультацию, подумал я, если за какие-то сутки Джой Берримен была перекуплена, а Лендел и я похищены...

Лесли внимательно следил за моим лицом: — Все ясно?

Я кивнул.

— Хочешь жить с Ленделом в одной комнате?

— Нет! — быстро ответил я.

— Почему? — удивился Лесли.

Я ухмыльнулся, и он понял. Лендел-то, может быть, и сломался, но со мной еще следовало крепко повозиться...

Комната, в которой меня поместили, ничем не отличалась от номера приличной гостиницы. Даже телефон был. Я поднял трубку и сразу услышал голос Реда:

— Чего-нибудь хочешь?

— Жрать, — сказал я.

— Выпись, — хохотнул он. — На голодный желудок лучше спится!

Я повесил трубку. В словах Реда был смысл. Да и комната моя не походила на камеру. Здесь было все, что необходимо нормальному человеку. Значит... Значит, они постараются меня перекупить... Стоит подумать... Стоит... Я лег на постель, голова у меня закружилась...

А когда проснулся, прямо перед кроватью на высоком стуле сидел Лендел. Стриженная голова нелепо вылезала из высокого, скрывающего шею, воротника. Шикарный костюм Ленделу заменили на старомодное затасканное тряпье. В таком не выскочишь на улицу... И как бы поняв мои мысли, Лендел безнадежно сказал:

— Пока ты спал, Эл, я все просмотрел. Мы на девятом этаже, и за окном ни одной лестницы, да еще и двойные жалюзи, так что ничего отсюда и не выбросишь...

Лицо Лендела было поцарапано, левый глаз опух.

— Тебя били? — спросил я.

Он лихорадочно заморгал — мои слова пришлись ему не по вкусу. Как заведенный, он мог думать сейчас только об одном — о бегстве.

— Эл, что с нами будет?

Я пожал плечами.

— Эл! Я ведь не принимал участия ни в ка-

ких ваших махинациях! Я и с фирмы «Счет» ушел только потому, что ваш шеф заплатил мне больше. Я даже секретов ему никаких не передал, хотя мог. Я чистый, Эл, так неужели меня убьют вместе с тобой?

— Не нравится мое соседство? — хмуро спросил я.

— Да нет, я не об этом, Эл! — новая мысль пришла ему в голову, и он неестественно оживился. — Эл, ведь я чистый, чистый! Они должны меня отпустить! Клянусь тебе, Эл, подтверди им это, и когда они отпустят меня, я тебя выручу. Вот увидишь, выручу!

— Нет, парень, выкручивайся, как знаешь.

— Эл, но ведь я и вправду чистый!

— Вот и воспользуйся своей чистотой!

— Эл, они мне не верят!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Дело, которое мог выиграть Лесли

Конечно, Лендел был жалок. Но списывать его со счета не следовало. Он мог пригодиться. В какой-то момент я мог попросту пожертвовать им, как пожертвовала мной Джой Берримен. И сомнения ничуть не грызли мою душу.

Одевшись, я вышел в тесный коридор и прислушался. За дверью Лендела не было слышно ни звука, но сам он был в комнате. Сидел в кресле, закинув за голову руки, и бесцельно рассматривал потолок. В его позе было столько отчаяния, что я усмехнулся. А он, узнав меня, наклонился вперед и спросил:

— Тебя не бьют? Почему?

Он был жалок. Но он сам убивал себя. Никогда не следует терять равновесие — вот правило профессионала. И я подумал — чем же Лендел сумел насолить фирме «Счет», если за него взялись так крепко? Хищение? Выдача производственного секрета? Вряд ли... В этом отношении Лендел действительно был чист.

А может быть, все это связано с Экспертом? Такая версия выглядела интересно. Окажись я прав, такую историю стоило посмотреть со стороны. Пауки в банке. Кто-то жертвует Ленделом, кто-то мной. Кто-то подставляет под удар Эксперта, кто-то Джой Берримен. Игра шла явно на высшем уровне. Шеф и Джек Берримен с одной стороны, Лесли и фирма «Счет» — с другой. А я?.. Неужели шеф действительно ценил меня столь низко, что мог спокойно бросить в котел? Эта мысль мне не нравилась. Я помнил восхище-

ние шефа после операции с фармацевтами... Нет, я не должен думать так... Эта версия выдана из пальца... Ладно! Я тряхнул головой и спросил Лендела:

— Что ты знаешь о фирме «Счет»?

Лендел вздрогнул и испуганно уставился на меня.

— Успокойся. Меня не интересуют твои грехи. Я не собираюсь тебя топить. Мне интересно, что ты можешь добавить к тому, что однажды рассказывал?

Закрыв глаза ладонью правой руки, Лендел откинулся на спинку кресла, как бы собираясь с силами, но в это время хлопнула дверь. Вошел Лесли, усмехнулся и поманил меня:

— Миллер, я хочу поговорить с тобой.

У него было хорошее, очень демократическое настроение.

Я вышел вслед за ним, но в коридоре мы не задержались, прошли в мою комнату.

— Миллер, я хочу начать с главного. Тебя устраивает твоя работа? Твоя бывшая работа? Я пожал плечами.

— Тогда я отвечу сам. Не устраивает. И ведь это так? Во-первых, она противозаконна. Во-вторых, не дает тебе удовлетворения. В-третьих, не окупается. Я имею в виду не деньги, а тот невроз, что постоянно точит любого профессионала. Кроме всего, твоя работа преступна, ибо такие, как ты, обворовывают не просто частные фирмы, а само государство, сам народ, представителями которого, как ни парадоксально, являются сами.

— Ну, — возразил я, — если смотреть на наши действия, как на некое перераспределение информации, все выглядит совершенно иначе. Вместо кучки людей ценным изобретением или открытием сразу начинают владеть многие.

— Промышленный шпион, как правило, вооружен, Миллер, не мне это тебе рассказывать. А оружие — уже предпосылка для преступления.

Я промолчал. Охрана фирм тоже состоит не из ягнят, и все они великолепно владеют оружием...

— Так вот, Миллер. У тебя есть голова. Очень неплохая голоза. И ты еще не очень далеко ушел в своих заблуждениях. Не лучше ли тебе перейти к нам? Преимущества очевидны, что ни говори. Твоя деятельность будет строго законна. И кроме того, тебе не надо будет постоянно бояться всех и вся. Ты будешь жить спокойно, как и подобает гражданину большой страны. А чтобы снять последние сомнения, говорю сразу — в самое ближайшее время мы намерены ликвидировать Консультацию. Она надоела всем... Конечно, мы не сможем привлечь вас к суду. Вы работаете чисто, почти без следов. Но мы применим к вам ваши методы.

— И это будет законно?

— Я возьму ответственность на себя, Миллер.

Я задумался.

— Не тороплю тебя с ответом. Неделя времени у тебя есть. Подумай. Не буду тебе мешать. Отсыпайся, думай, у нас ты в безопасности. — Лесли помолчал и вдруг спросил совсем другим тоном: — Кстати, почему ты решил пере-квалифицироваться в цифровика?

Что ж, сомнений больше не существовало. Лесли действительно работал на фирму «Счет». Ибо кто еще мог бояться цифровиков, элиты промышленного шпионажа?.. Я хорошо помнил развлечения единственного нашего цифровика Кронера-младшего, раскрывшего секретный зуммерный код компьютера «Пасифик телефон энд телеграф компани». Зная код, Кронер-младший произвел заказ на поставку телефонных и телетайпных аппаратов и весьма выгодно сбыв их, оставшись вне досягаемости и закона, и личной полиции «Пасифик компани».

Но это эпизод.

Настоящие цифровики гоняются не за прибылью. Их интересует информация. Информация, хранящаяся не у частных лиц, а в запоминающих устройствах компьютеров. На одной из конференций ЮНЕСКО небезызвестный специалист Бернард Бенсон уже заявлял, что накопленные секреты в запоминающих устройствах давно составило реальную опасность. В виде примера он приводил классический случай с неким экспертом, арестованным за систематическую кражу информации из блока памяти компьютера одной из крупных фирм. Заказчики этой фирмы за определенную плату могли связываться по секретному телефону с компьютером. Раскрыв номер, похититель, пользуясь печатающей приставкой к своему телефону, занимался воровством до тех пор, пока машина сама не объявила хозяевам, что ею пользуются неправильно. К этому времени эксперт сумел добраться до информации, ни в коем случае не подлежащей распространению!

Но я никогда не был цифровиком. Я — химик. Так я и сказал Лесли.

— Последнее время, — возразил он, — ты проявлял большой интерес к компьютерам.

Быстрым движением он извлек из кармана магнитофон. Аппарат был совсем крошечный, но голос шефа прозвучал ясно и внятно, словно тот специально начитывал текст на пленку:

— ...Фирме «Счет», вооруженной новым компьютером Эксперта, действительно не нужны промышленные шпионы. Информация, почерпнутая из случайных разговоров, из официальных публикаций, из рекламных проспектов, — вот все, что им нужно. Вся эта чушь, ничего не говорящая даже специалисту, программируется Экспертом и подается в машину. А та сама дает идею и даже технологию объекта...

Лесли выключил магнитофон и уставился на меня.

— Ты не представляешь, Миллер, каких трудов нам стоило отработать компьютер. Нам и в голову не приходило, что придется думать о его защите, но сейчас мы только этим и занимаемся... Ты талантливый парень, Миллер, но на этот раз рыбу тебе не проглотить. Думал над этим?

Я не ответил. Наша беседа с самого начала страдала некоторой односторонностью, и меня это устраивало. Пусть выговорится... Впрочем, Лесли уловил мои мысли:

— Догадываешься, зачем тебя сунули в багажник машины?

Я догадывался.

— Для обмена?

Он удовлетворенно кивнул:

— Да. Но помни, это не исключает моего предложения. Обмен мы все равно проведем, но если ты захочешь, ты будешь работать с нами. Я сделаю для этого все, что понадобится!

Итак, Лесли свое слово сказал. Оно упало на хорошую почву. Я не мог не задумываться над своим будущим. И сейчас, сидя в кресле, под забранным решеткой окном, я, как пасьянс, раскладывал свои шансы. Точнее — варианты выбора. Увы, их было немного.

Первое. Принять предложение Лесли. Если Консультация впрямь на крючке, не стоит за нее держаться. Сестра Берримена показала прекрасный пример... Второе. Попытаться понять, насколько серьезно положение самого Лесли. Если вся операция только его личная инициатива, пусть и поддержанная фирмой «Счет», отходную для Консультации готовить рано. Тем более, что в душе я верил в непоколебимость как шефа, так и Берримена... И третье. Попытаться поиграть с Лесли, выждать время, выбрать единственно верное решение...

Когда Лесли ушел, именно над третьим вариантом я и думал. Два первых требовали четкой информации, а ее у меня не было. Так что оставался третий... Я выпил кофе, прине-сенный Редом, и опять подумал о Ленделе.

Как я уже говорил, Лендел занимался в Консультации чтением. У него было чутье на интересную информацию, и работа его прекрасно подтверждала известный тезис: восемьдесят процентов секретных сведений агент всегда может добыть из открытой прессы! Уйдя из фирмы «Счет», Лендел не потерялся. За такими всегда следят. О них помнят. В самом деле: тот, кто продает секреты, зарабатывая этим деньги, всегда может совершить самое серьезное преступление — открыть за счет нового хозяина свое собственное производство. Так что с Лендела не спускали глаз ни мы, ни сотрудники Лесли...

Впрочем, меня интересовало не это. Были вещи более важные. Например, кто предупредил Лесли о готовящейся против фирмы «Счет» акции? Только ли уши, нашитые шефу в демонстрационном зале? Только ли Джой Берримен, сумевшая вытянуть кое-что из своего брата?

Закурив, я попытался детально восстановить свою беседу с Ленделом. Это была даже не беседа. По приказу шефа, где-то около двух недель назад, Лендел попытался ввести меня в курс дел Эксперта.

— Мои предположения, — сказал тогда Лендел, — могут оказаться несостоятельными. Так что отнесись к ним критично, Эл, не забывая, впрочем, и того, что в самых невероятных случаях таится некая истина. Человек, Эл, успешно решает самые разные задачи по классификации и распознаванию объектов, явлений и ситуаций. Вот почему в наше время промышленные фирмы стараются найти как можно более эффективный способ использования человека в качестве элемента или звена сложных автоматических систем. Заменить человека специализированным распознающим аппаратом пока что невозможно. Только у человека есть способность к предвидению, то есть к интуитивному выбору правильных путей для решения внезапно возникающих проблем. У машины же, Эл, даже у самой умной машины, подобной способности нет. Кроме всего сказанного, следует помнить, что число принятых человеком решений всегда конечно, несмотря на бесконечность состояний внешней среды, приводящей к решениям. Например, машинистка, какие бы варианты одного и того же звука ей ни предлагали, всегда будет ударять по одной строго определенной клавише... С появлением компьютера, созданного Экспертом, положение изменилось. Эта машина, Эл, способна реагировать ограниченным числом решений на самые разные множества изменений характеристик внешней среды. То есть мы имеем дело с системой. С системой человек — машина. Единой, цельной, в которой огромное значение играет и тот и другой элемент...

Вспоминая эти слова, я подсознательно чувствовал их важность. Больше того, я начинал осознавать, что положение мое каким-то образом зависело от информации, переданной мне Ленделом... Что ж, его действительно не стоило сбрасывать со счета... По крайней мере, новая беседа с ним была мне просто необходима.

Но когда после обеда я постучал в соседнюю дверь, она оказалась запертой. Лендела не было. Телефон тоже был отключен, и даже Ред не появлялся. И три дня, в течение которых я был предоставлен самому себе, прошли томительно, как в пустыне. Ни шагов, ни разговоров не

раздавалось в тесном коридоре, отрезавшем меня от внешнего мира.

А потом все изменилось.

Пришел Лесли, и я понял — что-то случилось...

— Ну, — спросил он, — ты что-нибудь решил? Я покачал головой.

— Мне мешает пример Лендела.

— Говори яснее, Миллер.

— Лендел перешел к нам, но вряд ли можно считать его карьеру удачной. Боюсь, то же случится и со мной. Шеф не станет ждать, пока я передам вам все, что знаю. Рано или поздно меня посадят в багажник другой машины...

— Нет, — твердо заявил Лесли. — Дни Консультации сочтены. Что же касается Лендела, ты прав — он не сделал карьеры. Но ведь он не профессионал, это ты тоже знаешь. Практически он никому больше не нужен. И твой шеф, и мы взяли от него все. И... — Лесли на секунду замаялся. — Если ты решил работать с нами, у тебя есть прекрасная возможность доказать это.

Я вопросительно взглянул на Лесли.

— Несколько часов назад, — ровно произнес он, — Лендел убил своего опекуна и, ворвавшись в технический отдел, захватил работавших там сотрудников. К сожалению, в техническом отделе хранилось кое-какое оружие, и Лендел овладел им. Больше того, он захватил трех заложников и угрожает убить их, если ему не предоставят автомобиль и возможность исчезнуть.

— Не ожидал от Лендела такой прыти, — удивился я. — Он и впрямь владеет оружием?

— Мы тоже не знали этого, — мрачно сказал Лесли. — Не буду скрывать, мне ничего не стоит прихлопнуть Лендела вместе с заложниками, тем более, что все трупы я всегда могу спрятать на него. Но, Миллер, мне нужен сам Лендел. Живой. Ты правильно догадался — меня интересует Эксперт, и я уже договорился с твоим шефом об обмене. На Лендела. Или... на тебя, если ты не захочешь остаться с нами. Ты готов нам помочь?

Я задумался.

— Что вы уже предпринимали?

— Пытались пустить газ в отдел, где заперся Лендел. Но этот мерзавец заставил заложников стоять с петлями на шеях. При первом недомогании они упадут и погибнут прежде, чем мы пристрелим Лендела. По-моему, он псих. Понимаешь, что тебе предстоит?

— Да, — ответил я. — Это будет очень не-легко.

И вдруг Лесли ухмыльнулся:

— А разве у фармацевтов тебе было легче?

Мы прошли коридор очень длинный, несколько раз изгибавшийся под прямым углом, и остановились у дверей, за которыми укрылся Лендел. Несколько человек в штатском (Ни-

какой полиции! Ведь это дело касалось только людей Лесли!), соорудив баррикады в двух концах коридора, внимательно следили за происходящим. Укрывшись за бетонным выступом, я крикнул:

— Лендел, не стреляй! Это я — Миллер!

Даже по голосу я почувствовал, как измотан Лендел:

— Хочешь присоединиться ко мне? Или это провокация? Учти, у меня армейский автомат, и если кто-то за тобой войдет, я не остановлюсь — убью и тебя, и твоих приятелей!

— Они хотят, Лендел, чтобы мы были вместе!

— Правильно, — рассмеялся он неестественно дребезжащим смехом. — Крыс следует держать вместе, иначе они разнесут чуму. Входи, Эл!

Осторожно приоткрыв дверь, я вошел в комнату, ожидая выстрела. Но выстрела не последовало, хотя сама комната меня поразила. Она была пуста. Только в дальнем углу были свалены в гигантскую грудку столы, кресла, кульманы, чертежные доски. В просвете я заметил стволы двух автоматов и внимательное бледное лицо Лендела.

Заложники — три человека — стояли недалеко от дверей. Руки у них были связаны, на шею каждого накинута петля, привязанная к вентиляционной трубе. Если бы не стеклянный блеск страха в глазах заложников, можно было подумать, что они занялись каким-то дурацким спортом.

Станный путь привел меня в эту комнату, усмехнулся я... И пока Лендел расчищал проход в свое логово, еще раз подумал — странный путь!

На этом пути были важные вехи.

Например, так называемая «домашняя пекарня», штаб-квартира Агентства национальной безопасности (АНБ), официально известная под названием Форт Джордж-Мид, — внушительное трехэтажное здание, расположенное примерно в пятидесяти километрах к северо-востоку от штаб-квартиры Центрального разведывательно-управления в Лэнгли.

Несмотря на свою малоизвестность, именно АНБ составляет около восьмидесяти процентов всей собираемой различными разведслужбами информации. Это агентство настолько засекречено, настолько чувствительно к любым попыткам проникнуть в его недра, что очень немногие могут похвастать своим пребыванием в нем.

Но я прошел через АНБ, ибо, еще находясь в колледже, поверил в то, что вступить в армию — значит посмотреть мир... Именно в военно-воздушных силах я попал в поле зрения сотрудников АНБ. Пройдя серию тестов и собеседований, был признан перспективным сотрудни-

ком и в специальной школе изучил методы анализа, терминологию разведывательной службы, ее структуру и основные приемы дешифровки кодов и перехвата радиосообщений...

Школу я окончил первым учеником, что давало определенные преимущества. Например, я мог сам выбрать место службы в любом районе мира. Я выбрал Стамбул. Он казался мне далеким и загадочным и в какой-то мере действительно оправдал ожидания.

В Стамбуле в моем распоряжении было более двадцати радистов. Они вылавливали в эфире интересующие нас радиосигналы, а я анализировал записи и сопоставлял их с данными других европейских станций АНБ.

Материалы, с которыми я работал, всегда были секретны. Даже на самых простых стоял гриф «конфиденциально». Но, черт побери! Мне приходилось ставить подобный гриф и на сводках погоды, перехваченных нашими станциями!

Я побывал и во Вьетнаме, где летал на «ЕС-47», которые называли там летающими платформами. Эти машины до отказа были набиты электронной аппаратурой для воздушного обнаружения направления радиоволн. Кстати, именно такие самолеты, снабженные еще инфракрасными датчиками, использовались в свое время в Боливии при поисках Че Гевары.

Раненый, я вернулся домой и попал в Консультацию. Шеф, оказывается, очень давно следил за моим восхождением. Ему, собственно, не очень-то и пришлось потрудиться в угоровах — в то время я очень нуждался в деньгах...

Меня могли прихлопнуть в Стамбуле, в Бриндизи, в городах Азии, но так случилось, что я прошел это, чтобы встать перед стволом автомата, нервно прыгающего в руках моего коллеги.

— Ну что? — торжествующе спросил Лендел, выглядывая из-за баррикады. — Я же говорил, что сумею вывернуться! — он странно хихикнул, и я вдруг подумал, что, пожалуй, шеф всегда переоценивал его психику.

А Лендел не унимался:

— Мы уйдем, Эл! Они пригонят машину и дадут нам возможность убраться! Не посмеют возразить, потому что я кое-чем владею! — Он хитро посмотрел на заложников.

— Думаешь, — спросил я, — фирме так трудно будет списать все трупы на твой счет?

— Не посмеют! — возразил он, и щеки его запылали.

— Почему?

— В моих руках Эксперт!

— Эксперт? — удивился я. И подумал — видел ли он вообще Эксперта? Показывал ли шеф своего пленника кому-либо, кроме меня?

— Он здесь, Эл! — возбужденно заговорил Лендел. — Среди заложников. И потерять Эксперта никому не захочется! Я знаю, в чем дело! — он хитро подмигнул мне, но хитрость его носила явно болезненный характер.

— В чем же дело? — спросил я терпеливо.

— Ты забывчив, Эл! — настроение Лендела менялось ежеминутно. — Вспомни, что я тебе говорил в Консультации! В системе человек — машина одинаково важны как тот, так и другой элемент. Но — и это очень важно, Эл! — любую систему ведет все-таки человек! Представь себе великолепный, редкостный музыкальный инструмент. Например, скрипку. Любимый человек может извлечь из нее звуки. Сотня-другая может сносно играть. Десятки играют великолепно. Но, как правило, есть только один мастер, умеющий делать великолепную скрипку божественной! Я говорю сейчас об Эксперте, Эл. О гении программных импровизаций! О человеке, который, как никто, может владеть компьютером очень сложной системы. Теперь понял? — Лендел наслаждался эффектом. — У меня неплохая голова. Я сам додумался до всего этого. А все вы пошли на поводу у легенды. Забыли об Эксперте и решили испортить машину... Бессмысленно, Эл! Никакой механический мозг без помощи человека не может быть гениальным! Только человек! — Лендел оборвал свой горячечный монолог и подозрительно уставился на меня: — Выясни, кто из них Эксперт! Быстро! И веди сюда!

Я приблизился к заложникам. Все они были одеты в темные комбинезоны и походили на техников средней руки. У одного из кармана торчала логарифмическая линейка. Он был веснушчат, невыразителен, но именно он привлекал внимание, ибо в глазах, которые у других были застланы мутной пленкой страха, у него все же пробивалось желание понять происходящее.

— Эл! — крикнул Лендел из-за баррикады. — Говорят, Эксперта когда-то прилично долбануло током. Ищи шрам на левой руке!

Я облегченно вздохнул: Лендел явно никогда не видел Эксперта... И приказал:

— Руки!

Все трое, как манекены, выкинули вперед связанные в запястьях руки. Вены вздулись, лица почернели от напряжения... Еще час, подумал я, и они начнут падать. Когда последний из них высунет наружу язык, песенка Лендела будет спета. Его желание жить, даже подкрепленное парой армейских автоматов, ничего не значит для Лесли... Значит... Значит, я все-таки должен играть на Лесли...

Повернувшись к Ленделу, я хотел крикнуть, что Эксперта среди заложников нет, как вдруг тот, веснушчатый, с отчаянием заорал:

— Я — Эксперт!

Скорее всего, эти слова продиктовал ему страх, но Лендел их услышал.

— Эл! — захрипел он торжествующе. — Видишь, я выиграл! Тащи Эксперта сюда! Будь энергичнее!

Но силу применять не пришлось. Я снял петлю с шеи веснушчатого, и он сам пошел к проходу, проделанному Ленделом в баррикаде. В трех шагах от нее мы оба остановились, и веснушчатый, озираясь, повторил:

— Я — Эксперт!

— Чем докажешь?

— Спрашивайте!

— Кто эти люди? — Лендел повел стволом автомата к съежившимся заложникам.

— Охрана! Они должны были охранять меня!

— Почему ты в комбинезоне техника?

— Я вел лабораторные работы. Я не франт!

— Отлично! — заявил Лендел. Его перевозбужденному мозгу хватило такой информации. Но я оценивал происходящее по-другому. И сказал об этом.

Реакция Лендела была весьма однозначна. Он побагровел и ткнул автоматом в живот самозванцу:

— Ты — Эксперт?

— Да! Да! Да! — ответил тот столь же истерически.

Сумасшедшие, решил я... У обоих на губах пузырилась пена. Глаза налились кровью. Будь у меня оружие, я мог бы попросту пристрелить их. Но оружия не было, а прыгнуть на Лендела я бы не успел...

— Руки! — завопил Лендел. — Покажи руки! Ага, Эл, смотри! У него шрам!

Я промолчал. Шрама на руках не было. Лендел видел только то, что хотел видеть. Впрочем, он вроде одумался:

— В угол! Лечь! Лицом вниз! — скомандовал он заложнику. И так же лихорадочно обратился ко мне:

— Эл, тебе можно верить?

— Да! — возражать не имело смысла.

— Тогда займи место в петле Эксперта! — усталость, надорванность, лихорадка двигали мыслями Лендела. В любую секунду палец на курке мог сорваться... Длинная шея, торчащая из тесного воротника, морщины на лице... Сколько же ему лет? — вдруг подумал я. Под пятьдесят, не меньше... Что ж, он сам избрал путь...

— Хорошо, — сказал я. — Но дай слово, что не будешь в меня стрелять, пока у нас есть шансы на выигрыш.

Он удивился, но, подумав, не без торжественности заметил:

— Я дам тебе шанс выкарабкаться отсюда, Эл!

Поворачиваясь, я зацепился ногой о ножку

перевернутого кресла. Это случилось так неожиданно, что Лендел вздрогнул и высадил полубоймы в стол, на фоне которого я только что стоял.

Но рука его дрогнула.

Еще летела вокруг щепа, когда я вцепился в узкое горло, горячее, твердое, странно скользкое под пальцами. Лишь борясь с Ленделом, пытаясь вырвать автомат или по-настоящему добраться до горла, я понял, что он действительно не в себе. Только у сумасшедших бывает столько сил!

Но я и сам был уже сумасшедшим. И к нашему сумасшествию примешивалось отчаяние — потерять все, до чего, как нам казалось, мы успели уже дотянуться. Несколько раз я бил Лендела ребром ладони. Наконец удар получился. Лендел задохнулся и выпустил из рук автомат. Упав на колени, он шарил по полу скрюченными пальцами, хрипел, ударялся головой о мебель, и я подумал, что если он встанет, я не смогу с ним справиться... Но он не встал. И почти сразу я почувствовал на плече тяжелую руку Лесли.

— Идем, — сказал он.

Я выпрямился.

Поразительно, как много мебели мы успели сломать... И когда меня уводили, я понял, что Консультация и впрямь сгорит на этом деле... Впрямь сгорит... Если... Если Лесли удастся разменять меня или Лендела на настоящего Эксперта, находящегося в руках шефа.

Ошибался ли Лендел, говоря о неравнозначности машины и человека? Интуитивно я понимал, что в верном ответе на этот вопрос содержится не только мое спасение. Чего хотел шеф? Уничтожить компьютер Эксперта. Чего хотел Лесли? Обменять меня или Лендела на Эксперта. Чего хотел Лендел? Обменять Эксперта на свою жизнь...

Но если Лесли действительно так был необходим Эксперт, то нам, пожалуй, вообще не следовало лезть в дела фирмы «Счет»... Потому что с самого начала ключ находился в руках шефа, просто он не знал, как им воспользоваться. Его страшил компьютер. На людей он всегда смотрел как на некую деталь производства. И, кажется, ошибался. Не машина, а человек! Лендел сыграл свою роль, вышел из игры, но, сам того не зная, бросил мне спасительную нить рассуждений. И теперь все зависело только от меня. Сумею я помешать гениальному импровизатору вернуться к своему инструменту или нет? А еще конкретнее — сумею я спасти Консультацию или сам утону с нею?

Мне не хотелось заглядывать в будущее, но усталый мозг сам строил кошмарные варианты. Я видел, как год за годом совершенствуется методика Эксперта, как один за другим лопаются конкуренты фирмы «Счет», как, наконец, насту-

пает время, когда промышленность всей страны начинает зависеть только от этой фирмы... Вот оно — предостережение Авраама Линкольна, с бессильной яростью думал я. И трудно что-либо противопоставить...

И все-таки кое-какие шансы на выигрыш у меня оставались.

Не могу сказать, что провел ночь хорошо. Но я провел ее с пользой. По крайней мере, улыбающегося Лесли я принял спокойно.

Меня интересовали не шутки, которыми он хотел меня приободрить. Меня интересовало, чем он вооружен. И я заметил чуть оттопыренный карман его куртки. Такая же игрушка, подумал я, будет болтаться у него и под мышкой. Но важно, чтобы именно эту он держал в наружном кармане, никуда не перекладывая.

— Сочувствую, — рокотал Лесли. — Ты провел скверную ночь. Я включал камеру и видел твое лицо. Оно было тревожным.

Это был, так сказать, его конек — вопрос доверия. Он продолжал говорить правду. Ту правду, которую хотел ею считать. Но может быть, вдруг подумал я, его действия и впрямь являются справедливой реакцией на тот дух промышленного шпионажа, что пропитал все сферы производства? Тот дух, что сделал практически невозможным бескорыстное распространение технических новинок? С этой проблемой ведь очень остро сталкивались самые разные фирмы. Да что фирмы! НАСА, организация, занимающаяся изучением Космоса, не смогла нормально работать, когда объявила, что будет бесплатно передавать в руки промышленников изобретения, сделанные ее сотрудниками параллельно основным работам. Например, новые планеры, новые клеи, новые методы сварки... Можно было послать открытку за двадцать пять центов и получить всю интересующую информацию. Но никто не заинтересовался бесплатной информацией, хотя промышленные шпионы продолжали охотиться за совершенно идентичной...

Да, лучший способ сокрытия секретов в наши дни, как ни парадоксально, — это все же публикация их. Ибо никто не в состоянии читать все журналы, к которым не приложен гриф «секретно» или «конфиденциально».

Мы выехали под вечер.

Мощная машина с ревом разрывала вечерний воздух. Погрузившись в мрачные размышления, я не замечал ни улыбающегося Лесли, ни сосущего сигару Реда, ни даже Лендела, бессмысленно уставившегося в стекло. Лендел стоял временами и казался мне ужасно старым...

Не знаю, был ли на Земле человек, который

так остро ощущал нестабильность сегодняшнего дня, неопределенность завтрашнего... Компьютер Эксперта — торжество фирмы «Счет» — высился над моим сознанием, как гора, в бездонные гроты которой уже начала стекаться бесценная информация. Пройдет время, и в целом, начиненном подслушивающей и подглядывающей аппаратурой мире людям останется право лишь на такие тривиальные истины, как та, что «после ночи приходит утро»... Не больше... И мы, жалкие, задыхающиеся в потоке незнания, как воду, как воздух, как хлеб, будем вымаливать у Эксперта и иже с ним глоток знаний... Неважно каких! Просто — знаний! Ибо они столь же необходимы человечеству, как хлеб, вода, воздух...

Въехав в рощу, Лесли остановил машину, вылез и поманил меня за собой.

— Они будут через десять минут. Как думаешь, что делать с Ленделом? Мне не нравится его вид.

— Его следует развязать, — хмыкнул я. — Не думаю, что он вновь возьмется за фокусы.

Лесли кивнул и дал знак Реду. Я отвернулся, чтобы не видеть, как Лендел, всхлипывая, растирает онемевшие руки.

— Ты парень, что надо, — негромко сказал Лесли. — Если даже не придешь к нам, я рад, что с тобой расплатился. За фармацевтов.

Я кивнул. Лирика меня не интересовала. Чуть оттопыренный карман куртки — вот во что упирался мир. В крайнем случае, решил я, можно будет стрелять сквозь ткань. Это все равно. Главное — уснуть!

Чтобы не вызвать подозрения, я попросил сигарету.

— Помни, — сказал Лесли. — Я буду ждать твоего решения. У нас ты не будешь лишним, ведь у тебя прекрасная выучка, я в твоей биографии копался. А там рано или поздно ты сломаешь себе шею.

Я улыбнулся. Я не мог отвлекаться на разговоры. Лесли, теперь я в это верил, рано торжествовал победу. Он не знал, что все должна решить буквально секунда, которая еще не пришла, но уже приближалась с далеким ревом мощного автомобильного мотора, который я не мог спутать ни с каким другим.

Мягкая земля, сырые листья... Наверное, недавно прошел дождь.

Услышав мотор, Лесли оторвался от дерева и встал слева и чуть впереди меня. Ред и Лендел сидели в машине.

Прошло минут пять, и впереди, за деревья-

ми, показались два человека. Первым шел шеф, непомерно большой в своем подбитом тепловолонном плаще. За ним, отстав на полшага, следовал Эксперт. Я сразу узнал его. Вот только рост меня удивил. На экране Эксперт казался мне весьма высоким. Но сейчас, рядом с шефом, вдруг погас, фигура шефа его совершенно подавила. Однако самоуверенности в Эксперте не убавилось. Он начал что-то говорить шефу, а потом приветственно поднял руку.

Лесли выпрямился, отвечая на приветствие, и мне хватило секунды, чтобы сунуть руку в карман его куртки и, не вытаскивая пистолета, выстрелить прямо сквозь ткань. Прежде чем Лесли, рванувшись, сбил меня с ног, я увидел, как Эксперт схватился за грудь и упал лицом вниз. В листья.

Рука Лесли запуталась в тлеющем кармане. Это меня спасло. Шеф, Берримен и Кронер-младший (кто с какой стороны появился, я так и не понял) окружили машину и разоружили Лесли и Реда. Все произошло мгновенно и в полной тишине. Только Лендел несколько раз дурацки хихикнул, не понимая, что происходит. Возможно, он хотел рассмеяться, но получилось у него очень жалобно.

— Ступай в машину, — приказал ему шеф и, проведив Лендела взглядом, повернулся к Лесли. — Искренне сожалею. Произошло недоразумение. Хочу думать, что выстрел Миллера...

— Ну да! — прервал его Берримен. — Эл стреляет великолепно. После него правки не требуется!

— Осмотрите Эксперта!

Привалившись к дереву (как Лесли две минуты назад), я смотрел, как Кронер-младший прослушивает пульс Эксперта. Но Берримен был прав — я стрелял хорошо, и правка тут явно не требовалась...

Шеф казался невероятно расстроенным. Он даже не пытался этого скрыть... Черт побери, подумал я, чем он занимался эту неделю? Тоже искал варианты самой выгодной сделки? На мгновение я пожалел, что не успел нацепить на его костюм какую-нибудь микроштучку и на досуге, порывшись в конфиденциальных беседах, понять — что же все-таки думал о случившемся сам шеф? Каковы были его истинные намерения? И чья ставка в игре расценивалась им выше — моя или Лесли?

— Джек, — попросил я. — Зажги сигарету.

Берримен выполнил просьбу. Из всех собравшихся он один был в отличном настроении. В его больших красивых глазах горел восторженный огонек настоящего триппинг-хеппи — счастливого, умеющего и любящего нажимать на спуск.

— Ты уверен, что поступил правильно? — спросил меня шеф.

Я кивнул. Объяснять ничего не хотелось.

Весьма сомнительные чувства боролись во мне. Одинаково сомнительные по отношению как к самому шефу, воспользовавшемуся (теперь я это понимал) тем пунктом договора, что предусматривает внедрение шпиона в фирму конкурента без ведома самого шпиона, так и ко всем, принявшим в том участие. Правда, утешение было. Я переиграл всех. Переиграл Лесли, воспользовавшись его излишней уверенностью в успехе. Переиграл Лендела, сумевшего понять роль Эксперта прежде всех. Переиграл шефа, пошедшего на поводу своих измышлений... И я не сомневался в успехе. Пусть компьютер не уничтожен, пусть он продолжает работать. Без Эксперта, без его мощного интеллекта—это просто машина. А она обречена на посредственность. Хотя бы... до появления нового гения.

Я не знал, в чем неповторимость Эксперта. Да в сущности и не хотел этого знать. Он уже не мог вмешаться в наши дела. Мой выстрел принес Консультации все, в чем она нуждалась. И прежде всего—деньги. И поскольку все обстояло так, я не мог не сказать бледному от бездействия Лесли:

— Видишь, что значит профессионализм?

— Вижу,—сказал он.—Но ты тоже не распускай хвост. Я все равно раздолблю вашу лавочку.

Настала очередь шефа. Кажется, кое-что в его голове прояснилось.

— Сейчас тут хорошо поработают,—сказал он Лесли.—Фактов ты никаких не получишь. А потому через час я тебя отпущу. Надеюсь, ты понимаешь, что с этим делом в полицию не сунешься. У тебя нет фактов. Работай спокойно, и Консультация перестанет тебя замечать. Даю гарантию.

Лесли отвернулся, но Ред вдруг улыбнулся и согласно кивнул шефу.

— Иди, Эл,—сказал шеф.—За кустами стоит машина. Все, что следует, ты расскажешь мне позже. А пока мне надо уточнить кое-какие детали с нашим другом,—он кивнул на отвернувшегося в сторону Лесли.—Ты совершил самый настоящий подвиг, Эл. Только сейчас можно оценить это.

Я не дослушал его. Пусть уточняет детали. Это он умеет. Лесли возражать не будет...

Листья мягко принимали ногу, пружинили. Шагов через пять меня нагнал Берримен. Вид у него до сих пор был восхищенный, и, задыхаясь, он произнес:

— Эл! Я догадывался! В этом деле меня с самого начала смущало то, что нам не в кого было стрелять. Не в компьютер же! И ты прав! Ты нашел цель! Это и вправду подвиг!

Что ж... Теперь я тоже имел право задавать вопросы:

— Джек, твоя сестра принимала участие в этом деле?

Он хитро подмигнул:

— Ты ей страшно понравился. Не злись. Она сыграла умно. С Лесли нельзя было играть иначе.—И вдруг он расцвел как роза.—Эл, за моей сестрой долг. Ведь она получила гонорар за твое похищение из рук самого Лесли! Так что вы разделите эту сумму! Недурно, да? Мне все кажется, что Лесли жалеет не столь этого старого болтуна Эксперта, сколь своих потраченных на глупости денег!

Подойдя к машине, я увидел Джой.

Прошедшая неделя не добавила сестре Берримена ни морщин, ни седых волос. Я почувствовал раздражение.

— Пересядь!

Джой послушно перебралась на соседнее сиденье, и я взялся за руль. Это было хорошее ощущение. Кажется, я приходил в себя.

— Со мной хотя бы свести счеты!—передразнил я Джой.

— Если бы ты знал,—вспыхнула она,—как старательно я пыталась подкинуть тебе «ключ»! Надеюсь, он сыграл свою роль?

Она была удивительно мила. Выводя автомобиль на шоссе, я взглянул и подумал—что же мне напоминает улыбка Джой? Что она мне напоминает?

И вдруг вспомнил.

В коридоре здания, в котором Лесли держал взаперти меня и Лендела, я видел как-то обрывок бумаги с изображением рекламной эмблемы кондитерской фирмы «Херши». Отпечаток красивых губ шоколадного цвета... Так вот, у Джой были точно такие!

САМОЛЕТ ИЗ ЯЙЦА?

**Юрий
ЛИПАТНИКОВ**

*Рисунки
С. Мальшева*

Новое старое

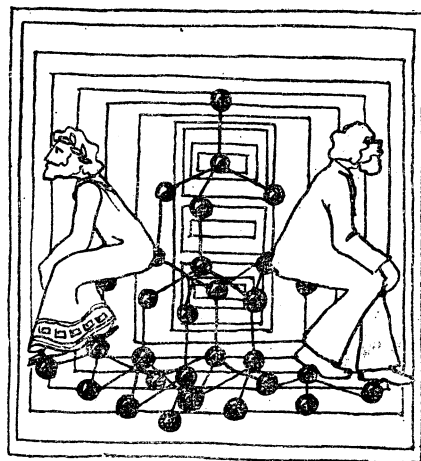
Аристотель ошибся, утверждая, что тела не реагируют, если они не жидкие. Ныне превращения в твердом теле (в металле, в минералах и во многом другом, что явно не жидкость и не газ) изучает особая наука — химия твердого тела.

Истинно, люди не ведают, что творят! С древности они обжигали известняк, плавил металл, из мертвой глины делали певучий фарфор, а не ведали, что управляют химическими реакциями с участием твердых тел. А когда долго молчат практики, теоретики могут основательно ошибиться, как это случилось с Аристотелем. Но людской опыт в конце концов обретает голос и объясняет самое себя. В нашем веке многое быстро укрупнилось — металлургия, керамическое производство и, увы, изготовление взрывчатых веществ. А все это — масштабная работа с твердыми телами. И ученые-химики стали дружнее рассекречивать не только таинство реакций в растворах, но и в нежидких телах. Не сразу исследовательская мысль обрела ясность в стратегии поиска истин. Лишь недавно оформились эти два подхода. Первое: процессы, например, в металле гораздо сложнее, чем в газе. Второе: не просто сложнее — принципиально иные.

Вот почему проникновение в неподсмотренные глубины вещества вынуждает нынешних химиков вооружиться техникой физиков: центрифугами, вакуумными установками, электропечами, электронными микроскопами, осциллографами, богатырскими электромагнитами. Химические лаборатории стали непохожи на самих себя — в них затерялись

пробирки и колбочки. Современные химики хотят видеть не только отдельные мгновения в жизни вещества, а и весь полет реакции. Это поистине полет, ибо некоторые реакции не протекают, а мчатся со скоростью звука.

И тут — проблема: взглядом нельзя затормозить или погнать по небу самолет еще скорее, а химический процесс меняется, лишь его коснется электронный луч микроско-

па, в окуляр которого смотрит экспериментатор. Этот губительный для микроструктуры луч ученые заставили бегать подобно солнечному зайчику: он только на малые доли секунды стал задерживаться в каждой точке обеганной поверхности, так луч не нагревает и не разлагает исследуемое вещество, так были почти убраны из опытов нагрев и разложение. И наблюдаемое уже не искажалось самим наблюдением, и удалось увидеть неискаженную природу. Электронный микроскоп с бегающим лучом (его называют сканирующим) показывает и картину ничтожно малого рельефа и по-

зволюет понять, где и как распределен тот или иной элемент. Микроскоп углядел изюминки примесей в твердых телах. Очень важно узнать хоть что-то о примесях, ведь они коренным образом меняют свойства вещества. Сколько веков металлургии выуживают одни и вводят другие примеси в сталь во имя желанной износостойкости деталей машин!

Ведь не отправишься в глубины твердого вещества, как в глубины космоса на корабле, чтобы хорошенько разглядеть и сфотографировать кристаллическую решетку? Такие сверхкрохотные корабли с экипажами летают в микромире лишь по воле фантастов. Химики-металлурги полагаются на более скромную технику и на терпение...

Шагая, бежит

А это — другая проблема химии твердого тела, проблема скоростей. Скорость химической реакции возрастает, если кристаллы имеют дефекты. Так зубы разрушаются гораздо скорее, если у них повреждена эмаль. Иногда дефекты кристаллов можно видеть даже без микроскопа — это трещины, сколы, недостроенные грани. Есть более тонкие дефекты: пришельцы-атомы, пустые узлы в решетке, наконец, атомы, застрявшие, где попало, заблудившиеся. Чтобы увидеть атомные нарушения в веществе, не обойтись без электронного микроскопа. Что же получается: где дефекты, одна скорость реакции, где их нет — другая? Одна нога шагает, другая бежит? Именно так. Например, одна грань монокристалла никеля по сравнению с другой ускоряет реакцию в тысячу раз сильнее. Как предугадать действия «стреноженного» вещества? Прежде надо узнать его предысторию. Пилили, строгали или усердно по нему били? Нагревали или охлаждали? Возможно, его пронзили разрушающие лучи? Просится хрестоматийное сравнение: нет на свете двух одинаковых людей и нет двух неразличимых кусков металла. Ведь железки по разному прожили время до реакции, скорость которой и хотят знать наперед химики. А за-

чем? Изучив, где быстрее, а где медленнее идет реакция, подобно волне на берег, хорошо бы управлять фронтом ее продвижения. Или совсем наоборот — остановить ее.

Такие вещи новосибирские химики уже проделали с оксалатом серебра. Его надо было разложить на металлическое серебро и углекислый газ. Тут нужно было создать условия для роста серебряных зародышей. Оказалось, что они растут, когда активно захватывают блуждающие в решетке кристалла ионы. Особым образом химики лишают этого строительного материала зародышей. Скорость разложения оксалата серебра падает. Ученые уже умеют и разгонять эту же реакцию.

А что это дает для пользы какого-нибудь дела? Почти полтора века существует фотография. Никому не удавалось получить фотопленки и бумагу без бромосеребряных эмульсий, то есть без расхода драгоценного металла. Зарубежные ученые подсчитали: руды, содержащие серебро, будут израсходованы через два десятка лет. Значит, человечество потеряет бесценные кино и фотографию, без коих оно и дня обойтись не может. Потому-то во всем мире ученые хотят создать бессеребряную фотографию.

Видимое изображение уже получено без серебра — с помощью крохотных пузырьков газа. На обычной фотобумаге изображение складывается из мельчайших зародышей серебра, а здесь — из пузырьков. Такую фотографию назвали везикулярной. Но вряд ли она станет массовой, технологических препятствий много.

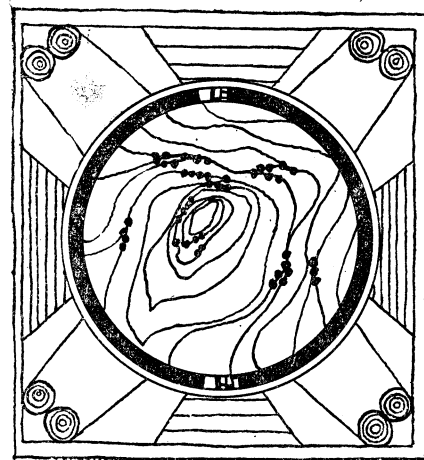
Новосибирские же химики в сотрудничестве с белорусскими разработали более удобный метод получения фотографических изображений, в котором расход серебра уменьшен в тысячи раз. Это им удалось потому, что они научились ускорять и замедлять реакцию, управлять ею.

Специалисты по химии твердого тела помогут голографии — великому иллюзиону ближайшего будущего. Они дадут новые материалы для записи голограмм. Это, наверное, будут стекла, кристаллы или термопластики, чувствительные к свету. Для голографического кино и теле-

видения нужны будут материалы, способные не только быстро образовывать объемные изображения, а легко терять их, как без труда стирает теперь меломан с магнитной пленки запетую песенку и записывает свежий шлягер. В поиске такой «покладистой» пленки для голографического кино не обойтись без глубоких знаний о скоростях химической реакции в твердом теле. Эти знания и добывают химики в сегодняшних экспериментах с тем же оксалатом серебра.

Спектакль химической реакции

Итак, мы уже вошли в круг забот новой науки — химии твердого тела. Какие же закономерности реакций в малоизученной твердой фазе уже видны ученым? В той же металлургии взаимодействуют твердые тела и газы. Воздух силен, осо-

бенно влажный. Он крушит металл, окисляя его до тех пор, пока чугун или сталь целиком не превратятся в окисел. Но как это происходит во всех тонкостях? Ответ на этот вопрос позволил, к примеру, создавать на поверхности германия защитную пленку... из самого же германия. Пластины нагревают в атмосфере чистого азота, и потом они не боят-

сы воздуха. А германий идет на изготовление полупроводниковых приборов, а приборы такие ставят, скажем, на авиалайнер. Надежен полупроводник — надежен самолет.

Но как химики видят само движение вещества? На уровне молекул? Есть вот такой прием — прервать реакцию, остановить мгновение жизни твердого тела. Это делают быстрым охлаждением. И проводят структурный анализ мгновения, пойманного на бегу вещества. Однако теперь уже многие химики поняли: этот метод не всегда применим, ведь глубокое охлаждение исказит истинную картину реакции, как ни безвредно оно человеческому организму: что-то меняется в крови...

И вот — более совершенный способ заглянуть в глубь вещества. Кусочек какого-нибудь твердого тела облучают тончайшим электронным пучком, диаметр которого около одного микрона. Как аукнется, так и откликнется: атомы испытываемого кусочка на облучение отвечают излучением — рентгеновским. Оно моментально и анализируется логическим блоком. Все это напоминает театр. Вспыхивают юпитеры, заливают светом сцену, и актеры играют. Их осветили, их видит публика... Под микроскоп кладется образец, у которого сделан срез. Это сцена. На нее падает тонкий свет электронного луча. И химики видят, где на этом срезе и какой элемент, и понимают игру элементов, и догадываются, спектакль какой реакции идет, и какие примеси определяют ход атомного действия. А хорошо изучив подлинную картину реакции, можно и писать пьесу для заводов — технологию получения того или иного вещества.

Из лежачего камня

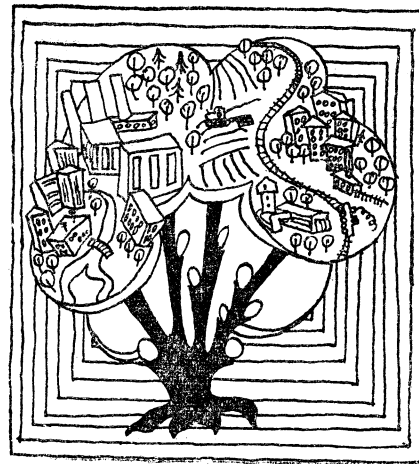
Сверхзадача же химии твердого тела — это не только получение веществ с заранее заданными свойствами, а и изделий из этих веществ с заранее заданной геометрией. Раз уж мы выдали «тайную» мечту новой науки, то для большей наглядности проиллюстрируем ее.

У писателей-фантастов А. и Б. Стругацких есть рассказ «Белый конус Алаида». Там описано испытание яйца. Но не птичьего, а со стальной скорлупой. Испытатели поставили его на вершине сопки и на почтительном расстоянии стали поджидать, когда же оно лопнет и из него выйдет на свет божий механический зародыш. И раздался взрыв. Яйцо раскололось, сопку заволокло дымом, пылью. Зародыш без промедления принялся по программе грызть камни, строить из подножных материалов жилой купол на шесть человек, и уже ничто не могло остановить его работу, лишь разрывная атомная пуля...

Идея саморазвивающихся, как цыплята, механизмов, все заметнее разветвляется в фантастике. Какая за этим мечта? Иметь такие устройства, которые способны в любых условиях на любом сырье развертываться в любую конструкцию. Замените куриное яйцо семечком дерева. Вместо того, чтобы возить стройматериалы на другие планеты, земляне будут высевать города. Из семян вырастут здания. И также ракеты и прочая техника. Ведь дерево строит себя из земли, воздуха и солнечных лучей. Оно не забывает, что состоит из целлюлозы, — ее оно и готовит. Оно помнит, что нужен ствол и ветки, — ствол, ветки и растут, а не деревянный куб или шар.

До сих пор химики управляли реакциями лишь во времени: за столько-то часов образуется столько-то вещества. Теперь перед ними задача (не мечта, а задача!) управлять реакциями в пространстве. Тут надо знать и что получается и как строится вещество в пространстве. То есть надо научиться выращивать машины — автомобили, экскаваторы, космические корабли.

Сейчас железную руду добывают на востоке, металл из нее выплавляют на западе, а машину делают из привезенной стали в третьей стороне света. Треугольники такие, нарисованные на карте, закрывают полстраны. Из дали в даль идут руда и металл. Но есть эти треугольники и настолько маленькие, что округляются в точку. Это значит, что добывают руду, варят

сталь и делают из нее машины в одном городе. А лучше, чтобы все это делалось на одном заводе — и это ближайшая задача. А надо, чтобы все это делал не завод, а одно устройство (зародыш автомобиля, самолета или корабля) — и это задача послезавтрашнего дня.

Ныне одни материалы заменяют другие так быстро, что и запоминать их не успеваешь. Телеграф химических неологизмов стучит и стучит: акрилан, тефлон, элан, эластик. Химия творит вторую природу. Можно предположить, что к концу века заводы будут выдавать уже не только новые материалы, а изделия из этих материалов, и не в несколько технологических приемов, а сразу. На завод подается руда — отгружаются трубы, механизмы. Механизмы, в буквальном смысле извлеченные из куска руды.

Будущие химики станут дирижировать химическими реакциями — ускорять, замедлять, направлять их в пространстве. Вот когда превращение лежачего камня в бегающую машину станет не фантастикой.

● Всемирно известный «Уралмаш» делает не только гиганты-экскаваторы, прокатные станы, но и могучие буровые установки. Работая в тайге или в пустыне буровая — это небольшое предприятие, начиненное электродвигателями и разнообразным оборудованием. Любая поломка, авария здесь — особое «ЧП», ведь иные узлы и детали приходится доставлять на вертолете. Все на буровой — от резиновых сапог до двигателей — должно быть надежным...

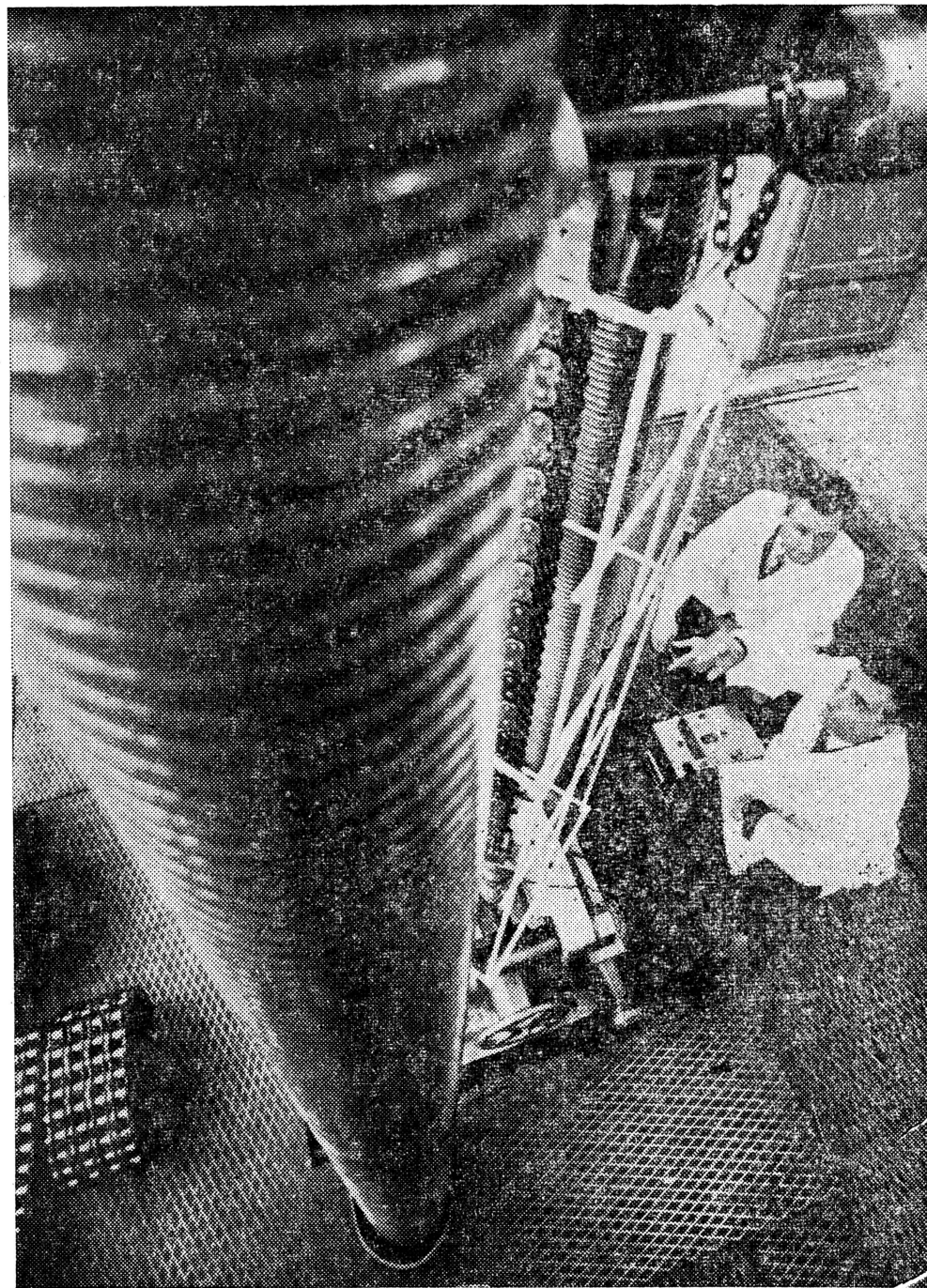
Надежность и высокое качество — девиз десятой пятилетки. Стал он главным девизом и для конструкторов и научных сотрудников научно-исследовательского института «Уралмаша», где разрабатывается оборудование для буровых. Одна из проблем совершенствования буровой — расчет многорядной цепи, очень похожей, как видно на снимке, на обычную велосипедную. Многорядные цепи на буровых передают вращение от электродвигателей к буру. Растягиваясь неодинаково, эти цепи рвутся. Именно такую аварийную ситуацию создают исследователи на установке, чтобы понять причины неравномерного растягивания многорядных цепей и устранить их.

Сделав надежными все узлы буровой, уралмашевцы представят ее на Знак качества.

На снимке:

Цепи испытывают кандидаты технических наук В. Аваков и А. Казанцев

Фото Ф. Алексеева

ИССЛЕДУЕТСЯ КАЧЕСТВО

АВТОР «Брюха Петербурга»

ЮНИЙ
ГОРБУНОВ

● В 1873 году несколько популярных русских журналов напечатали новый роман Эмиля Золя «Чрево Парижа», который в тогдашнем переводе назывался «Брюха Парижа». А 14 лет спустя в Петербурге вышла книга уже русского автора под названием «Брюха Петербурга».

Ф. Ф. Павленков, издатель книги, был широко известен. Это он издал «крамольные» сочинения критика-демократа Д. И. Писарева, книжку разоблачительного характера «Вятская незабудка», библиотеку научно-популярных книг для народа, учебные пособия... А вот имя автора — А. А. Бахтиаров — ничего не говорило массовому читателю.

Анатолий Александрович Бахтиаров родился на Урале, в селе Ертарском бывшего Камышловского уезда Пермской губернии в 1852 году и, рано осиротев, был помещен в пермскую школу кантонистов. В автобиографии он так описывает свой первый шаг к образованию: «Почтальон вместе с почтовой поклажей привез меня из Камышлова в Пермь, высадил на базаре и сказал: «Ступай, ищи теперь школу кантонистов».

За школой кантонистов последовала Ярославская военная прогимназия, а потом — известная своими прогрессивными традициями Московская учительская семинария военного ведомства, куда юноша попал в числе нескольких лучших учеников. Закончив семинарию, Бахтиаров стал учителем русского языка в Петербургской военно-фельдшерской школе, где он проработал почти всю свою жизнь.

«Нужда указывала на литературный заработок», — пишет Анатолий Александрович в автобиографии. Начиная с 1884 года, в разных периодических изданиях столицы появляются его очерки из петербургской жизни. Бахтиаров исколесил вдоль и поперек все рынки, боины, пристани, Щукин двор, живорыбные садки, Сельдяной буян, Обжорный ряд... Его фельетоны о механизме питания и снабжения столицы, вначале напечатанные в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Петербургской газете», «Новостях», и составили первую книгу «Брюха Петербурга».

«Тратя массу денег на лакомства, — удивлялся рецензент газеты «Неделя», — Петербург еще больше тратит на выпивку. Достаточно сказать, что за одни иностранные вина Петербург платит ежегодно 6 миллионов рублей, т. е. ровно столько, сколько тратится городом на народное образование, организацию медицинской помощи, общественное призрение, внешнее благоустройство, содержание полиции и многое другое вместе».

«Но самым интересным, — пишет далее автор, — является Обжорный ряд на Никольской площади. Это место, куда поступают все

отбросы со стола большого барина — настоящего Петербурга. Дешевизна пищевых продуктов здесь поразительная. Можно получить мясное блюдо за две копейки; яйца вареные продаются за две копейки за десяток и даже по копейке. Но зато что за провизия! Яйца прямо тухлые... «Мясное» составляют щековина, рубец, сычуги, горло, кишки и т. д. Обжорный ряд — это центр рабочей голи. Здесь же, на Никольской, и рынок этих «рук», где они продают себя. Всего ежедневно продвывается в Обжорном ряду не менее 5 тысяч человек...»

«Правительственный вестник» констатировал: «Содержание этой книги составляет серьезный труд, далеко не лишенный значения для характеристики материального и даже нравственного быта столицы».

Бахтиаров стал известен именно благодаря этой книге. Заметку о себе, написанную для словаря Венгерова, он так и озаглавил: «Анатолий Александрович Бахтиаров, автор «Брюха Петербурга». Но перу скромного учителя русского языка принадлежит еще добрый десяток книг, в которых он остался верен теме петербургских окраин.

В каждой из этих книг Бахтиаров с неизменной теплотой рассказывает о столичной голи, о беспризорниках, обреченных нищетой на скитания и голодную смерть. Вот диалог из книги «Отпетые люди». Герой очерка, каторжник, горько улыбается, глядя на новые кандалы:

— А какие хорошие — блестящие, звонкие! И какой кузнец их сковал для меня?

— Я знаю какой.

— Врешь?

— Этот кузнец нищегого прозывается».

В зрелые годы А. А. Бахтиаров посетил родные края, совершил путешествие по Уралу. Свою поездку в Верхотурье, где, якобы, покоилась мощи святого Симеона, он описал в книге «Босьяки», которая вышла в 1903 году. И здесь он остается верен себе: обращает внимание на нищету трудового люда и социальное неравенство.

Была у Бахтиарова еще одна заветная тема — им со-

ставлена первая у нас «История книги на Руси», изданная в 1890 году и удостоенная пять лет спустя награды на первой Всероссийской выставке печатного дела. Истории книгопечатания, бумажному промыслу, развитию типографского дела Бахтиаров посвятил много работ: «Слуги печати», «Иван Федоров — первый русский книгопечатник», «История бумажного листа», «Как печатаются иллюстрации»... Для известной библиографической библиотеки Ф. Павленкова «Жизнь замечательных людей», родоначальницы нынешней популярной серии, Бахтиаров написал биографию Иоганна Гутенберга.

Неизвестно, где и когда оборвалась жизнь Бахтиарова. Его следы теряются на маленькой финской станции Олила, куда он переехал из Петербурга в 1914 году уставшим 62-летним человеком. Ни десятки лет работы в военно-фельдшерской школе в должности учителя и воспитателя, ни изнурительная журналистская поденщина не помогли Анатолию Александровичу сделать карьеру и обрести материальное благополучие. Незадолго до отъезда из столицы, в феврале 1913 года, он униженно пишет редактору журнала «Исторический вестник» Б. Б. Глинскому: «Позвольте обратиться к Вам с покорнейшей просьбой: устройте мне некоторый аванс по усмотрению редакции за принятый рассказ «Атаман». (Рассказ напечатан в декабрьском номере журнала за 1913 год.)

Типичный литературный пролетарий, вынужденный ради добывания средств к жизни писать в год по 60—70 газетных и журнальных статей, А. А. Бахтиаров тем не менее оставил след в русской журналистике конца прошлого — начала нынешнего столетия как исследователь и бытописатель петербургского дна. Без его популярных очерков история нашей северной Пальмиры лишилась бы нескольких колоритных страниц.

Федор и Хведир

**Илья
АНДРИАНОВ,**
Герой Советского
Союза

Я помню, как он пришел ко мне, большой, широкоплечий, светлоглазый.

Видно было, что фронт ему не новинка — фронт оставляет свой особый след на людях, да и ордена на груди его говорили о многом.

Шел он едва заметно прихрамывая, я сразу понял — из госпиталя.

Подошел, доложил о себе. Рука большая, крепкая.

Родом он был с Урала. Теперь я уж запомнил, из каких мест.

Он стал моим ведомым, Федор Вдовкин, — как бы частью меня самого в бою. И сейчас, когда минуло уже тридцать лет с той поры, я часто вспоминаю этого отважного воздушного бойца, красавца-парня.

О нем и рассказ.

Осенью 1943 года наш авиаполк перелетел на правобережную Украину. Новый аэродром. На траву от винта самолета рушится плотная лавина секущего ветра. Траву скручивают и вдавливают в землю колеса взлетающих и приземляющихся машин. Луг обваривается отработанным маслом, он превращается в обычный прифронтный аэродром, укатанный, замасленный, наполненный грохотом и пылью.

Вечером после полетов я вместе с адъютантом эскадрильи отправился взглянуть, как разместились люди. У механиков уже топилась печь, сделанная из бензиновой бочки, было тепло, пахло свежей пшеничной соломой, лежавшей на деревянных нарах.

Обошли поселок. В ближайшей к аэродрому хате остановился мой ведомый, лейтенант Федор Вдовкин.

На пороге меня встретила хозяйка, средних лет, в вязанной из грубой шерсти безрукавке и темной сатиновой юбке.

— Здорови будьте, заходите, — сказала она.

Я вошел в хату. Оглядел печь, лавки, стены с фотографиями, где за стеклом собрана вся родня, ближняя и дальняя, — люди, которых теперь разметала война.

За столом сидел Федор, а рядом с ним мальчонка лет восьми, исхудалый — кости одни, нестриженный, в рваной женской кофте.

Вижу, хлопек зачарованно глядит на гимнастерку лейтенанта, его ордена, кобуру с пи-

столетом, ремни и погоны, но дотронуться не решается — еще не освоился.

— Ну-ка, командир, угадай, как нашего хлопчика зовут? — Федор погладил кудлатую голову мальчика.

— Иван, — начал я угадывать.

— Ни! — Глаза мальчугана весело заблестели.

— Грицько?

— Ни!

— Василь?

— Ни!

— Федор?

— Ни!

Хозяйка, хлопотавшая у печки, вдруг рассмеялась и обернулась к нам.

— Тогда, наверно, Тарас?

— Ни!

Много имен я перебрал, а в ответ все «Ни!» да «Ни!».

И тогда, подсев к столу, я достал из планшета цветной карандаш.

— Вот... если скажешь, как тебя зовут, получишь в подарок карандаш.

Но мальчонка, видно, был с характером.

— Ни, — твердо сказал он и сжал губы.

Я вынул из планшета чистый лист бумаги и начал рисовать хату — стены, окошко, затем глубоко нахлобучил на хату соломенную крышу. Рядом с трубой — большое гнездо и возле него длинного аиста.

— Ляляка, — тихо сказал мальчик. Он, затаив дыхание, следил за каждым движением карандаша.

Потом я нарисовал колодец с высоким журавлем, а в небе краснозвездный самолет.

Мальчик не мог сдержать счастливой улыбки.

И тогда я сделал вид, что собираюсь спрятать рисунок в планшет.

Мальчик не выдержал, потянулся руками к листу и закричал.

— Я Хведир!

— Федор? — переспрашиваю.

— Ни, Федир це вин, — мальчик показывает пальцем на Вдовкина. — А я Хведир!

Мы весело рассмеялись.

Федор и Хведир подружились.

Мальчик всюду бегал за лейтенантом.

Житье в деревне в ту пору было голодное, немцы все разграбили и пожгли. Не раз я видел, как Вдовкин в столовой завертывал в бумагу котлету или кусок сахара.

Как-то Федор смастерил своему маленькому тезке самолетик. Три дня тот не выпускал из рук игрушку. Бегал с ней по полю, жужжал. А ночью прятал свой игрушечный истребитель под подушку.

Обычно вечером, когда мы шли с аэродрома, навстречу нам бежал Хведир. Он подбегал

к Вдовкину, брал его планшет и шлемофон и гордо шагал впереди. А как приходили в хату, забирался Федору на колени. Сколько было в такие минуты веселья и смеха!

Они и спали-то вместе, Федор и Хведир. Перед сном мальчик долго играл с Вдовкиным, гарцевал у него на животе и, усталый, засыпал, прижавшись к плечу летчика, крепко обхватив его руками.

Мальчик еще спал, когда мы на рассвете садились в свои машины.

Воздух прозрачен и чист. Он будто искрится на утреннем солнце. Мы прикрываем наши войска. Внизу на дорогах пылят машины, движутся колонны солдат. Видимость, как говорят летчики, «миллион на миллион».

Но как обманчив он, ясный покой осеннего утра, вон впереди уже показались вражеские самолеты!

В наушниках голос ведущего:

— Ударная группа, за мной, в атаку!

Я посмотрел на своего напарника. Федор понял, кивнул из кабины.

«Фоккевульфы», увидев нас, стали сбрасывать бомбы и удирать. Я догнал самого левого и дал по нему очередь из пушки и пулеметов. Самолет загорелся.

И тут в шлемофоне услышал умоляющий голос Вдовкина:

— Командир, разреши одного!

— Выходи вперед — прикрою!

Фашист, видимо, сразу заметил, что сверху его атакует истребитель, и круто пошел вниз. Вдовкин тоже увеличил угол. Вижу, догоняет. Но почему не открывает огонь? Неужели оружие отказало?

А высота уже предельная. Вес самолета — три тонны, при выводе дает большую просадку.

— Вдовкин! — кричу. — Выводи! В землю вмажешь!

Ответа не последовало.

Немец стал выводить свой «фоккер» из угла. Но было уже поздно. Ему не хватало высоты, и на огромной скорости он плашмя ударился о землю. Я видел, как разлетались его обломки.

И только тут услышал голос Вдовкина:

— Вот так, сволочь фашистская! Буду еще на тебя патроны тратить!.. — и его самолет свечой взмыл вверх.

За четыре минуты боя наша группа сбила пятерых фашистов.

А на земле нас ждал Хведир. Маленький, в рваной вязаной кофте, он подбежал к Вдовкину и уткнулся лицом в его меховую куртку. Тот ласково огромной ладонью погладил его волосы. И счастливые, они зашагали рядом домой.

Однажды поступил приказ — атаковать вражеский аэродром. Задание было для нас необычным: аэродром врага размещался далеко за линией фронта,

Наши истребители шли четверками, прикрывая полк штурмовиков. Передовую прошли над сплошным лесным массивом в районе Знаменки. Теперь под крылом была занятая врагом земля. Каждый из нас невольно поглядывал на приборы, контролирующие работу мотора, прислушивался к его гулу и подумывал: «Не отказал бы... Не пришлось бы садиться...» Реже слышались команды по радио, уплотнялся строй.

Вышли прямо на цель. Противник не ждал нападения, и в воздухе не было вражеских самолетов. Ударили зенитки, но «ИЛы» были уже над аэродромом. Вниз полетели сотни бомб, и аэродром закипел от взрывов. Бомба угодила в бензосклад — во все стороны потекло жирное пламя.

По радио раздалась команда майора Черенцова:

— Делаем последний заход. Сбор! Сбор!

И вот штурмовики, догоняя своего ведущего, уже уходят на восток. Истребители — следом. В небе висела сплошная облачная пелена. В любую минуту из нее могли вынырнуть «мессеры».

И действительно, вскоре я услышал чей-то взволнованный крик:

— Командир, по нам стреляют!

Я увидел летевших внизу «мессеров» и, положив машину на спину, отвесно пошел вниз.

Я дал очередь по ведущему немецкой четверки — фашист задымил и вышел из атаки. За ним потянулись и остальные три. Оглянувшись, я увидел, что в хвосте у Федора Вдовкина висит «мессер». Рванулся на помощь, но опоздал: фашист успел дать очередь. Самолет Федора вспыхнул...

Тяжела она, гибель боевого друга. Но в тот раз особенно невыносимо было, когда мы, возвратившись из полета, направлялись в село.

Как всегда, навстречу нам с радостным криком выбежал Хведир. Он весело подпрыгивал и смеялся. Поровнявшись с нами, стал искать глазами Вдовкина, поди, думал, что дядько Федир шутит, прячется от него за нашими спинами.

— Дядько Федир! — смеясь, кричал он. — Де ты, дядько?

Мы продолжали идти молча, не поднимая глаз.

И мальчик все понял. Он бросился назад к своей хате.

— Мамо! — закричал он. — Дядька Федира немае!

От этого крика мальчика мороз по коже прошел... Никто не проронил ни слова. Летчики шли плотной группой. Сейчас им предстоял отдых. А завтра снова в бой.

Рисунок
Н. Павлова

НАЙТИ НЕИЗВЕСТНОГО СОЛДАТА!

**Нина
ШИРОКОВА**

Бежал солдат из плена. Что есть мочи уходил от преследователей. И пришел в оккупированный поселок. Спрятала его горняцкая семья — выдала за сына, одела в робу. Предатель-староста пронюхал об этом...

Гитлеровцы расстреляли красноармейца на виду у всех жителей поселка. Помнят в поселке Товарково Тульской области: звали его Миханлом, рождения 1910-го, родом из Рязани, был женат, имел шестерых детей.

Что знают о солдате родные? «Пропал без вести...» Что думают о нем однополчане, не досчитавшиеся его после боя? Какую память сохранит о нем Родина? С фамилией он пропал без вести, а погиб под вражескими пулями как безымянный... Погиб солдат не в открытом бою, не в госпитале от смертельной раны. Но было и есть у него честное имя!

Жестокость минувшей войны, самая большая жестокость в том, что она многих оставила безымянными. На поле битвы, в фашистском плену, на фронтовых дорогах и тропах. Помните, в документальной повести В. Богомолова «В августе сорок четвертого...» есть: диверсанты убивали солдат и офицеров, если те попадали в одиночку или небольшими группами, чтобы забрать у них документы. Безымянные могилы в лесных урочищах — не они ли хранят прах многих «без вести пропавших». Враг был злобен, коварен, врагу было на руку оставить бойца или офицера без имени. Если восстановить все, что погребла война, — сколько новых героических судеб обнаружилось бы!

Но это трудно, очень

трудно. И с каждым годом становится все трудней. Умирают от старых ран солдаты, стираются в памяти подробности. Но тем ценнее с каждым годом свидетельства очевидцев о Великой Отечественной войне, тем дороже каждый документ, фотография.

В год празднования тридцатилетия Победы в строю фронтовиков прошла большая поверка. Многие, числившиеся неизвестными, пропавшими без вести, встали в строй. Но этот строй еще не полный. Есть найденные герои, не до конца составлены следопытами списки воинов-земляков, не всех своих однополчан разыскали бывшие бойцы. Поверка не закончилась. Поверка продолжается.

Поиск начинается порой совсем с «ничего», со скудных сведений. Следопыты находят первую ниточку. И вот ведет она уже куда-нибудь из Сибири в Поволжье, из Москвы на бывшую Малую землю, открывает первое имя в военкоматовских списках, за ним — другое, и поименно встают солдаты, спящие в братских могилах, на которых война оставила лишь жестяную звезду, одну на всех...

Группа школьников из Новокузнецка отправилась в поход по местам боев 22-й (150-й) дивизии сибиряков-добровольцев. Вдалеке от своего города, в Калининской области, из огромных книг, из двух тысяч имен выписывали они фамилии солдат-земляков. Почтили места, где похоронены солдаты. Для многих семей в Сибири их данные стали последними весточками о войнах, сложивших голову вдали от родных сел и городов: эти имена не забыты, они овеяны славой,

В центре поселка Давыдовка Воронежской области на братской могиле безымянных героев стоит обелиск. Ребята местной школы взялись установить имена погибших солдат. Ныне на мемориальной доске уже высечены 160 фамилий...

Следопыты Чемеринской восьмилетней школы Львовской области четыре года собирают данные о погибших в этих краях двух неизвестных летчиках. Обстоятельства гибели выяснены со слов местных жителей. К подбитому самолету подбежали гитлеровцы; один из летчиков был сражен сразу, другой отстреливался и последнюю пулю послал в себя. Школьникам удалось узнать следующее. В боях участвовали авиадивизии 2-й воздушной армии; на борту самолета был номер 49 и две звездочки, машина выпуска 1943 года, дата гибели экипажа — 15 июля 1944 года. Один из летчиков был, вероятно, в звании капитана.

Отряд «Искатель» 31-й школы станицы Петровская на Кубани обнаружил в плавнях Приазовья погибший экипаж воздушного разведчика. Стали известны имена членов экипажа: командир — лейтенант М. Глухов, русский, из Москвы, штурман — лейтенант А. А. Муталипов, кабардинец, стрелок-радист — сержант П. Е. Сморунов, белорус. Они погибли в 1943 году.

вписаны золотыми буквами в памятки и мемориальные плиты.

На Урал, в город Кировград, пришло известие с Украины. Десятилетия стоял безмянным холм в маленьком садике семьи Гнатуков. Два брата — Николай и Мирослав — украшали его цветами. И вдруг солдатская могила «заговорила»: весной, в полудне, вымыло из земли бутылку, залитую смолой. В ней оказался свернутый в трубочку кусочек бумаги с наскоро сделанной записью: «Тут похоронены младший лейтенант В. М. Иванов и рядовой В. П. Кульбидок, которые героически погибли от немецко-фашистской пули, выполнив свой священный долг перед Родиной». Школьники из Лесной Слободки Станиславской области сообщили о находке матери Вилли Иванову в уральский город Кировград, сыну Василию Петровичу Кульбидоку — в Хмельницкую область. Следопыты Лесной Слободки отыскали многих солдат, погибших в боях за село, теперь в селе есть братская могила, правление колхоза поставило памятник бойцам. На открытие его приехали приглашенные родственники и узнали подробности последнего боя. Со всеми воинскими почестями были похоронены 23 июля 1944 года командир пулеметного взвода В. Иванов и солдат В. Кульбидок; а бой уже шел за окопной, и некогда было бойцам обозначить свежую могилу — надо было гнать врага, так и появились поспешные строки на листочке бумаги... Капитолина Васильевна Иванова, утирая слезы, сказала окружившим ее ребятам: «А Вика был похож на того солдата с гранатой...». Словно живой, предстал перед ней сын в скульптурной группе памятника.

Кировградские школьники, в свою очередь, шлют письма в Новгород и Оренбург, в Алтайский край и в Ульяновск — сообщают, что в их городе похоронены умершие в тыловом госпитале от ран чьи-то сыновья, отцы, братья...

Нелегко следопытский поиск. Идет он самыми разными путями, длится го-

дами. Подчас ребят ждут самые неожиданные открытия. Подробный материал собрали школьники из Тернополя о красноармейце Ростиславе Кирее, погибшем в глубоком яру у Днестра. Их было семеро, солдат, вызвавшихся уничтожить огневую точку врага; когда пулеметная очередь прошла Кирея и он упал, его товарищи уже обходили вражеский дзот — еще миг, и пулемет захлебнулся. Имя Ростислава Михайловича Кирея высечено на мраморной плите в селе Золотой Поток. «Простим разыскать родных героя, сообщить их адрес...» — писали ребята на родину бойца, в Киевскую область. И вот пришел ответ: «Сообщаем, что Ростислав Михайлович Кирей жив». А потом украинские документалсты сняли в кинохронике: седой ветеран вычеркивает мелом свое имя на камне надгробья. Таких счастливых находок у следопытов немало. Подобную же радость испытали следопыты Суворовской восьмилетней школы Калининградской области, разыскивавшие по надписи на обелиске солдата с фамилией Гордеев. Хотели узнать о нем побольше, написали родным, а в ответ пришла телеграмма: «Буду школе. Гордеев».

Школьники бывших тыловых областей чаще всего работают с военкоматовскими списками, разыскивают и спрашивают однополчан, родственников, обращаются в архивы, ведут огромную переписку. Бывают случаи, когда они устанавливают имена солдат по личным вещам, хранящимся в школьных музеях, — например, по инициалам на солдатском котелке.

Там же, где проходила линия фронта и шли бои, ребята оказываются как бы в самой гуще событий...

В Черкасской области ученики, игравшие в «Зарницу», обнаружили в старой дуплистой груше записку. «Сейчас 12 часов 15 минут 23 декабря 1943 года. Я умираю последним. Нас было 21 человек пяти национальностей. Мы умерли за Родину. Ст. лейтенант Ковалев, г. Москва». Возле

опушки в урочище и сейчас остались траншеи и воронки... Осенью сорок третьего года здесь был брошен наш воздушный десант. Известно, что около ста бойцов присоединились к местному партизанскому отряду, а часть десанта была окружена фашистами. Почти три месяца сражались десантники, отвлекая на себя врага, нанося ему неожиданные удары. В декабре на опушке урочища произошла последняя жестокая схватка. Уже в сорок четвертом местные жители подобрали в лесу останки бойцов. На памятнике, поставленном отважным воинам, за долгие годы появились лишь две фамилии: лейтенанта Горинцева и рядового Простомолотова. Теперь есть третья — старшего лейтенанта Ковалева...

Отряд «Поиск» Тосненского леспромхоза (Ленинградская область) начал разыскивать неизвестного летчика прямо с места гибели самолета ПО-2, обломки которого спустя много лет после войны были обнаружены при прокладке трассы железной дороги. Сохранился орден, гвардейский знак, пистолет «ТТ», истлевшие бумаги. На запрос школьников Центральный архив Советской Армии ответил, что орденом Красного Знамени за № 25680 был награжден Подуто Федор Андреевич, 1918 года рождения, штурман бомбардировочного звена 31-го пикирующего бомбардировочного полка 70-й армии. Так стало известно еще одно имя.

...Нелегко найти Неизвестного солдата. Где живет очевидец последнего боя? У кого хранится единственный фронтовой снимок, с которого начнется поиск? Где оборвался путь солдата? Кто знает, кто помнит, кто может рассказать? Тысячи вопросов — и ответ иногда приходит спустя годы поиска.

Очень трудно найти Неизвестного солдата. Но его надо найти!

Это и о них, пока не известных, сказал поэт Михаил Светлов: «...Нас Победа по фамилии на подвиг каждого звала».

В вестибюле алма-тинской школы № 54 есть галерея героев. Пятнадцать портретов — выпускники и учителя, не вернувшиеся с фронта. Теперь в этом ряду появился еще один портрет — выпускника 1941 года, летчика Анатолия Иванова. Еще несколько месяцев назад это имя ребята было неизвестно. Из 222 бойцов, захороненных в братской могиле, имена 113 установлены красными следопытами Поселково-Воротынской школы Калужской области.

Клуб «Юный моряк» (город Орел) взялся установить фамилии матросов, спящих вечным сном в братской могиле в селе Чувардино. В конце января 1943 года здесь были введены в прорыв три бригады моряков-тихоокеанцев. Под селами Чувардино и Волобуево матросы одного из этих воинских соединений сражались с танками. Известны лишь несколько фамилий, среди них — Даниил Сергеевич Пашков, Павел Зиновьевич Корчужков... Последние письма от тихоокеанцев приходили с пути следования — станция Ильино Ивановской области, полевая почта 208. С января сорок третьего письма прекратились совсем.

Семиклассник 365-й ленинградской школы Саша Поляров и его товарищи несколько лет вели поиск рабочего Адмиралтейского завода Протаса Автушенко, добровольцем ушедшего на фронт. Биография его восстановлена полностью. Ребятам удалось найти и могилу солдата: старший лейтенант Протас Автушенко похоронен в польском городе Бронев.

Внесена поправка в надпись на белокаменном памятнике в латвийском городе Илуксте. По архивным данным солдат 106-го стрелкового полка 29-й стрелковой дивизии Сердюков П. Н. значился погибшим. Следопыты школы № 2 установили, что жив солдат.

УФА, РЕКА УРАЛЬСКАЯ

**Юрий
КУРОЧКИН**

Рисунки
В. Бубенищкова

Река и люди

Может, это и взаправду верное дело — съесть вместе пуд соли, чтобы поближе, основательней узнать кого-то и теснее сойтись с ним... Щепотка крупнозернистого хлорида натрия, брошенная в общий котелок с ухой или кашей, становится не только вкусовым компонентом, но и символической щепоткой душевного тепла, добавленного в котел дружбы, залогом близости и взаимопонимания.

Ну, а река? Что ж, и река, если иметь в виду не только воду, но весь комплекс вода — берега — люди, тоже готова стать объектом дружбы. И чтобы по-настоящему узнать и увидеть ее, привязаться к ней, понять ее, надо и в самом деле съесть там этот символический пуд соли.

В неспешных беседах — с капитаном буксира в рулевой рубке, с учителем из прибрежного села за чайком с сотовым медом, с древним стариком на завалинке его не менее древней избушки, с совхозным бригадиром в час отдыха у копны свеженакошенного сена — начинаешь видеть черты своеобразной типичности, присущей этим краям, этим условиям жизни. И на реку смотришь уже иными — понимающими глазами.

Сидя на высоком берегу и глядя на оживленную волнующую магистраль, уже видишь, что за чем стоит, что с чем связано.

Окончание. Начало см. в № 5 1976 г.

Вот идет серебристый красавец-танкер с круглыми, приплюснутыми к палубе башенками. Прямо-таки лебедь плывет! Но он не какой-то брезгливый чистоплюй, в его трюмах-танках плещутся не очень-то чистенькие жидкости: солярка, керосин, бензин, мазут — то, что у механизаторов зовется ГСМ, то есть горюче-смазочные материалы. Их ждут тракторы, автомашины, комбайны.

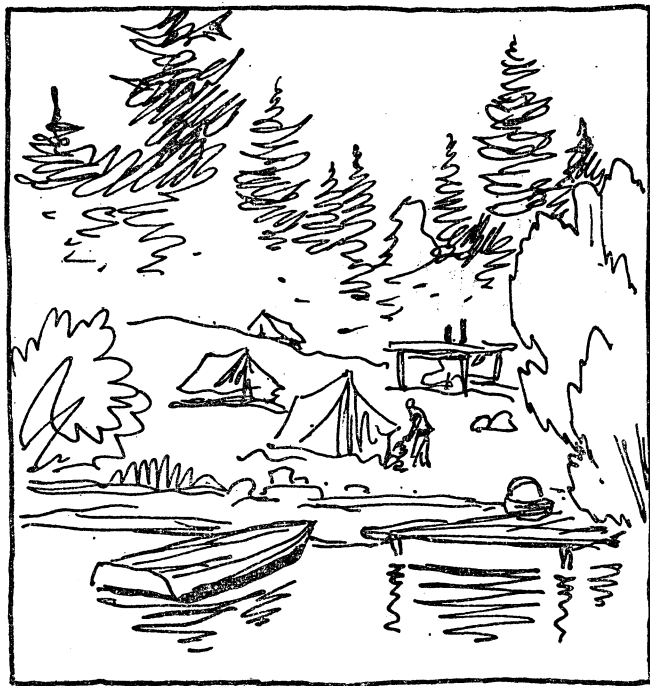
Не надо быть экономистом, чтобы понять на этом примере экономическую роль реки. Во что бы обошлась перевозка такого груза от Уфы в такую даль сухопутным транспортом — это и не специалисту ясно. А тут еще сухогрузы везут вниз зерно, картофель; понтоны — пиломатериалы, дрова; буксиры ведут плоты, баржи со всякой всячиной на всякие случаи. Многое из того, что перевозится по реке, по суше, и перевозить, пожалуй, не стоит — не самокупится. А ведь это только одна из граней экономической роли водной артерии края.

Там вот к пристани (впрочем, никакой пристани нет на всем водохранилище, за исключением Павловки и Караидели, просто судно тычется носом в берег и опускает трап) подошла сигарообразная «Заря» — комфортабельное быстроходное судно глиссирующего типа. Это новшество. Раньше ходили однопалубные теплоходы ВТ с первым, вторым и третьим классами кают. Но очень уж они были тихоходны — от Уфы до Караидели шли больше полутора суток. По сравнению с ними «Заря» — рысак: то же расстояние покрывает за двенадцать часов.

Это уже общественная роль реки — соединять людей. Не просто транспортный путь, а средство общения — древняя историческая миссия рек и в наши дни не потеряла своего значения.

Замечаем ли мы, как культура, комфорт становятся в наши дни будничными, естественными даже для таких вот глухих углов, осознаем ли значимость этого, ценим ли всегда? А ведь культура народа это не только грамотность, но и культура быта, «необходимый комфорт». В прекрасно отделанном дорогим пластиком салоне «Зари» не плюнешь на пол, как на палубе обшарпанной баржи, не сядешь в грязной робе на свежeweыглаженный чехол кресла...

А как оценить то, что в этом краю традиционного

бездорожья, где к берегам из-за их рельефа добраться весьма трудно, а местами и просто невозможно, летом бесперебойно доставляется почта. Специальный катерок со скрещенными стрелами-молниями на бортах юрко снует между селениями, доставляя газеты и журналы, письма и посылки, а также и кинофильмы. И даже «скорая помощь» здесь водная — видите, в залив спешит быстроходный катерок с эмблемой Красного Креста.

Река обслуживает людей. Верховья ее уже нынче будут поить такой крупный промышленный центр, как Свердловск. Но, оказывается, и реку надо обслуживать.

Во-первых, ее надо все-таки знать. И знать хорошо, чтобы видеть, где, чем и как необходимо помочь ей, как разумней использовать. Река ведь тоже своеобразный механизм, где взаимодействуют вода, берега и климат. И, конечно, человек. Тем более, что тут Уфимка уж и не совсем река, а нечто новое, еще не очень известное — водохранилище.

Вот почему в этих краях уже второе десятилетие можно видеть неторопливое суденышко, занятое каким-то непривычным для берегового наблюдателя делом. «ГМС-2615» — выведено на его бортах и на обязательных для каждой речной посуды спасательных кругах — Гидрометслужба. Анатолий Егорович Цеписов, начальник гидрометстанции «Павловка» и руководитель этой плавучей лаборатории, рассказывает: работа будничная, для постороннего взгляда нудноватая — измерение глубин в определенных пунктах, температуры воды, скорости течения, наблюдения за берегами, планктоном и прочее такое. А все вместе — изучение режима реки в ее новом облике и его связи с атмосферными и климатическими явлениями. Ну, а зная это, знаешь и как приноровиться к обновленной реке.

Она во многом новой стала, эта река. Одних профессий на ней прибавилось, других — убавилось...

...Есть такая древняя профессия — бакенщик. Когда она зародилась, кто ее знает, но, конечно, очень давно. Известно, что на Днепре и Волгове, например, еще в очень давние времена ставили бакены — плавучие маяки для предупреждения об опасных для плавания местах. Говорят народные предания, что и струги Степана Разина, плывя ночью по сложным рукавам нижней Волги, ориентировались по кострам, зажженным на заякоренных плотиках у мелей и ложных протоков. В бурные и туманные ночи на иных реках на бакенах ставили колокола. Ну, а маяки-то известны с незапамятных времен.

С развитием судоходства развивалась и служба обеспечения его безопасности и удобств. Появилась целая система навигационных знаков: бакены правого и левого берега, вехи, перевальные знаки, створы, ходовые знаки, рейдовые столбы — система, которая со временем стала не менее, а даже более сложной, чем нынешний комплекс дорожных знаков в большом городе. И всем этим хозяйством ведал бакенщик.

Профессия нелегкая и непростая, но всегда считавшаяся почему-то безмятежно спокойной и простой, почти бездельной. Старичок-бакенщик, неспешно плывущий на лодке по вечерней реке к своему одинокому домику на берегу, — излюбленный сюжет многих картин идиллического характера. Другая сторона медали, незаметная большинству, — тяжелая работа в любую погоду — к идиллии не имеет никакого отношения. И не всякий старичок с нею справится.

С одним из представителей этой древней профессии мне довелось повстречаться на берегах Уфы и послушать его рассказы. На окраине поселка Караидель в гуще зелени на обрывистом берегу стоит уютный домик — обжитой, любовно обихоженный снаружи и внутри. Живет в нем Сергей Яковлевич Плотников. Живет давно, не одно десятилетие. А работает на реке еще дольше — вот уже сорок лет. На его глазах менялась и сама река, и жизнь на ней, и «вобстановка», как он называет техническое обеспечение судоходной ситуации: от керосиновых фонарей на деревянных бакенах до электроники в современных металли-

ческих буйх. Сорок лет он садился в свою лодчонку по вечерам и зажигал сигнальные огни на закрепленном за ним участке, ночью стогоржил — не задуло бы, с рассветом тушил их, а днем ремонтировал. А еще — устанавливал на мачте у домика гирлянду условных знаков, обозначающих глубину фарватера, ширину его, сведения об ожидаемой погоде — их передавали по утрам на границах своих участков от бакенщика к бакенщику.

Помнит он и будничные сюрпризы судоходства прежних времен, когда, бывало, пассажиров просили сойти с парохода и идти несколько километров берегом — «воды нет», фарватер мелок, а осадка велика. А то и совсем на якорь становились, пока — иной раз через сутки — вода не прибудет. Особенно неприятно памяты «перекаты», каждый со своим именем, как тайфун в океане — Мертвый луг, Пещеряк, Ельдяцкий... Это теперь режим водохранилища в основном постоянен, а тогда целиком зависел от климата: пройдет дождь, воды в реке прибавится, надо бакен сдвигать, стоит жара — опять меняй место знаку: вода ушла, мели обнажились...

Вспоминал Сергей Яковлевич, как в бурную непогоду вдвоем с женой авралили — восстанавливали разбитые вдребезги бакены... Руки ледяной коркой покрывались, лодку захлестывало, а — надо, в такую погоду судам без «вобстановки» гибель.

И все-таки...

— Профессия древняя. Но — умирающая, — сказал мне в Уфе Ефим Наумович Зальц, главный инженер участка речных путей Камского бассейна, один из старейших работников этой системы. — Побывайте в Павловке, посмотрите,

Сутки на «Лебеде»

Лебедей на Павловском водохранилище нет — это я знал. Хотя, вполне возможно, будут — там есть для них подходящие места и условия.

Но есть «Лебедь»...

На верхней пристани Павловки, у самой воды стоит домик. По весело треплющимся на ветру оконным занавесочкам похож на жилой. Но, зайдя во двор и увидев нагромождение бакенов — белых и красных, деревянных и металлических, обшарпанных и свежевывкрашенных, таких непривычных на суше, — понимаешь, что это и есть «База технического участка речного пути», побывать на которой мне советовал главный инженер.

Главный бакенщик, а официально — бригадир путевого участка — Альмухамет Садретдинович Садретдинов еще не стар, но опытен: на реке уже четверть века, из них пятнадцать лет на «Лебеде». С виду суров, немногословен, решителен, как и подобает не только морскому, но и речному волку. Но все знают: добряк, прост и доступен, а что строг и за промах какой иногда рявкнет по-капитански, так иначе нельзя — служба на воде сантиментов не любит.

О работе своей Садретдинов рассказывает скупно, без эмоций: труд, как и всякий другой, только что на воде, а вода расхлябанности не прощает. С бутылкой дружишь — лучше сиди на берегу, трусоват — тоже не товарищ нам.

Участок у «Лебеда» немаленький — 125 километров прямого судового хода по Уфимке да еще километров 25 в «приписанных» речках — Урюше и Юрюзани. В хозяйстве сотни полторы разных знаков — бакенов и буйев, ходовых, перевальных, створных и прочих сигнальных точек, требующих постоянного внимания и ухода. И чтобы все хозяйство, размещенное на 150 километрах, безотказно служило — в том и работа, о том и заботы. А на все про все — бригада из девяти человек: шесть на вахте, трое на берегу. Народ молодой, большинство «пятидесятники» — в пятидесятых родились.

В чем работа?... Да в том же, что и у бакенщиков-

одинок: следить за исправностью знаков, за их местоположением, менять источники питания...

— Хотите с нами в рейс?

— Хочу.

И мы всходим на чуть подрагивающую от работы стапятидесятилетнего дизеля палубу «Лебеда». Задний ход... Разворот... И вот уже, весело подпрыгивая на волнах от встречного буксира, с которым «раскланялись» от машкой сигнального флага, наше суденышко выходит на простор «Павловского моря». Мы идем на работу.

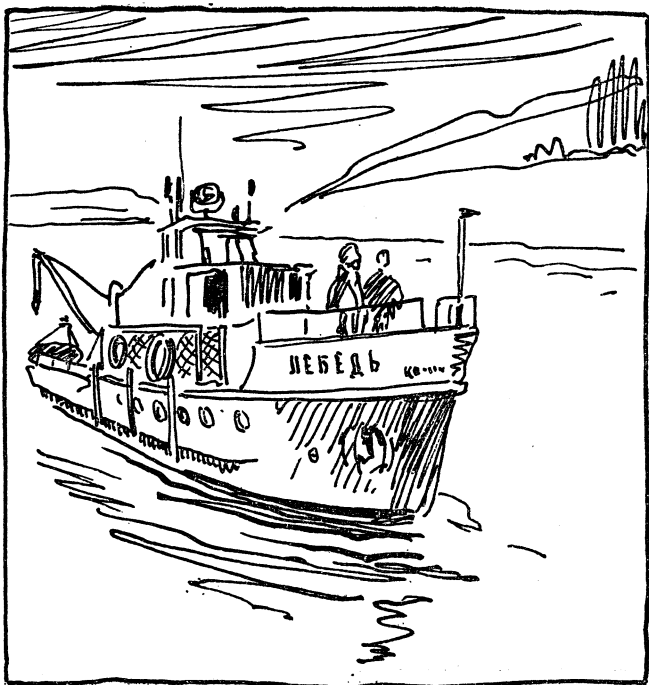
От берега к берегу, от знака к знаку сует «Лебедь», придирчиво осматривая свое хозяйство. Подходя к одному из знаков, бригадир косит глазом в рабочий журнал заданий, но это больше для очистки совести, а что где надо, он и так хорошо знает: тут пришел срок сменить батарею на створе, там пора перекрасить буй, а здесь что-то барахлит электроника — фотосигнальное устройство.

Это все по графику. А вот уже вне его — неаккуратный или неумелый капитан буксира-плотовода зацепил хвостом плота за бакен и уволок его аж на несколько километров вниз. А здесь, на перевальном знаке, какой-то пакостник из рыбаков стащил аккумулятор — будто невдомек, что ночью из-за этой потухшей путеводной звездочки штурманы будут несколько километров вести свои суда вслепую, опасаясь врезаться в берег или сесть на мель.

«Лебедь» торопится — надо до темноты пройти весь маршрут и выполнить все, что определено графиком, а то и вне его, по необходимости. Поэтому работа идет и во время перехода, на борту — красят, например, буй, только что снятый в одном месте, чтобы обновленным его поставить на другом, в обмен.

Буй — металлический бакен — приходится поднимать всей бригадой, хотя и с помощью лебедки. Его металлический конус и сам по себе не легок, а тут еще к основанию привязан на тяжелой цепи увесистый чугунный якорь, килограммов на двести.

Современный бакен — это не то, что старые деревянные пирамидки с керосиновым фонарем типа «летучей мыши» наверху. Теперь это агрегат, оснащенный электронным реле, с помощью которого фонарь зажигается с наступлением темноты, а с рассветом сам же выключается.

Главный электрик «Лебедя» Леонид Федорович Турышев и его помощник Мансур Батыргареев карабкаются на высоченную пирамиду ходового знака и что-то колдуют там. А матросы (виноват, путевые рабочие по штатному расписанию) в это время дряют днище только что вытасщенного бую... Будни. Работа. Производство...

Но иногда будни обретают иной характер. Скажем, после бурной ночи, когда разметанные ветром плоты снесут «судоходную обстановку» на протяжении нескольких километров. Тогда только успевай утирать пот, чтобы как можно быстрее восстановить арсенал путеводных знаков. А если еще ветер, дождь, крупная, еще не утихшая зыбь, тогда... Если это и есть романтика, то — наслаждайся ею вволю, но ни на минуту не забывай, что это прежде всего работа — важная, ответственная, трудная, требующая предельной собранности и отдачи сил.

Ночь спускалась неожиданно быстро. Хотя небо еще долго оставалось светлым, у берегов уже скапливалась бархатная темь. И в ее глубине вдруг возник — сначала неясно, зыбко, а потом все явственнее — далекий огонек. Он мерцал, словно убеждая не спутать его с огнем костра или окном одинокой хижины, приветливо подмигивал: «Вот он, я. Доверься мне, иди на меня»...

И мы шли. А бригадир и штурман внимательно вглядывались в ночь. Для них эти огни не только путеводители, но и свидетельство качества их работы. Светит и мигает нормально, как положено, — добро. Тускло или неровно — огрех, который надо исправлять. А уж если на должном месте вместо желанного огонька темень, то это уже «чепе», по производственному — негоримость. Причины ее могут быть всякие, от бригады никак не зависящие (ну, положим, хулиганы фонарь разбили), но дело тут не в том, чья вина, а в том, чтобы знак действовал, и все тут...

Ночь все темней. На небе сходятся на свою еженощную конференцию звезды, большие и малые, кучками и в одиночку. Но это мне можно закидывать на них голову, а штурман и бригадир в рубке заняты делом.

Мы идем во тьме. Шумит за бортом вода, обтекая бока «Лебедя». В кубрике гоняют чай и забивают «морского козла», потому что речного пока не изобретено. В машинном мерно рокочет двигатель. А что вокруг, мы не видим — фар у судна нет, разве только изредка штурман включает верхний прожектор и обшарит его лучом фарватер впереди — нет ли топляков. Курс — на звездочки, зажженные на берегах ими, «лебедянами», вот для таких же ночных плавучих путников. Звездочки эти вселяют уверенность и покой, незачем тревожно вглядываться в чернильную, тающую неожиданности темноту — рукотворные звезды не подведут.

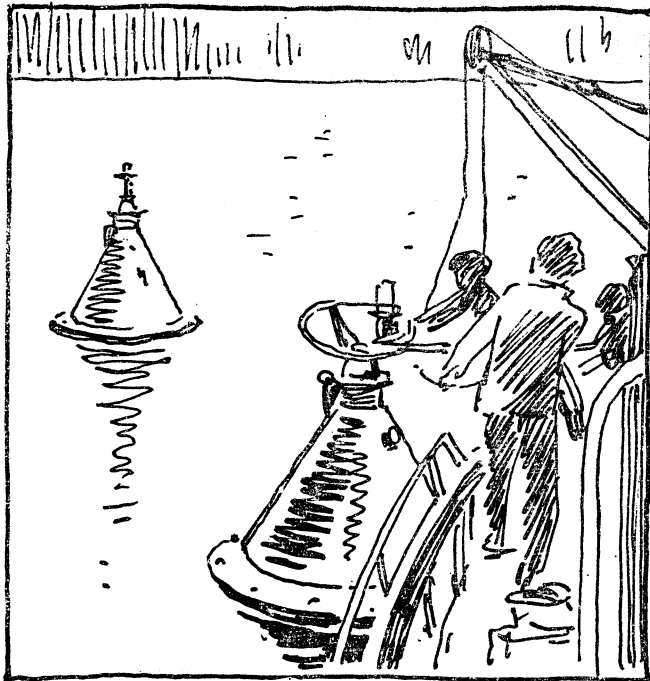
Но вот начинает светать. Нехотя сходят с груди реки последние клочья тумана, поднимаются вверх, растворяются в утренней прохладе. «Лебедь», словно конь, почувывший близость дома, прибавляет ходу. Уже встают перед взором знакомые дневные пейзажи, только не солнечные и сочные, как днем, а как бы размытые, притушенные. У Чамаевской гряды нас встречает солнце на гребнях скал. А вскоре за поворотом — Павловка. База. Дом...

Проблемы воды и суши

Проблемы есть везде. Ибо что такое проблема, как не обнаруженная необходимость разрешить какое-то противоречие, улучшить что-то. В стремлении к лучшему — вся жизнь человека.

Есть проблемы и у Уфы-Уфимки. Видишь их и свежим взглядом путешественника, убеждаешься в них и потом, пожив на реке и привыкнув к ней. И дело тут не в критиканском настрое ума и глаза, а в благожелательной заинтересованности.

Вот — и красоты, и благодать, а в хозяйстве, кроме этого, нужен еще и порядок. Ну, а кто же не поймет, что

река — это тоже своего рода хозяйство, большое и сложное, послужней иного промышленного комбината. Хозяйство, в котором неразрывно взаимосвязаны и вода, и земля, и лес, со всем содержимым в этих природных сферах. И, конечно, люди, вместе со всем комплексом созданного ими для труда в жизни, для личной пользы и для общественного блага.

Скажем, вода.

Реке Уфе в пределах водохранилища определенно повезло — на ее берегах нет ни одного крупного производственного предприятия. Оттого и вода чиста, как редко где, и рыба разная водится, и берега первозданные. Нынче редкая река на Урале может похвалиться такими благоприятными условиями.

Но, оказывается, условия эти вовсе же не идеальны, если соотносить их в свете современных требований к взаимоотношениям человека и природы. Пока это еще не очень заметно, а с годами может сказаться на судьбе всей реки. Не будем говорить о мелких неприятностях, вроде бензозаправочных пунктов и баз на берегах, о банях, жмущихся к самой воде, о браконьерах, отравляющих реку мешками разнообразных «каш» для подкормки лещей, и о прочем таком — это легко устранимо. Речь о другом.

Речь о лесах.

О лесах, с которыми судьба реки связана неразрывно. О прекрасных горных массивах хвойного и лиственного леса, расположенных в бассейне стока реки на Уфимском плато. А сток — это, грубо говоря, территория, питающая реку водой. И питает не только (и не столько) притоками — речками и ручейками, но и стекающими с этой территории дождевыми и снеговыми водами. Держат же, сохраняют такую воду леса — не даром они называются водохранилищами. Лес — верный хранитель влаги, первый друг реки, хозяин ее запасов водных ресурсов — плоти ее.

Леса на берегах Уфимки рубят вроде бы не так уж и много (в масштабах страны) — тысячу шестьсот кубометров в год заготавливают леспромпхозы Караидельского района. Но ведь рубят давно. А лес растет несравненно медленнее, чем его вырубает. Если взять цифры запаса лесов в районе, их расхода и прихода, то ответ в задаче, которую решит и второклассник, будет неутешительным: через столько-то лет леса здесь может не быть вообще.

Тогда, можно сказать, и реки не будет. История уже знает такое.

А пока лес еще есть и его рубят. Методы его заготовки и транспортировки приносят реке свои беды. Мелевой сплав по притокам Уфы — Юрюзани и Аю — выстлал дно их многоэтажной мостовой из затопленной древесины. Леспромхозы, не желая обременять себя излишними заботами, сбрасывают отходы заготовки прямо в реку, где они гниют, меняют состав воды, губят рыбу. И уже не все традиционные для Уфимки породы рыб встречаются нынче здесь — ведь наиболее ценные из них обычно бывают и наиболее прихотливыми.

Вспомнились при этом и рассказы старого бакенщика о прошлом реки. Уфа выше водохранилища уже начала мелесть — сокращается сток, засоряется и заиливается дно. Мало заметно, но неуклонно река беднеет, хиреет. Водохранилище еще как-то поддерживает ее, а когда хранить будет нечего, тогда как?

Надо думать, что здравый смысл возьмет верх над сиюминутными выгодами, и лесозаготовки здесь рано или поздно прекратятся. Хорошо, если рано, а если поздно? Как быть пока? Ведь можно нанести непоправимый вред реке, ибо многие процессы в природе необратимы.

Но, может, страхи эти преувеличены?

Что ж, обратимся к мнению специалистов и ученых.

В 1968 году министр лесного хозяйства Башкирии М. Х. Абдулов заявил в газете «Ленинец»: «За последние 10—15 лет елово-пихтовые леса, расположенные на Уфимском плато, интенсивно вырубались и, в результате слабого возобновления, площадь их значительно сократилась».

Два года спустя научный сотрудник Башкирской лесной опытной станции А. Письмеров высказался в газете «Советская Башкирия» еще более определенно: «Уже почти исчерпаны запасы хвойной древесины в южной и юго-западной частях плато... Мы стоим, можно сказать, перед совершившимся фактом истощения лесосырьевой базы по хвойному хозяйству в районе Уфимского плато». И предупреждал далее: «Вырубив за 10—15 лет все спелые и переспелые хвойные леса, рубить будет уже нечего».

Это было сказано в 1970 году. Не так уж много лет осталось до конца тревожного срока, предсказанного ученым-лесоводом.

А что такое леса этого района, их значение в планетарном масштабе, дают понять такие строки из той же республиканской газеты «Советская Башкирия»: «Уральская горная гряда — мощный барьер, который не только регулирует климат, но и перераспределяет атмосферные осадки и речные стоки в близлежащих пределах обоих континентов».

Вот так — речь идет уже о континентах!

Утверждают — и вполне обоснованно, — что башкирский лес хранит полноводность рек Волжско-Камского бассейна, Урала, Оби. Даже Оби, хотя она совсем в другой части света!

Ученые ставят вопрос: «Совместимы ли вообще понятия «горные» и «эксплуатационные» леса?» — и отвечают на него: «Явно несовместимы». И потому, говорят они, «горные леса Башкирии необходимо перевести в гидрологический фонд страны и установить такой режим лесопользования, чтобы он отвечал, в первую очередь, задачам сохранения водохранилищно-регулирующих и почвозащитных свойств леса» («Советская Башкирия», 24 июня 1971 года).

Но, похоже, что тут ученые ломаются в открытую дверь — ведь еще в 1961 году леса Уфимского плато переведены в категорию горных!

Однако тревога эта не беспричинна. На бумаге леса «перевели», но... «режим оставили на уровне равнинных эксплуатационных лесов третьей группы». Вот вам и интересы планеты Земля! «Башлесу» важен план, а не планета...

Не забудем при этом, что лес — это не только древесина. Лесной министр Башкирии тов. Абдулов утверждает: «Дары природы, то, что специалисты называют «побочным использованием леса», могут и должны давать

большой экономический эффект, чем сама древесина».

Министр заявил это не в результате кабинетных умозаключений и не в полемическом запале, а после трехлетнего опыта организации и работы в Башкирии комплексных лесохозяйств, на которые возлагались прямо-таки святые функции: «Лесохозяйственные и биотехнические мероприятия, направленные на охрану и воспроизведение охотопромысловой фауны, полное использование побочных продуктов леса».

Об этом опыте в июне 1975 года дважды писала газета «Известия» и делала вывод: «Министерство лесного хозяйства Башкирии нашло в работе главное звено, рассматривая лес как основу природного комплекса, последовательно осваивает и увеличивает его богатство».

Смысл такого ведения хозяйства в том, чтобы людям служили все богатства леса, не истощаясь при этом, а увеличиваясь. Что именно для этого делалось, рассказывать долго, проще прочитать те же «Известия», скажу только, что созданные в конце 1973 года 8 производственных объединений, в состав которых вошли 45 лесоканбиатов, лесхозов, мелиоративных станций, кроме выборочных, санитарных рубок и лесопосадок, изготавливают хвойную витаминную муку, утилизируют щепу и все порубочные остатки, используя их на разные поделки, вплоть до сувениров и до дегтя, заготавливают лесные плоды и ягоды, грибы, лекарственные растения, а также лесного зверя и птицу — строго по рекомендациям охотоведов.

Все это, в общем-то, не ново — подобные попытки уже были. Но очень уж они скоро кончались — как только надоедал эксперимент. А здесь, похоже, взялись хозяйствовать всерьез — не на какой-то опытный срок, а навсегда.

И это, что и говорить, впечатляет. Ведь это — качественный скачок в отношениях хозяйственника и леса. Возможно, пройдет не так много лет, когда мы будем недоумевать: неужели еще недавно мы так плохо хозяйствовали, не понимая собственной выгоды?!

Начинание прекрасное. Только вот до Караидельского района оно еще не дошло. А уж где-где, а здесь горные леса Уфимского плато прямо-таки жаждут включиться в него.

Да не посетует на меня читатель, что в этой главке приведено столько сухо-деловых цитат, скучных цифр. Что делать — за ними судьба леса, судьба реки.

Вот она — неславно катит свои воды под неистовым полуденным солнцем, подставляя себя как зеркало береговому лесу, источающему дрожащее марево и повторяющему себя в этом зеркале. Пробежит по нему катерок, взломает точно повторенное отражение, но осколки его, показавшись беспорядочной мозаикой на волнах, опять сольются в вечную в своей неизменности картину... Вечером примет река на свою грудь розовую зорьку, понежит ее, переливая оттенками, потом притушит, и розовость как бы растворится в воде, уйдет вглубь, чтобы через несколько часов вынырнуть вновь, уже в виде трепещущей лунной дорожки, протянувшейся от берега к берегу. И в торжественном ночном покое станут явственнее слышны бормотания судовых двигателей где-то вдалеке и всплески каких-то рыбин — будто совсем рядом. Река и ночью не спит...

Река-красавица, река-поилка и кормилица, река-работница. Служила предкам нашим, служит верой и правдой нам, послужит еще и далеким потомкам. И как же не беречь ее, не болеть за нее!..

А у людей на берегах свои проблемы. Народ в этих краях к труду привычный — умеет, когда надо, поработать от темна до темна, не траться зря на перекуры. Многие умеют: почитай, каждый — плотник, рыбак, косец и жнец, лесовик. В совхозах и на предприятиях поэтому быстро находят себя, становятся ударниками, а то и Героями. Но в маленьких селеньях часто приходится встречаться с не такими еще старыми людьми, практически ничем общепольным не занятыми.

— А что будешь делать, где руки приложить? — ответил мне вопросом на вопрос один из таких.

И, в самом деле, для любой из деревень «Запавловки» есть только два работодателя — совхоз и леспромхоз. А там не каждому найдется работа по специальности, здоровью. Можно, конечно, пристать с вопросом — почему в город не едешь? Но дело это тонкое, у каждого своя причина, с которой надо считаться.

— Пенсия военная, ну, еще свое хозяйство: огород, скотина кое-какая, гуси. Жить, вроде, можно, а, скажем, по настоящей работе руки тоскуют. Я вот столяр неплохой, знаешь, какой шкаф могу соорудить — заглядишься. А кому они здесь нужны, шкафы-то? В Магинске, в магазине румынский сервант достанут. Вот и ковыряюсь в огороде да гусей пасу. А на кой мне эти гуси... — и мой собеседник с досадой растоптал недокуренный «гвоздик».

Да, занятость населения здесь проблема. И странно, что в районе ее как бы не замечают.

Похоже, что надежды на выход из положения здесь возлагают на сселение: создание укрупненных поселков за счет ликвидации мелких. Недаром председатель Караидельского райисполкома В. Н. Цыпин в своем докладе на сессии райсовета разделил все селения района на перспективные, полуперспективные и неперспективные.

Почти все прибрежные селения (за исключением двух-трех), конечно, попали в число бесперспективных.

Ну, а сами бесперспективники что думают об этом? Конечно, ЭВМ выдала бы средний результат из тысяч мнений. Но судьба человека трудно поддается арифметике — у каждого свое и с этим своим приходится считаться. Как-то в разговоре с одним из нестарых еще старожилых я упомянул, что слышал о давнем — лет двадцать назад — их переселении при создании водохранилища.

— То-то, что слышал, — вздохнул он. — А мы переселились. У нас переезд — умри да заново родись и начинай по-новому жить. Хлопот — и не говори... Избу, конюшню, баню — разбери, перевези да на новом месте собери. Огород по целине заложь. А барахла всякого тащить с собой надо!.. Тебе вот бочка не нужна, а у меня их не одна, и все надо — под капусту на зиму, в баню, под водосток. Куда селянину без бочки? Вот и везли барахлом возами, баржами. И не день, и не два, а, почитай, целый год ушел.

И потом, помолчав, добавил, словно извиняясь за слова о своих хлопотах:

— Да хлопоты, это одно. А ты посчитай, сколько на это дело ушло средств государственных. Думаешь, мы не понимаем... Спасибо, конечно, за помощь, только — снова-то зачем? Ведь два десятка лет только еще прошло. Почему бы сразу подальше не заглянуть? А про себя честно скажу — второй раз переселяться не поманивает...

Не все, конечно, так думают. Молодежь, например. Но дело в том, что молодежи-то здесь совсем мало. Такая уж здесь сложилась демографическая ситуация: дальше десятилетки во всем районе учиться негде. Да и если укрупнять поселки, в каждом из них техникум тоже сразу не появится.

Да, проблема селений-спутников непроста...

Но, позвольте, ведь населенные пункты-спутники — дело не новое. Есть даже города-спутники. В них тоже нет многого из того, что есть в городах-планетах. И у градостроителей они не только не считаются бедой, а речь идет уже о том, что они необходимы. Их уже заранее планируют при проектировании больших городов.

Скажут: там — город, а тут — деревня. Ну и что? Дело-то в одном — в удобной и надежной транспортной связи. Оставь-ка города-спутники без транспорта — тоже возникнет проблема переселения. А если деревне дать надежную транспортную связь, тогда, может, и проблема сселения решится по-иному.

Проблемы, проблемы... И в этом тихом краю их много. Конечно, о них думают, их пытаются решить, но все это не так просто.

Впрочем, иногда наилучшие решения приходят совсем неожиданно, не с той стороны, откуда их ждут...

Комбинат красоты и пользы

Павловское водохранилище, этот благодатнейший и живописнейший уголок Урала, давно уже по достоинству оценили любители отдыха на природе. Таковые, как известно, делаются на две категории — туристов спортивного склада, которым подавай трудности, дебри, «ненаселенку», и на тех, кто ищет, так сказать, стационарного общения с природой, чтоб речка для купания и рыбной ловли, лес и вообще пейзаж, ну и, конечно, тишина чтоб еще, дающая возможность отдохнуть от городского шума, отключиться от «цивилизации».

Первым здесь раздолья меньше — места все же обжитые. И туристов с пухлыми рюкзаками на здешних тропах почти не встретишь. Плановые туристские маршруты — с инструкторами и схемами — тоже не предусмотрены.

Зато вторым тут самые идеальные условия.

Привлекательны эти места и для промежуточной категории отдыхающих — для тех, кто, путешествуя, не желает расставаться с привычным комфортом и довольствуется созерцанием пробегающих мимо красот. Еще года два назад на курсировавших тогда по Уфе теплоходах ВТ можно было встретить немало молодых и пожилых туристов из Свердловска, Москвы, Ленинграда, даже из Перми, где, казалось бы, своя река не хуже, но — сознаются — красоты не те.

Живут здесь и по-дачному: снимают на лето квартиру в прибрежной деревушке и наслаждаются возможностью пропадать целыми днями в лесу и на воде.

Словом, в хорошее лето в этих краях пришло народа бывает, пожалуй, не меньше, чем местных жителей. Стихийно образуется своеобразная зона отдыха.

Что образуется, это хорошо. А вот что стихийно, это хуже — стихийность может привести и к нежелательным последствиям.

Плохо и то, что, несмотря на летний наплыв, возможности этой зоны используются далеко не на полную мощность. Если на смену стихийности придет умелая организованность, то благами этого золотого уголка Урала смогут воспользоваться во много раз больше людей, не нанося ущерба природе. Поэтому нельзя не порадоваться тому, что в кабинетах ленинградского проектного института «Ленгипрогор» рождается небывалый по размаху проект зоны отдыха протяженностью... 120 километров.

Главный архитектор этого проекта Леонид Маркович Берлинерблау участвовал в разработке генерального плана города Уфы, и Башкирия ему знакома, он полюбил ее. Не случайно поэтому, оценивая ландшафтные особенности района, он пишет почти в поэтическом стиле:

«Ландшафту района присущи все характерные черты природы Южного Урала — горно-холмистый рельеф, прорезанный глубокими оврагами, долинами рек и ручьев, массивы леса, тянущиеся до горизонта, водная гладь многочисленных рек... Сама река расположена в узкой глубокой долине, почти на всем протяжении ограниченной высокими склонами... Район богат лесами. На многие километры тянется зеленое царство леса — то сплошной стеной, то отдельными рощами, перемежающимися с изумрудными лужайками или полями, покрытыми коврами полевых цветов, зарослями дикой земляники и клубники... Особенно красочен ландшафт осенью, когда одетые в яркий наряд березы, осины, рябины горят на фоне темно-зеленой чаши хвойных деревьев... Следует отметить и такую характерную черту — сравнительно высокую степень сохранности первоначального комплекса природы — ее дикость, малую освоенность человеком...»

Если таким стилем написано техническое обоснование проекта, то можно ждать, что и сам проект и его воплощение будут такими же поэтическими, как и эти строки главного проектировщика, увлеченного красотой и возможностью «объекта».

Впрочем, и так называемый «Планировочный анализ»

подан архитектором не менее картинно: «Планировочная организация зоны может быть сравнена с ожерельем, в котором нитью является вода, а места отдыха и участки достопримечательного ландшафта — драгоценными камнями»...

Вот и у него — ожерелье. Только у меня это сравнение родилось при виде того, что существует, а у него — того, что будет. А это значит, что существующий стиль реки будет сохранен, и этому можно лишь порадоваться.

Проектом намечается освоение семи площадок под строительство крупных комплексов организованного отдыха со всеми видами инженерного оборудования. Бирючево Поле, например, сможет принять четыре тысячи человек, в том числе 1900 зимой, Чемаево — 4500, Хорошаево — 4800 (2700 — зимой), Ясьюнга — 2600... А перспективная вместимость всех комплексов достигнет, ни много ни мало, 22 700 человек.

Но и это еще не все. Кроме таких мощных комплексов предусматривается 11 отдельных учреждений отдыха емкостью 2600 «отдыхающих единиц». Среди них — Ельдяцкий мыс и мыс Кордон (около 1000 мест), Верх-Тургенево (1200), Арбакуль (500) и другие бусины будущего ожерелья. А всего, значит, зона отдыха может принять разом двадцать шесть тысяч человек!

— Подобные комплексы мне не известны, — ответил на мой вопрос главный архитектор проекта и добавил: — Может, со временем такие появятся на водохранилищах сибирских и азиатских рек...

Такого Урал еще не знал — комбинат отдыха, протяженностью свыше ста километров! Масштабность, которую сразу и не представишь...

Ну, а если представить себе весь этот комбинат уже построенным, действующим, вместе со всеми сопутствующими ему элементами обеспечения — сетью дорог, связи, благоустройством, обслуживанием, вплоть до своих ферм и огородных плантаций, — то явственно увидишь и все, что комбинат принес в эти края. Подъездные пути — авто, речные и воздушные. Связь — местная и дальняя. Благоустроенные городки для обслуживающего персонала, школы, детсады, ясли для их детишек. Сеть водопровода и канализации. Газификация. Клубы, кинотеатры, летние эстрады. Сеть магазинов и киосков... Это все — неизбежные спутники такого комплекса. Тут найдется «работа» и для памятников природы, и для той же реконструированной Ельдяцкой крепости, превращенной в музей истории Пугачевщины на Урале. И тогда...

И тогда многие проблемы, острые ныне для реки Уфы и населения ее берегов, сгладятся, а может, и совсем отпадут сами собой.

Селение? Не везде будет необходимо оно, если почти всякий поселок попадет в зону притяжения какого-то комплекса отдыха с его благоустройством и культурой.

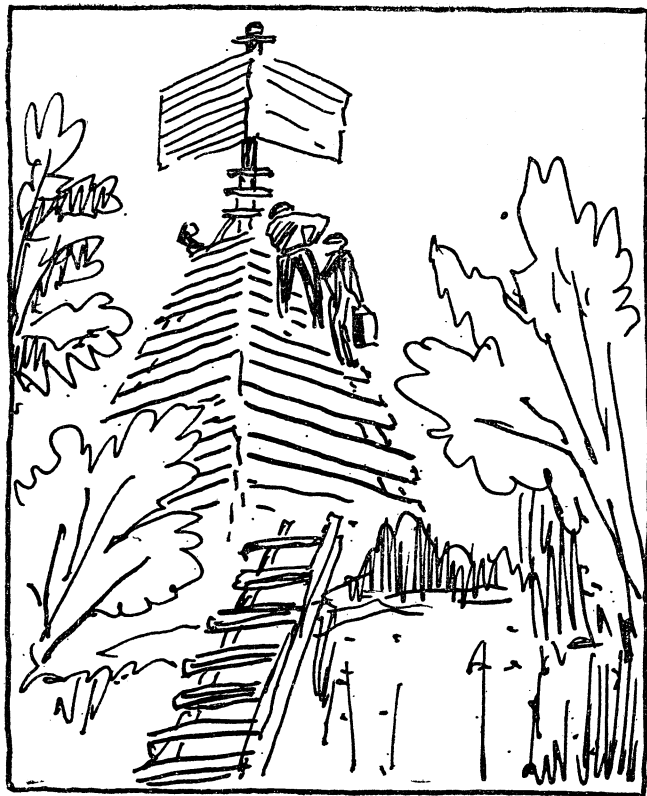
Занятость населения? Да всего наличного состава жителей не хватит для заполнения штата obsługi сложного хозяйства комбината. А если еще организовать здесь производство сувенирных изделий, воскрешающих традиции народных художественных промыслов, то предвидимый дефицит рабсилы в этих краях неизбежен.

Надо думать, что и лесозаготовки, а, значит, и лесосплав, уступят место тому комплексному использованию лесных даров, о первых опытах которого в Башкирии писали газеты.

Конечно, возникают и разного рода сомнения и опасения. Чтоб сооружения не растянули по берегу и тем самым не перестроили бы в худшую сторону ландшафт реки. Чтоб не создалось толкучки в прилегающих лесах и полях, и столь привлекательная «природная дикость», упомянутая в проекте, не оказалась бы нарушенной... Надо надеяться все это будет учтено заранее.

Тревожит другое. То, что заведомо не предусмотрено, но что может стать причиной других, неожиданных, бед.

Когда в этом районе прибавится «удобств» — связи, культуры, сервиса, — не превзойдет ли тогда численность «дикарей» ту, поражающую нас цифру планомерно отдыхающих?

Превзойдет! Можно не сомневаться. И как тогда быть с ними, с «дикарями»?

Авторы проекта зоны отдыха заботу о них с себя не снимают, оговаривая особо: «Что касается мест отдыха неорганизованного контингента («дикарей»), то для него специальных мест не отводится».

Вот так. Даже проектировщики с поэтическими наклонностями и те считают возможным называть непланового, беспутевого туриста пришельцем из палеолита и не отводят для него места на земле! Правда, они милостиво разрешают: «Этот вид отдыха должен регулироваться специальными правилами пребывания человека в границах зоны». Но мы знаем, что это за правила для «чужака» — сплошные «воспрещается». Вот и размышляй, куда податься бедному цивилизованному человеку с ярлыком дикаря...

А, между тем, это не какие-то там приживалы общества, а мы с вами, полноправные граждане! Уже выяснено, что темпы роста неорганизованного отдыха во много раз превосходят темпы роста путевочников. На Карельский перешеек под Ленинградом в субботу выезжает до миллиона человек. В подмосковные леса и поля — три-четыре миллиона! И не огорчаться этому надо, а радоваться — общению с природой в дни отдыха повышает производительность труда в рабочую и учебную неделю. А воспитательное, облагораживающее воздействие природы на человека? А сбереженное здоровье? Такое в рублях трудно измерить — это выше рублей. Впрочем, и эти позиции экономисты научились «обсчитывать». Они подсчитали, например, что стоимость воздействия леса на человека в три раза больше стоимости заготовленной из этого леса древесины.

Нет, отставить человека от природы — плановый он или неплановый — никак нельзя. Да это и невозможно, как невозможно лишить человека прав дышать.

Но — миллион человек, собравшихся на ограниченной территории! Миллион человек на местности — это плотно

стиснутая толпа на площади в один квадратный километр (человек с рюкзаком — один квадратный метр). Сидя на лысой вершине горы, с которой открывался вид на обширный мыс-полуостров между Чебыково и Янсаитово, я вычертил на нем мысленно квадрат со сторонами в один квадратный километр и «населил» его плотной толпой. У меня захватило дух. А когда представил себе, что эта толпа двинулась вперед и, протопав по «километру», ушла дальше — я зажмурился...

Что там осталось? — размышлял я, холодея от ужаса. Что стало с земляничной поляной на южном пригорке? С колонией колокольчиков у лесной опушки? С буйным разнотравьем, с прибрежным тальником? С паутиной, протянувшейся между двумя березками?..

Ходить по земле можно и нужно. Но ученые-природоведы уже выяснили предельно допустимые нагрузки на разные участки ландшафта, превышение которых грозит природе необратимыми нарушениями. Для дубрав, например, это — 20 человек на гектар одновременно. Для ельников, вроде подмосковных, — 12—13 человек. Для прибрежных лугов, вроде мешерских, — 8. А для некоторых «нежных» видов ландшафтов и того меньше.

Конечно, миллион на километре — фантазия. Но ведь и на ста километрах — только лишь в сто раз меньше. Намного ли легче от этого природе? Так что о нормах нагрузки на природу в наше время пора уже думать всерьез.

Вспомним цифры, о которых говорили выше: 26 тысяч плановых и, скажем, примерно столько же неплановых отдыхающих, то есть тысяч 50—60 разом можно ждать здесь в недалеком будущем. Протяженность берегов примем километров за 250—300. Нехитрый подсчет показывает, что на каждый километр берега придется, опять-таки, конечно, примерно, — двести человек. На десяти метрах — два человека. Чуть ли не рука об руку!.. Средние цифры, как известно, коварны — в действительности где-то может оказаться и метр на одного человека. Тот самый метр — вспомните миллионную толпу...

Вот такая ситуация: и запрещать общаться с природой нельзя, и не обращать внимания на последствия — тоже невозможно. Где же выход?

Счастливой судьбы тебе, река!

Выход, конечно же, будет найден. И теоретики и практики ищут его. Ученые — географы, экологи, биологи, экономисты, социологи и даже психологи — вырабатывают рекомендации, общие и частные. Практики — пробуют в конкретных условиях разные варианты разумной организации регулирования и неумолимого контроля. Одни делят зону отдыха на районы и распределяют их между предприятиями и организациями, другие создают специальные службы, занимающиеся обеспечением условий правильного отдыха: выпуском маршрутных схем и памяток, устройством специально оборудованных стоянок, складов топлива для костров, третьи устанавливают в определенных районах режим заказников... Время покажет, что лучше и где именно.

Но уже сейчас ясно, что нужна какая-то общая для всей страны форма организации зон беспланового отдыха. (Пока беспланового, а потом и этот вид отдыха будет, безусловно, планироваться.) Общая по системе, но каждый раз корректируемая применительно к местным условиям.

И такая форма, похоже, вскоре станет нормой. О ней все чаще говорят и пишут, кое-где уже пробуют. Это — природные парки. Правда, о термине еще спорят: одни предлагают называть их народными, другие — национальными, по примеру других стран. Но термин дело десятое, была бы идея хорошей...

А идея предусматривает прежде всего научный про-

ект организации территории для нужд отдыха и нужд природы. Потом уже — технический, а затем — организационный. Выбранная территория делится на секторы: заповедный (неприкосновенный, только для ученых), экскурсионный (вход только с инструктором), курортный (дома отдыха, санатории, детские лагеря) и секторы массового кратковременного отдыха (с предоставлением необходимого сервиса).

Не будем здесь подробно рассказывать о том, что это такое — для этого нужна специальная статья.

Скажем только, что это — реальный видимый выход из положения: и люди обеспечены отдыхом, и природа не терпит урона. Ибо это — предприятие, на котором все до мелочей продумано и обеспечено.

Не случайно сеть национальных парков в мире выросла уже до тысячи комплексов. У нас, к сожалению, пока единицы, и те в стадии организации или проектирования. Но, конечно, и у нас их будут сотни. Видный советский ученый-эколог профессор А. Г. Банников говорит: «Жизнь заставит нас создать систему природных парков».

Первые ласточки вскоре появятся — Шацкие озера на Украине, Печорские Альпы — в Коми-республике, Лаксмаа — в Эстонии (уже действует — первый в стране), Красноярские столбы, Байкал, «Игналина» в Литве... Задуман Средне-Уральский природный парк на стыке Нижне-Сергинского, Полевского и Ревдинского районов. В перспективе второй в области — в районе Конжаковского камня. Челябинцы подводят к форме природного парка Таганайско-Тургорский массив... Теперь пойдут, только считай...

А Башкирия? Эта республика, столь щедро одаренная природными богатствами, что ей позавидует любой край!

И в Башкирии давно, оказывается, уже думают о природных парках. Правда, пока только ученые — географы и биологи. В докладе на 8-м Всеуральском совещании по вопросам географии, охраны природы и природопользования еще в 1972 году они доказывали: «Своеобразие природы и хозяйственного развития Башкирии диктует необходимость создания в пределах республики системы природных парков, организация которых позволит бы улучшить воспроизводство и использование ее природных ресурсов и условия отдыха трудящихся». И обосновали неотложность организации таких парков в девяти (!) хозяйственно-природных регионах. А среди них:

«2. Район северо-восточной Башкирии, тяготеющий к реке Уфе и ее левым притокам Юрюзани и Аю и охватывающий Уфимское плато, Юрюзанско-Айское лесостепное предгорное плато и прилегающие к ним лесные низкотерра Южного Урала с хребтами Каратау, Башташ и Аккашка».

Одна из жемчужин этого района — река Уфа выше Павловки. Значит, судьба ее может быть счастливой. Проектируемая «Ленгипрогором» зона отдыха — это хорошо, но природный парк — много лучше. Тогда-то, кажется, все проблемы реки, ее берегов, леса, людей смогут быть решены безболезненно и, хочется думать, надолго.

Уфа — река уральская. Ее все знают. Хотя бы по учебникам. Но она — сама учебник, по которому можно изучать прошлое, настоящее и будущее. Книга, читать которую увлекательно и полезно.

А сколько еще таких рек на Урале!..

Чебыково — Свердловск
1974—1975 гг.

Маршруты Каменной страны

**Георгий
ЗАЙЦЕВ**
секретарь
Центральной уральской
комиссии по геологическим
походам

Более сорока лет назад на страницах «Уральского следопыта», издававшегося в Свердловске журнала, прозвучал призыв: «По дорогам и тропам нашей страны должны двинуться путешественники-охотники за камнем и следопыты-исследователи». Однако, пролистав обветшалые архивные документы тех лет, можно убедиться, что в массовом геологическом движении тогда не участвовали ребята. Это движение стало «ребячьим» только в 1960 году, когда по решению ЦК ВЛКСМ, Министерства геологии и Министерства просвещения была организована Центральная уральская комиссия по проведению юношеского геологического похода.

С тех пор прошло 15 лет. И вот сейчас на Урале мы насчитываем 10 000 ребяташек, с успехом занимающихся геологией.

В августе 1974 года на III Всесоюзном слете юных геологов, проходившем вблизи города Полевского, Римма Фаррахова из Челябинска отмыла шлах за 1 минуту 17 секунд. Судьи соревнований, опытные геологи, потом постарались достичь такого же результата — увы, им удалось уложиться лишь в две минуты с секундами... Каково же было удивление, когда в тот же день Вадим Лехнович, юный геолог из Полевского, отмыл шлах за минуту и 5 секунд! На том же слете школьник из Челябинска Саша Довгопол назвал без передышки 62 минерала — по одному на каждую клеточку таблицы Менделеева, и лишь на 63-м споткнулся. Спустя год, на IV Свердловском областном слете, судьям-геологам снова пришлось удивиться: маршрутная пара Асбестовской юношеской геологической партии, ведомая Женей Шибановым, прошла геологический маршрут настолько квалифицированно, что судьи только развели руками и выставили высший балл...

Что это за движение и что в нем главное? Профессионализм, так легко достигаемый ребятами? Стремление подменить взрослые геологические партии? — уж очень «по-настоящему» школьники отно-

сятся к делу... Романтическая попытка найти месторождения, которые безуспешно ищут двадцать тысяч работников геологической службы Урала? Ни то, ни другое, ни третье.

Мы везде и всюду подчеркиваем: мы не ставим задачей, чтобы каждый юный геолог приобрел впоследствии геологическую или горную специальность — стране не нужно столько геологов. Задача ставится в ином плане: ВОСПИТАНИЕ ЧЕРЕЗ ГЕОЛОГИЮ. Пусть будущие архитекторы и металлурги, космонавты и моряки, художники и токари, врачи и педагоги проведут свой детский досуг в геологии. Пусть познают черный хлеб труда и белый парус романтики, пусть будут полезными и почувствуют целесообразность своего вклада, пусть научатся в полевой жизни дружбе и настоящему товариществу. Вот та цель, ради которой десятки и сотни учителей и геологов-наставников на Урале тратят свое время и энергию на «возню» с ребятами.

Сразу возникает вопрос: а какие задания под силу юным геологам?

Самое простое — сбор музейных коллекций по своему геологическому региону. Образцы должны соответствовать музейным требованиям по формату, по «свежести» пород, их представительности и, что очень важно, по точной привязке к месту. Такие задания обычно выполняют те, кто только лишь начинает свои шаги в геологии.

Задание средней сложности — проверка заявок. Ежегодно в комиссию по делам первооткрывателей поступают десятки заявок от самых разных людей на самые различные полезные ископаемые. Чего тут только нет: и совершенно фантастическая заявка на куски самородного золота весом в тонну в районе Верхнего Уфалея, и вполне реальное и очень интересное проявление силикатно-никелевых руд в районе Нижней Салды... Чаще всего в заявленном месте нет

стационарных геологических партий, нет сил и средств, чтобы все это проверить. Кому как не юным геологам помочь в этом своим старшим коллегам? Будет и «палаточная» романтика, и тяжкий пот работы... Вот сейчас лежат, ожидая своей очереди, заявки — на марганец возле поселка Шала, на никель в Сысертском районе, на железо около города Первоуральска. Вряд ли удастся проверить их силами квалифицированных экспертов. Значит, снова будет работа юным геологам.

Есть задания высшей сложности. Это поисково-разведочные специализированные работы, которые выполняются на протяжении нескольких лет. Например, последние три года юные геологи Первоуральска под руководством геолога-наставника Николая Алексеевича Мамина освоили целый комплекс поисковых методов на ценные полезные ископаемые. Геоботанический метод, который они применили, получил высшую оценку на II Всеуральском слете юных геологов в августе 1975 года, а одна из представленных ими рекомендаций проверяется геологоразведочной экспедицией Уральского управления. Такого же рода работы ведут еще несколько юношеских партий — города Сатки Челябинской области, курганской школы № 38, карпинской школы № 5 и другие. Это сугубо профессиональные, можно так сказать, задания. Но разве этим ограничивается поле деятельности геологов-краеведов?!

Почти все геологи, перед тем как проектировать новые работы, тщательно просматривают архивные материалы, выискивают сведения по старым разработкам, шахтам, старательским выработкам. Просматриваются специальные сводные карты, куда нанесены работы прошлых лет. Без этого нельзя. У нас на Урале десятки мелких месторождений давно выработаны и не представляют никакого промышленного интереса, однако анализ их взаимного расположения, совместной группировки, залегания может привести к установлению общей закономерности оруденения в том или ином районе и привести к открытию на глубине новых месторождений, отвечающим всем требованиям современности. Эта предварительная работа почти неизменно приводит геологов к ставшему библиографической редкостью словарю Чупина по Пермской губернии или к аналогичному словарю Кривошекова по Верхотурскому уезду. Не считая того, что эти словари составлены более ста лет назад и содержат много неточностей — следует добавить, что

свой словарь Чупин успел составить лишь наполовину, а Кривошеков касался только одного уезда.

Несколько лет назад юные краеведы Свердловской области подготовили сборник «Свердловская область», который, несмотря на недостатки, часто служит геологам настольной книгой по многим вопросам. К сожалению, и эта книга отвечает лишь на часть из них.

Имеется настоятельная необходимость создать, скажем, словарь месторождений, рудников, приисков, разработок. Не будем сейчас говорить об издании подобного труда в целом по Уралу — это дело будущего. Пусть появится хотя бы рукописный сборник, содержащий такие сведения по районам области. Эти рукописи мы бы, старшие коллеги, отредактировали, уточнили и размножили. Главное — чтобы в сборнике содержались сведения о всех известных старых месторождениях, рудниках, шахтах и т. д. с точной топографической привязкой и ссылками на первоисточники. Это бесценный труд, за который геологи скажут ребятам большое спасибо.

Есть менее емкие задачи, которые также под силу юным геологам. Периодически Общество охраны памятников природы проводит перерегистрацию чудес, которые нам сохранила природа. Среди них имеются и объекты, имеющие уникальное геологическое значение, как, например, выходы опорных геологических горизонтов, обнажения с редкими остатками фауны, старые шахты с редкой минерализацией и так далее. При каждой перерегистрации мы страшно мучаемся, запрашивая территориальные экспедиции; им, как правило, не до этого, и в итоге список получается очень куций. А между тем, геологические памятники действительно уникальны! Лес можно восстановить, реку можно очистить, отвалы озеленить заново, а геологические объекты невозможны... Если их не сохранять от варварского расхищения, они исчезнут раз и навсегда. В охране таких объектов могут принять участие и юные геологи. Вот сейчас мы бьемся, чтобы взяли под защиту знаменитые Ахматовские гранатовые копи в Челябинской области. И таких объектов на Урале много...

Почему бы ребятам-геологам не взяться и еще за одно серьезное дело. Только в Свердловской области множество самых разнообразных музеев с геологическими коллекциями. Некоторые из них собраны 20—40 лет назад. В те далекие годы обращалось внимание на одно, сейчас — на другое. Многие элементы, которые сорок лет назад

вообще не использовались, сейчас разыскиваются десятками партий. «Подозрительные» в этом отношении образцы (если, конечно, известна их точная привязка — это непременное условие!) следует подвергнуть анализам. Мы позаботимся, чтобы они попали в лаборатории. Но сначала их надо найти!.. Напомню: известное месторождение бокситов «Красная шапочка» в Североуральске было открыто как раз таким образом — по музейным образцам, которые лауреат Государственной премии Н. А. Каржавин и его коллеги догадались отдать на повторный анализ.

На Урале много географических названий, связанных с тем или иным полезным ископаемым. Хорошо, если около таких пунктов имеются рудопоявления или месторождения. А если нет? Откуда взялось название? Попробуйте расшифровать названия географических пунктов Урала. В них часто зашифрованы добывавшиеся издавна полезные ископаемые...

Интерес представляет и «биография» месторождений. В прошлом году геологическому управлению дали задание — сообщить об открытии и разведке месторождений полезных ископаемых, которые в годы Великой Отечественной войны являлись важными минерально-сырьевыми базами действовавших в то время горнодобывающих предприятий. И мы встали в тупик... Да, мы знаем крупные месторождения, внесшие значительный вклад в оборону страны. Но мы не знаем деталей — кто из геологов особо отличился в годы войны, мы не можем даже, к стыду нашему, установить более-менее точный список уральских геологов, погибших в годы войны...

Это лишь самые общие точки соприкосновения геологии и краеведения. Школы и Дома пионеров могут найти с геологическими организациями столько общего, что сразу отпадает вопрос о том, что бы еще сделать в области краеведения, ибо в этом союзе область деятельности поистине бескрайняя.

А теперь вернемся к школьному музею и его образцам. Вопрос в том, какова целенаправленность сбора экспонатов для геологического музея. Есть классическое размещение минералов и пород по классам и типам, скажем, так, как это сделано в «Минералогии» Бетехтина. Это, бесспорно, наиболее оптимальный вариант, но у него имеются два отрицательных момента. Во-первых, такого рода коллекция требует большого помещения и объемных витрин. Во-вторых, впе-

чатлять она будет только при достаточной полноте и представительности образцов, а это требует денег и времени.

Есть еще около десяти вариантов размещения по чисто геологическому принципу. Например, по полезным ископаемым, или по генетическому подбору пород и минералов. Наглядным будет демонстрация цикла: полезное ископаемое — сырьё — полуфабрикат — заготовка — конечная продукция. Такие стенды можно изготовить своими силами по любому полезному ископаемому и месторождению.

Геологические коллекции можно подобрать и ориентировать на дисциплины школьной программы. Наиболее близкая к геологии дисциплина — география. Отличный материал легко подобрать для экономической характеристики самых разных районов нашей Родины. Например, в пункте профориентации Ленинского района города Свердловска есть рельефная физическая карта Урала, в которую вмонтированы маленькие лампочки в местах расположения месторождений. Лампочки через специальную электросхему соединены с тумблерами и ячейками, в которых стоят собранные по группам полированные образцы полезных ископаемых. Когда нажимают тумблер — загорается лампочка соответствующего сигнала месторождения, и высвечивается одновременно камень. Наглядно и занимательно! Около стенда целый день стоят ребята, и я уверен: многие из них всерьез заинтересуются геологией. Геологические коллекции, используемые на уроках географии, могут представлять наглядные схемы почвообразования, разрушения пород, формирования рельефа и многое-многое другое.

Свяжите коллекцию с биологией — и она тоже будет служить на уроках и украсит школьный музей. На Урале есть возможность собрать прямо-таки отличную коллекцию палеозойской фауны. Органические остатки, систематизированные на специальных стендах, более чем наглядно расскажут школьникам об эволюции на Земле. Труднее собрать палеоботаническую коллекцию, однако при желании на уральских угольных месторождениях можно найти интересные образцы. Если такие коллекции палеофауны и палеофлоры сочетать умело с существующими ныне экземплярами животного и растительного мира, то получится цельная картина единства живой природы планеты.

Отличный материал дает геологическая коллекция для уроков химии. Обычно ребята познают элементы и химические соединения в переработанном состоянии в виде

реактивов. Не следует забывать о «первоисточниках», ибо любое химическое вещество неорганической химии, да и многие соединения органической химии обязаны своим происхождением конкретным полезным ископаемым. В книге А. Е. Фермана «Занимательная химия» есть блестящая идея экспозиции такого рода. В применении к кабинету химии или школьному музею она бы выглядела следующим образом. Большой стенд, разбитый на ячейки так, как разделена Периодическая система Менделеева. В каждой ячейке расположен символ элемента, его порядковый номер, атомный вес, количество электронов по орбитам и, наконец, образец того полезного ископаемого, из которого извлекается данный элемент. Нажмите кнопку — и загорается или подсвечиваются галогены, или редкие земли, или другая группа элементов.

Геология может быть отличным помощником в изучении физики. Я не говорю о классических образцах двупреломления исландского шпата или магнитности железняка. Геологические образцы дадут идеальную иллюстрацию и таких физических свойств, как блеск, плотность, электропроводность; минералы покажут все виды кристаллизации, какие только есть в природе.

Не исключайте и историю! Кто из известных геологов родился или работал в той или иной местности — это само собой разумеющийся путь для поиска и, пожалуй, наиболее легкий, который большинством музеев пройден. Задача может быть сложнее. История каждого района — это прежде всего история его экономического развития, а следовательно — и открытия новых месторождений и их промышленного использования. Кто их открыл? Кто первый работал? Как развивались предприятия? Кто там работает сейчас? Все это история, и поиски крупниц этой истории могут стать основой работы школьных музеев. У ребят есть реальная возможность сделать очень интересные открытия, особенно по старым забытым месторождениям. В качестве примера приведу: Асбестовский клуб юных геологов «Саламандра» особо бережно относится к истории Баженовского месторождения хризотил-асбеста, на базе которого развился город Асбест, и ребята из этого клуба знают про асбест — все, все!

Пусть не покажется странным — геологический материал может использоваться и на уроках литературы. Лишь две темы, к примеру. На сегодняшний день нам известно свыше 2500 минералов, каждый из которых имеет свое имя. Уже не говоря о том, что образо-

вание этих имен интересно — существует около трех десятков минералов и пород, которые получили наименование от уральских слов и географических мест. Изучение образования имен лежит в области литературы и русского языка. Языковеду можно подойти и с «другого конца». Никто на Урале, насколько известно, серьезно не интересовался языком старых горщиков. Результат поиска стал бы достойным экспонатом музея.

Использование геологического материала в школе безгранично. При творческом подходе можно создать самые интересные композиции, которые не только послужат иллюстративным материалом на уроках, но и могут стать гордостью школы.

Естественно, возникает вопрос: а где должна концентрироваться работа с юными геологами? Опыт многолетней работы показывает, что таким ядром должны стать Дома и Дворцы пионеров. Второе десятилетие успешно работает клуб юных геологов при Дворце пионеров в городе Коркино Челябинской области — один из наших «ветеранов». Недавно появился клуб «Саламандра» в Асбесте Свердловской области. И так обстоит дело не только на Урале. В Москве клуб работает при Дворце пионеров на Ленинских горах, юные геологи из столицы стали постоянными гостями на уральских слетах. В Харькове Дворец пионеров проводит еженедельные «четверги», об этой традиции хорошо знают и учителя, и ребята. Приходят группами и по одиночке, организованно и «дикарем», порой прибывают целые классы. В программе «четвергов» — геологические доклады, встречи со знатными геологами, демонстрация тематических фильмов, лекции ученых. Новосибирский Дворец пионеров, совместно с Сибирским отделением Академии наук, выступил инициатором знаменитых олимпиад в Академгородке, на которые съезжаются юные геологи со всего Союза...

Юношеское геологическое движение уже приносит ощутимые плоды. И что самое главное: оно стало нужным и интересным делом для десятков тысяч ребят.

Обские баобабы

Юрий
ЧЕРНОВ

Рисунок
М. Паукера

Уголок обской поймы, о котором рассказ называется Татаркой. Почему, никто в Верх-Сузуне не знает. Здешний учитель Владимир Васильевич Строганов, который сманил меня в Татарку, подогревал в дороге интерес к своей палестине:

— Весной там расчудесно! Как зацветет — голова идет кругом. И что любопытно: весна в Татарке недели на две запаздывает. Половодье держит. Кругом сухо, травы поднялись, а в Татарке — подснежники! А какие там... Нет, молчу, сам увидишь.

Владимир и раньше намекал показать что-то очень уж редкое. Шагаю с ним по тропе, усыпанной снежной крупой и длинными пожелтыми листьями. Узкая стежка пробита среди густейшего, словно сеяного, тальника. И растет он однобыльно, по-солдатски вытянувшись в струнку.

Разновидности тала на Оби много, но местные жители различают его только по окраске:

чернотал, желтотал, краснотал. Наш тальник светло-зеленый, как нос кряковой утки. Вдруг замечаем: нижняя половина прутьев пепельно-светлая, словно покрашена. Чудно... Верхняя граница подкраски идеально ровная, как по нивелиру. Какой же маляр мог так постараться? А-а... обская вода!

В половодье Татарка заливается. Мутная вода, затопив тальники, стоит долго. Вот и получилось: на залитую комельную часть тальника корочкой осел въедливый ил.

Обнаружили мы и другую примету долгого стояния воды, когда вошли в дебри... бородатого кустарника. Таловые стволы здесь сплошь обросли обвислыми рыжими волосками. Вверху они коротенькие, а книзу — длиннее, размашистее. Издали такой тальник можно принять за ельник. Отгадку и тут нашли: ждали-ждали талинки спада воды, да и пустили корешки для поживы в мутной водичке. С убылью разлива верхние корешки засыхали, а нижние еще росли...

— Оно самое? — киваю я на таловые «елочки». Владимир щурит веселые черешенки глаз, отрицательно качает головой.

Тропа отбивается от реки, врезается в заросли облепихи, круто взбегает на пойменную терраску, и вот она — сокровень Татарки! Перед нами простерлось обширное ровное плато, а на нем тут и там призрачно выступали исполинские ветлы. Их немного, десятка два, и стоят они несуетно, поодаль друг от друга, как подобает почтенным уважающим себя старцам.

Мы идем от ветлы к ветле, и каждое дерево — явление, со своей особицей, сложным рисунком долгой жизни. Каждому просится имя. Спрут... Жень-шень... Погорелец... А вот — Вздыбленный зубр! Ствол от комля не сужается, а, наоборот, резко утолщается, как грудь беловежского быка. Замеряем «грудную клетку» от приметного дупла. Получилось шесть обхватов!

По шершавому, изъеденному морщинами стволу взбираюсь на раскидистую ветлу. В развилке громадных отростков могла бы разместиться двухспальная палатка. Такому месту для ночлега позавидовали бы и Том Соьер и Робинзон Крузо! Так что верх-сузунские ребятишки — частые гости Татарки — могут считаться одаренными судьбой.

Обские ветлы полюбились не только ребятам. Какая только живность не находит здесь корм и приют: бурундуки, дятлы, филины, грачи, гоголи, муравьи, осы... Многоквартирный дом — ветла.

Уникальны ли ветлы Татарки? Подобные гиганты росли и близ села Зорино...

— Пожгли, свели на нет зоринских долгожителей, — с горечью рассказывал мне в Сузуне местный краевед Петр Филиппович Пирож-

ков. — Один Генка Антошихин, пастух, не меньше сотни пожег. Спалить старую ветлу ни ума, ни труда не надо: поднес спичку — и займется.

Следы поджогов видели мы и на Татарке... От некоторых ветел уцелел один остов, нутро выгорело... Неужели и здесь повторится зоринское варварство?

Ветлам Татарки нужна охрана. Памятники живой природы, возраст которых старожилы определяют более чем в два века, не должны погибнуть. Пусть к ним придет естественная смерть. А когда это случится, на смену им заступят другие кражи.

Орлиная папа

**Николай
ДУДНИКОВ**

«Имбернё-ё-ёл» — мелодично и сурово, всегда по-разному, звучит это слово в устах ненцев-рыбаков. Потому что мыс Имбернёл, в переводе с хантыйского, значит — «мыс у глубины». Но, оказывается, не только глубиной известна в этом месте Обь.

...От рыбацкой тони нас отделяло не больше километра, когда Язо показал на вершину мыса. Из-за гула мотора я не расслышал слов рыбака, но в указанном направлении увидел одинокую лиственницу с гнездом на вершине. Этой лиственнице я немало удивился, потому что в нашем краю это дерево считается редкостью. Но счел вполне закономерным, что у бездонной обской глубины построили свое жилище орлы — могучие неприхотливые птицы.

Потом уже, на берегу, услышал я не совсем обычную историю.

Случилось это больше двух десятков лет назад. Был тогда Язо лихим молодцом. Под стать ему подобрались в звене и рыбаки. С самого начала весны хозяйничали парни на имбернёльской тони. С утра до вечера над их неводом кружились чайки. Были здесь черноголовые — морские, а в большинстве — белые, как обская пена, красавицы, гнездящиеся в укромных северных уголках. Жилось им здесь, как видно, привольно.

Ручей

**Юрий
НИСКОВСКИХ**

— А как-то утром, — рассказывал мой собеседник, — привычных криков чаек мы не слышали. Зато в вышине раздался клекот орлов. Их было два. Кружились они друг за другом. «Время свадьбы», — подумал тогда Язо.

На следующее утро птицы появились вновь. Орлица и орел кружились тут не один день, пока не свили гнездо на вершине лиственницы. Пятнадцать лет неразлучная пара жила на Имбернеле.

И рыбаки уже не представляли себе ни дня без орлов, и называли их ласково «своими». Но тот день, день невзначай нагрянувшей зимы, запомнился Язо.

Едва парни успели закинуть невод, как над ним появился орел. Вот уже несколько дней на промысел он прилетал один, очевидно, самка сидела на яйцах.

Стрежейвой невод округлился поплавками, и рыбаки, прислушавшись к команде Язо, потянули его к берегу. И тут орел неожиданно взвился вверх, а затем камнем упал в невод. На какое-то мгновение его когтистые лапы окунулись в воду, а оттуда, повинувшись взмаху сильных крыльев, появилась корявая спина осетра. Однако поднять добычу птице никак не удавалось. Захваченные необычным зрелищем, рыбаки все-таки тянули снасть. И вдруг орел ушел со своей добычей под воду. Правда, он вскоре снова показался над водой, и рыбаки подумали, что птица сумела расцепить завязшие в осетровой спине когти. Но взмахи намокших крыльев были слабыми, судорожными.

То ли привлеченная возбужденными голосами людей, то ли почувствовав неладное, над тонью появилась орлица. Она, как выпущенный из пращи снаряд, со свистом пронеслась над лодками. Орлица у самой воды описывала круг за кругом, но не в силах была помочь своему другу. А когда орел канул в глубину, самка устало плюхнулась на прибрежную гальку. Она сидела неподвижно и тогда, когда невод вытянули на песок и вытащили осетра, оседланного орлом.

Ночь в рыбацком стане прошла беспокойно. Недоброе предчувствие заставило самого проворного из бригады взобраться на лиственницу. Там в огромном гнезде лежали два яйца. Были они как лед холодными, и за ночь их успело припорошить снегом.

Орлица после гибели белохвостого орла стала совсем ручной. Летом жила она на тони, а зимой ее к себе в избушку забирал Язо.

И пустует гнездо на старой приметной лиственнице.

Когда неожиданно приходила гроза, я клал свою удочку, не сматывая, в лодку и с первыми, еще теплыми каплями дождя заплывал под кусты черемушника. Ветви его с гроздьями розовеющих ягод густым полудужьем опускались к воде. Под этим зеленым кровом, у крутого с обнаженными корнями берега я переждал ливень.

В лодке у меня, на корме, под сиденьем, цветастый узелок — забота бабки Ефросиньи, у которой я жил в Малиновке. Я развязывал старый крестьянский платок — и в лодке скатерть-самобранка: домашний калач, пучок сорванного с грядки зеленого лука, литровая бутылка кваса и соль в мешочке, похожем на кисет. Бабкина снедь уминалась с аппетитом военных лет. А над головой раскаты грома и шум дождя в листве. Одинокие капли пробивали зеленый шатер, падали на платок, расплываясь черными пятнами, проникали за ворот, холода нагретую солнцем спину. Под берегом, где укрылась лодка, становилось сумрачней и прохладней, как в гроте.

Но гроза проходила так же, как и появлялась. И снова над Пышмой царствовало солнце. Моя лодочка выплывала из-под черемухи на большую воду, по которой только что хлестал ливень и плыли, лопаясь, мутные пузыри. Я брал удочку и в нетерпении насаживал свежего червяка. После грозы клев особый. На крючок азартно шли жирные пескари в черных крапинках на спинках, сорожка, которая на перекатах кажется голубой и вся светится. На глубинке жадно хватал окунь, уводя поплавок далеко под воду.

Все больше припекало, и тело еще не так давно в ознобных пупырышках снова горело под июльским солнцем. А там, в черемушнике, где я нашел приют от непогоды, ветерок, а может быть, и птицы, стряхивали с листьев оставшиеся крупные дождевые капли, и они разом сыпались в воду.

Послегрозовая тишина постепенно наполнялась звуками. В прибрежной траве, в кустах вновь запели свои песни птицы. Печально поскрипывали старые деревья. Плескалась рыба, выплывала, отфыркиваясь, на промысел ондатра. Ниже по Пышме, близ Малиновки, булькая, переходило реку стадо коров. Совхозный пастух верхом на лошади стрелял хлыстом и молодецкато покрикивал: «Куда, куда прешь, неразумная!» В далеком поднебесье, оставляя длинный

белый хвост, проходил на запад реактивный лайнер. И звук его с запозданием накатывал на Пышму...

Садок, опущенный за борт лодки, незаметно полнился. Но послегрозового клева стихал. Спасу не стало от злых паутов, крупных зеленоватых мух. Ломило поясницу от долгого рыбацкого сиденья.

И тогда я греб к своему родниковому ручью, что впадает в Пышму у Сергиного лога. Я знал его с детства, еще с времен войны, когда косил с матерью сено в лесу в этом логу. На сенокосе мы жили в шалаше недели по две, а то и больше, и в ручье хранили скудные припасы, квас, из ручья брали воду, чтобы сварить на костре похлебку или грибницу из маслят и груздей, приготовить чай на смородиновом листе. Здесь под осинником и ольховником, среди густой крапивы и малинника, где журчит ручей, всегда прохладно и свежо. Здесь, как говорят нынче, свой микроклимат. Теперь к ручью тропка пошире. К нему идут, как видно, не только косари да лесорубы. Хоть и нет у ручья имени, как у многих родников на Руси, но тропа к нему не зарастает.

Притянув к берегу лодку и накинув цепь на корягу, я шел на знакомое журчанье скрытого от глаз травой и кустарником ручья. Он выпал, как говорила мне бабка Ефросинья, из Сергиной ложбинки. Это в ста шагах от пологого берега Пышмы.

На сыром бережку я опускался на колени и ронял свои руки в ручей. Утолив первую жажду, я начинал собирать из мелкого золотистого песка и скользких камней нехитрую запруду, чтобы удобно было пить с ладоней, подставленных под самодельный водопад.

И пил, пил долго, маленькими глотками, осторожно, с глубокими выдохами, до ломоты в зубах. Потом садился на камень, окатывал студеной водой искусанные паутами руки и ноги, протирал грудь, лицо. В тело, истомленное жарой, входила свежесть, пронизывала до самого сердца младенческая чистота.

А ручей журчал, крутил травинки, хвойные иголки, опавшие прошлогодние листья, шевелил песок и мелкие камушки, разрушал мою запруду. И разговаривал, разговаривал, пробиваясь к Пышме.

Случай в океане

**Василий
ЗАЙЦЕВ**

Атлантика не балует моряков погодой, почти всегда там дуют сильные ветры; огромные волны, словно игрушки, бросают из стороны в сторону корабли. Но то утро на редкость выдалось штилевым.

На рефрижераторном судне только выбрали трал. Большие рыбные ящики на кормовой палубе до отказа были заполнены серебристым хеком. Матросы стали готовить рыбу к заморозке.

В это время кто-то из моряков палубной команды обратил внимание на слип и, указывая туда, закричал:

— Смотрите! Смотрите!..

Надо сказать, что слип — это сделанный в кормовой палубе наклонный вырез, по нему спускают и поднимают из воды трал. Слип напоминает деревянную горку, какие устанавливают на детских площадках.

Все, кто был на палубе, увидели, что по этому слипу, покачиваясь из стороны в сторону, ползло двухметровое морское чудовище. В первые секунды никто даже не разобрал, что это такое. И только потом рассмотрели: на палубу, тяжело припадая на ласты, выполз огромный морской лев. Шкура его, гладкая и лоснящаяся, напоминала замшу.

Бывали случаи, когда морские львы вместе с рыбой попадали в тралы, но чтобы из моря выползли прямо на палубу корабля, такого никто не слышал.

К общему удивлению, морской лев, издав глухой стон, пополз, ни на кого не обращая внимания, по палубе и улегся в затененном уголке, возле боцманской кладовой. Лежал он на правом боку и тяжело дышал.

Стоявший у траловой лебедки помощник тралмейстера первым решил подойти близко к непрошеному гостю.

— Так у него же весь бок в крови, — воскликнул он, наклоняясь над тушей.

— Досталось, видимо, бедолаге, от кого-то, вот он и подался к людям, — высказал предположение один из матросов.

Врачом на судне был смуглый молодой человек, звали его Маносян. Он долго стоял возле зверя, смотрел на него, но трогать не решался.

Потом ушел и вскоре вернулся в белом халате и с санитарной сумкой. Присел на корточки, достал пузырек и вату и стал промывать рану. Морской лев лежал с закрытыми глазами и не шевелился, только по его шее все время, точно морская зыбь, проходила крупная дрожь.

Поведение морского льва всех поразило. Неужели он понимал, что врач его лечит?

Промыв рану, врач смазал ее мазью, а затем наложил марлевую наклейку.

Матросы попытались кормить раненого зверя рыбой, но еду он не брал, приносили воду — не пил.

На второй день морской лев почувствовал себя лучше. Лежал он, открыв глаза, и внимательно наблюдал за всем, что происходило вокруг. На тех, кто подходил к нему близко, смотрел настороженно, но агрессивности не проявлял.

Возле льва положили несколько окуньков. Он принюхался и в мгновение ока проглотил их...

Каждый день Маносян менял марлевую наклейку, а морской лев терпеливо подставлял ему левый бок. Наконец, настал момент, когда врач совсем снял повязку со своего необычного пациента.

А к вечеру внезапно налетел порывистый ветер. Волны становились все круче и круче. Надвигался шторм. В такие минуты у матросов дел по горло, и о морском льве просто забыли. Однако он сам напомнил о себе. Поведение его было больше чем странным. Все понимали, что к шторму ему не привыкать, а он почему-то нервничал. С необычайной для его туши проворностью, лев метался по палубе. На него натыкались матросы и шарахались в стороны, он всем мешал.

Но как только на палубе появился врач Маносян, морской лев сразу успокоился.

Через минуту он был уже в воде. Свинцовые волны тяжело обрушились на него. Но морской лев тут же, как резиновый мяч, выскочил из пучины.

Стоявший на руле матрос удивленно закричал:

— Смотрите! Вот так зверь! Машет на прощание, машет...

А волны шли горой. Они заливали слип, выплескивались на палубу. Траулер держал курс на восток. Морской лев остался где-то позади, за пеленой тумана.

ЧЕЛОВЕК, ПОСАДИ ДЕРЕВО!

Гравюра В. ИСТОМИНА (г. Курган)

СЛЕДСТВИЕ ВЕДУТ ЗНАТОКИ...

■ Без букв и цифр

■ Как звали Янки?

■ За пределы Солнечной...

■ Фантасты и Северный полюс

■ Итоги «Викторины-75»

Прежде чем перейти к ответам на вопросы, помещенные в десятом номере прошлого года, — несколько слов о викторине в целом.

Одним из первых мы получили письмо из Сыктывкара. Библиофил, имени которого мы называть не будем, расценил викторину как «облегченное задание», достойное «веселого оживления» среди истинных знатоков книги. «У меня ушло 8 минут на все ответы, — писал он, — и ушло бы еще минут 15 на новые вопросы...» Ни вопросов, ни ответов мы от него — даже после дополнительного запроса — не получили. А жаль! Вдруг и в самом деле маститый книголюб обогатил бы нас — подобно индийскому магу из беллетристики начала века — исчерпывающим Знанием фантастической литературы? Это бы значительно помогло нам и сейчас, и в будущем: ведь редакция вынуждена была предпринять подлинное исследование, составляя свои вопросы; отнюдь не легкими оказались они и для подавляющего большинства наших читателей...

Но перейдем к самим вопросам.

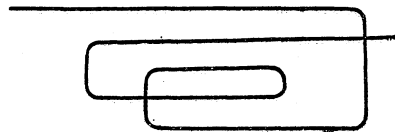
1. Припомните фантастическое произведение с самым коротким названием.

Достаточно краткими многим нашим читателям показались уже и названия, состоящие из четырехбуквенного слова. Но многие же охотно и, видимо, без особого труда перечислили в своих ответах по десятку трехбуквенных названий («Имя» и «Сад» Г. Гора, «Сон» Г. Уэллса и «Сон» И. Кеплера, «Шок» Г. Каттнера, «Жуш» К. Саймака, «Суд» С. Лема и «Суд» С. Стоилова, «Жук» В. Щербаква, «Луг» Р. Брэдбери и «Луг» К. Симоняна, «Сын» И. Россоховатского, «R. U. R.» К. Чапека, «СУС» И. Варшавского, «Кто?» П. Багряка и т. д.), подчас вполне справедливо добавляя к ним и названия «трехцифренные»: «1,98» А. Порджеса, «1, 2, 3» Н. И. Серрадора (попробуйте сами продолжить этот ряд!)... Однако и три буквы — или цифры — еще не предел: наши читатели знают названия, состоящие из двухбуквенных аббревиатур («ГЧ» Ю. Долгушина, «НМ» М. Немченко, «УМ» В. Ковалева; В. Козу-

бов из Чимкентской области и Г и В. Капустины из Запорожской области полагают возможным считать таковым и «НФ» — традиционное название сборников фантастики издательства «Знание») и даже слов («Он» Г. Мопассана, «Мы» Е. Замятина). Шесть читателей из откликнувшихся до 1 января 1976 года напомнили нам, что название может быть выражено и кратким математическим символом («X» И. Россоховатского), а еще семь привели и самый верный ответ — совсем коротенькое «Я»: рассказ В. Бойкова и В. Димчева под таким названием напечатал в 1969 году журнал «Юный техник».

2. В фантастике возможно все, в том числе и названия, выраженные без помощи букв и цифр. Не припомните!

Лишь 18 участников викторины правильно ответили на этот вопрос. Многие почему-то заподозрили в нем подвох; кое-кто решил, что речь идет о телепатическом или каком ином (например, с помощью запахов, цветоизлучения и т. п.) способе общения персонажей внутри произведения... Никакого подвоха не было; на это прямое дополнение к первому вопросу существует вполне конкретный ответ:

Под таким вот «названием», похожим более всего на обыкновенную канцелярскую скрепку, журнал «Знание — сила» опубликовал в 1964 году (№ 6, 7) маленькую повесть Г. Анфилова. В тексте эта «скрепка» расшифровывалась как «виртуальная петля»... Между прочим, из-за мудреного названия повесть Г. Анфилова даже оказалась неучтенной в соответствующем разделе «Опыта библиографии советской фантастики» (в сборниках «Фантастика» издательства «Молодая гвардия»), что, вероятно, явилось дополнительной причиной малоизвестности данного произведения.

3. Кто первым сказал слово «робот»!

Этот вопрос фигурировал в викторине, проведенной в 1971 году газетой «Московский комсомолец», — лишь один-единственный читатель ответил тогда на него правильно! Но за прошедшие годы у нас появилась довольно-таки богатая литература о фантастике, любитель НФ знает ныне много больше, чем пять лет назад. Конечно, и сегодня находятся читатели, полагающие, что слово «робот» придумал то ли А. С. Грин, то ли Айзек Азимов, то ли и вовсе И. А. Ефремов в «Туманности Андромеды» («Робот у него был очень простой и умел делать лишь разрезы в металле; в дальнейшем в рассказах других писателей-фантастов появились более сложные роботы...») — так пишет один из наших корреспондентов), однако в массе своей участники викторины верно назвали произведение, в котором в общепринятом ныне смысле впервые прозвучало это слово. Это — пьеса чешского писателя Карела Чапека «R. U. R.», написанная в 1920 году.

Но назвать пьесу Чапека — это только половина ответа, вторая же оказалась известна лишь 20 нашим корреспондентам. Дело в том, что... Впрочем, лучше всего рассказал об этом сам Карел Чапек:

«...В один прекрасный момент... автору пришел в голову сюжет... пьесы. И пока железо было горячо, он прибежал с новой идеей к своему брату Йозефу, художнику, который в это

время стоял у мольберта и размахивал кистью так, что холст под ней трещал.

— Эй, Йозеф, — начал автор, — у меня вроде бы появилась идея пьесы.

— Какой? — пробурчал художник (он в полном смысле слова бурчал, потому что вторая кисточка была у него во рту).

Автор изложил сюжет так коротко, как только мог.

— Ну так пиши, — проронил художник, даже не вынимая изо рта кисти и не прекращая грунтовать холст. Это было просто оскорбительное равнодушие.

— Но я не знаю, — сказал автор, — как мне этих искусственных рабочих назвать. Я бы назвал их лаборжи, но мне кажется, что это слишком книжно.

— Так назови их роботами, — пробормотал художник, не выпуская изо рта кисточки и продолжая грунтовать...».

Так с легкой руки Йозефа Чапека и вошло в мировую литературу новое слово.

4. Как звали знаменитого янки из Коннектикута в романе М. Твена!

«Любой и каждый, заглянув в вышеупомянутую книгу, даст правильный ответ», — не без ехидства заметил нам один из читателей. «Марк Твен... так и не дает настоящего имени Янки из Коннектикута, — читаем мы в другом письме. — Я сам заново перечитал весь роман и не нашел его имени...» Коммен-

тарии, как говорится, излишни, а истина, как это часто бывает, лежит посредине. «Королевского министра сэра Хозяина» (он же — «великий чародей Эй-Ты-Плюхни-В-Грязь», он же — «Тощий Джим» и он же — старший мастер-механик из города Хартфорд, штат Коннектикут, — этот перечень имен и титулов представил нам В. Бригадир из г. Мурманска) звали Хэнком Морганом, но Марк Твен сообщает о том лишь однажды. Не верите? Проверьте! Как это и сделали по крайней мере 36 наших читателей, истинно последопытски раскрывших инкогнито знаменитого янки.

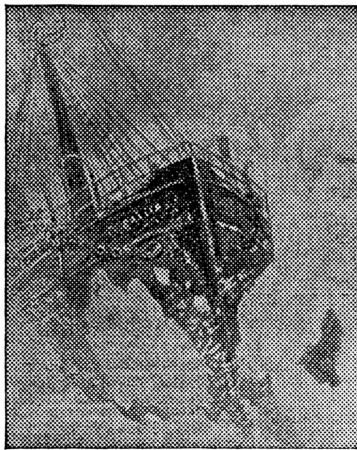
5. В каких романах и повестях действие происходит на Северном полюсе!

Из 62 произведений, в общей сложности перечисленных нашими читателями в ответах на этот вопрос, после весьма тщательной проверки 7 оказались случайными, в 22 других действие полностью или частично происходит, правда, в Арктике, но даже в самом лучшем случае (роман Гейнца Фивега «Солнце доктора Бракка») — в целых восьми градусах от Северного полюса, еще в 9 речь идет вовсе и не об Арктике, а об Антарктиде. Что же остается? А не так уж и мало, — ответим мы, поскольку имеем в своем распоряжении ответ В. Климова (г. Ленинград).

Итак, слово — В. Климову:

«С завершением эпохи географических открытий на Земле почти не

ФАНТАСТЫ И СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

Исследователи, пытавшиеся на кораблях проникнуть к полюсу, нередко попадали в бедственное положение, сходное с тем, в каком оказалась «Галлия» в романе Л. Буссенара «На Северном полюсе».

Путь в высокие широты мог быть продолжен лишь вот таким образом (вы видите на рисунке прославленного Жюлем Верном капитана Гаттераса) — если только на помощь не приходила...

...фантастическая техника. Воздушный корабль, изображенный здесь в типичной для второй половины прошлого века манере, несет к полюсу героев романа Н. Н. Шелдонского «В мире будущего».

осталось белых пятен, и для конца XIX — начала XX вв. характерно, что у писателей-фантастов действие их романов и повестей происходит на таинственном и загадочном Северном полюсе, куда безуспешно пытались добраться реальные исследователи. Некоторые писатели, начиная с Жюль Верна и его романа «Путешествие и приключения капитана Гаттераса», подходили к «проблеме полюса» с чисто научной точки зрения, и поэтому их прогнозы оказались недалеко от истины. Ж. Гро («Вулкан на льду»), В. Битнер («Как я отыскал Андрэ у полюса»), капитан Данри («Робинзоны воздуха»), Д. Рик («Царица Северного полюса») вместе со своими героями ничего, кроме льдов, на полюсе не находят. Больше повезло команде рыболовного судна в рассказе В. Ольдена «Предшественник Нансена», которая неделю жила на полюсе у местных обитателей — потомков древних датчан, и там было вовсе не так холодно, как предполагали ученые. Неплохо жилось на полюсе и герою романа М. Йоккаи «20000 лет подо льдом», которого позабыла очередная полярная экспедиция; правда, питаться ему пришлось мясом мастодонтов и других древних животных, «законсервированных» во льду. В романе Л. Буссенара «На Северном полюсе» французы (а также, добавим от себя, и голландцы в повести Ж. Кларети «Море Свободы». — Ред.) находят на полюсе озеро чистой от льдов воды. В рассказе Н. Жураковского «Тайна полярного моря» шведский ученый Андрэ открывает земли, населенные бежавшими из России чукчами; неве-

домые земли со страшными чудовищами находят на полюсе герои Е. Лаумана («Вести из бутылки»); а у Курда Лассвица в романе «На двух планетах» на полюсе уже давно обосновались марсиане.

В 1908 году американец Ф. Кук достиг полюса (точнее, объявил об этом, но не представил в подтверждение никаких доказательств; оттого принято считать, что первым на собачьих упряжках достиг заветной точки Роберт Пири 6 апреля следующего, 1909 года. — Ред.), и этот факт подрезал фантастике крылья. Правда, можно было еще фантазировать по поводу технических средств достижения полюса, что и делали М. Волохов («В стране полуночи», 1910), Н. А. Рынин («В воздушном океане», 1924), М. Водопьянов («Мечта пилота», 1936), Г. Байдуков («Через два полюса», 1937), но реальные возможности добраться до полюса благодаря подвигам полярных исследователей становились все более простыми, и вскоре полюс покинул страницы фантастических романов, оставив фантастике в качестве поля действия обширные пространства Арктики...»

К ответу В. Климова нам остается добавить немногое.

На воздушном шаре первым пролетел над Северным полюсом «некий Ганс Пфааль» в рассказе Эдгара По (1835), — сообщает нам Б. И. Зильберштейн (г. Харьков). «Но увы! — добавляет уже сам Ганс Пфааль. — Я поднялся на такую высоту, что ничего не мог рассмотреть в подробностях...»

В списке В. Климова упущен роман Н. Н. Шелонского «В мире будущего» (1892), герои которого обнаруживают в районе Северного полюса обширный гористый материк, а в «точке пересечения земных линий» — невесту кем сооруженную тысячи лет назад гранитную колонну, увенчанную высоким металлическим шпилем. Материк же (а на нем — республику «Северный полюс») находят и герои «Дневника Андрэ», написанного отнюдь не знаменитым шведским смельчаком, — подробнее см. статью А. Блюма в № 3 нашего журнала за 1973 год.

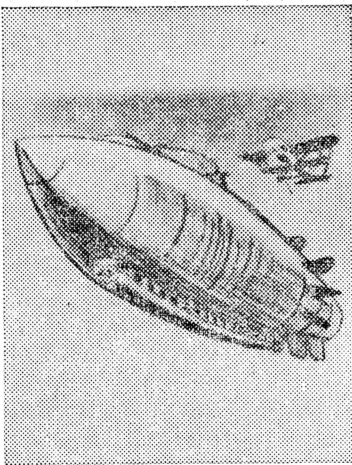
От самой южной точки нашей страны до самой северной, где едва не разбивается о ледяные торосы, совершает перелет дирижабль «Альфа» в романе А. Беляева «Воздушный корабль» (1934—35).

Встреча нового — 2906 — года во дворце на Северном полюсе описана в рассказе «Тост» (1906) А. И. Куприным.

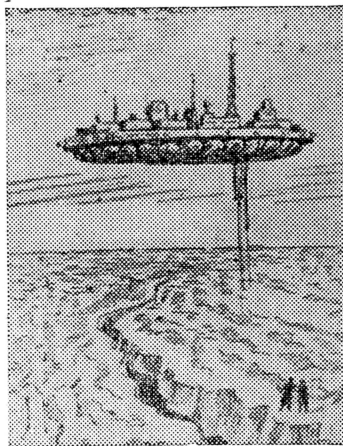
И, наконец, о попытках практического использования Северного полюса, — с помощью читателей нам стали известны три таких попытки писателей-фантастов.

Герои романа Ж. Верна «Вверх дном» (1889), в отличие от капитана Гаттераса, отнюдь не углублялись лично в ледяные просторы Арктики. Тем не менее они создали Арктическую промышленную компанию для эксплуатации «областей вокруг Северного полюса, находящихся за 84° северной широты». С какой конкретно целью и что из этого вышло — ответить на эти во-

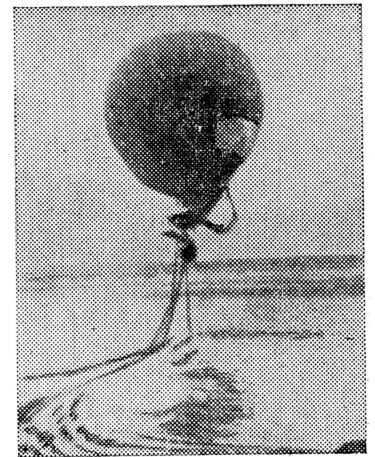
● ФАНТАСТЫ И СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

А здесь, устремившись от самой южной точки нашей страны к самой северной, деловито покрывает небо воздушные пространства дирижабль «Альфа» (роман А. Беляева «Воздушный корабль»).

Поддерживаемая газопонтонами и управляемая при помощи реактивных двигателей, неподвижно парит в воздухе полярная метеостанция «Арктания» из одноименного романа Г. Гребнева.

А это — реальный «Орел», воздушный шар, на котором 11 июля 1897 года Соломон Андрэ стартовал к полюсу со Шпицбергена. Лишь до 82°56' северной широты долетел на нем знаменитый швед...

просы вы сможете и сами, перелистав страницы книги.

Над Северным полюсом, на высоте ста метров, с помощью ракетных двигателей удерживается в неподвижном состоянии метеостанция «Арктания» в одноименном довоенном романе Г. Гребнева, переработанном позднее в повесть «Тайна подводной скалы» (1955). И, наоборот, «под» Северным полюсом встречаются советские и американские монтажники, ведущие прокладку трансконтинентального подводного туннеля в романе А. Казанцева «Арктический мост» (1946)...

Даже если мы и не исчерпали произведений, в которых фигурирует Северный полюс, полагаем все же, что глубоко задумается девятиклассник Эдуард Грюнвальд из г. Душанбе, излишне оптимистически воскликнувший в своем письме: «А про Южный-то полюс намного больше!..» Так ли это? Хотите — верьте, а захотите — проверьте. Ну, а проверите — сообщите нам.

6. Кто из фантастов первым отважился покинуть пределы Солнечной системы!

Поскольку мы не взяли в привычку слово «покинуть», читатель вправе ответить коротким и решительным: «Никто!» Если же не подходить к делу столь буквалистски, то окажется, что этот — самый сложный из предложенных нами — вопрос имеет, так сказать, несколько «горизонтов».

Если говорить о послевоенной

советской фантастике, то безусловно правы те, кто считает, что эру межзвездных перелетов открыли в нашей литературе знаменитая «Туманность Андромеды» И. А. Ефремова (1957) и предшествовавший ей рассказ В. Савченко «Навстречу звездам» (1955), впечатляюще проиллюстрировавший относительность времени при субсветовых скоростях.

Но наш вопрос можно обратиться и ко всей мировой фантастике XX века. Такая его трактовка требовала серьезной исследовательской работы (ведь далеко не все — даже из лучшего — переведено на русский язык!), и нам приятно было убедиться, что многие наши читатели на такую работу отважились. 9 участников викторины пришли к выводу, что первыми в Большой Космос вышли «отцы» американской «космической оперы», из которых чаще других (иногда со ссылкой на работы Ю. Кагарлицкого и Е. Парнова) называлось имя Р. Хайнлайна, автора романа «Сироты неба» (1940). Но раньше появился «Космический жаворонок» Э. Смита — в 1928 году, — сообщают нам В. Ежов из Ленинграда, Ю. Латышев из Челябинска, Г. Фуксман из Кировской области. Казалось бы, «первенец» найден; вот и американский исследователь Сэм Московитц в своей работе «Искатели завтрашнего дня» (Нью-Йорк — Кливленд, 1968) довольно категорически утверждает: «Воображение фантастов вывела за пределы Солнечной системы книга Эдварда Е. Смита...» И тем не менее...

К сожалению, никто из ответив-

ших на викторину не вспомнил о романе советского фантаста Виктора Гончарова «Межпланетный путешественник» (1924). Оно, впрочем, и понятно: довоенная наша фантастика немногим более доступна сегодня, чем та, что вообще не издавалась на русском языке... Между тем, пусть довольно наивно для наших дней, рассказывалось в романе В. Гончарова о вещах, по духу вполне современных: о полетах в межсолнечных пространствах, о посещении двойников нашей планеты — иногда ушедших вперед, а иногда и приотставших от Земли в своем развитии. Одна из частей романа — в пику не очень-то «звездному» его названию — именуется: «Комбинации Вселенной»... Именно роман В. Гончарова был подлинным первенцем «инозвездной» фантастики XX века.

А вот еще один «горизонт»: разве не увлекательно заглянуть в глубь, в истоки фантастики?

При всем нашем восхищении Орфеем, певшим о жизни на других звездах, при всем преклонении перед «космическими подвигами» Этаны (древнеавилонский эпос о Гильгамеше, около XX в. до н. э.), мы все-таки полагаем, что мифы и легенды древности — краеугольный камень общечеловеческой культуры в целом, а отнюдь не безраздельное «родовое владение» одной только фантастики.

С сожалением придется обойти нам и выдающееся произведение мировой классики — трилогию Алигьери Данте. Путешествуя в своем

● ФАНТАСТЫ И СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

И твердь, и хляби «находили» фантасты на Северном полюсе! К примеру, «твердь» — в романе Н. Н. Шелонского. «Маркович остановился и водрузил русский флаг на крайней точке севера...»

«Мы находимся на Северном полюсе!.. — восклицают и герои Л. Буссенара, не забывая добавить при этом: — Да здравствует Франция!» Героев Л. Буссенара, как видите, окружают «хляби»...

И все-таки чаще всего в окрестностях полюса фантасты «обнаруживали» вот это — бесконечные и однообразные ледяные торосы, торосы, торосы. Так оно, увы, оказалось и в действительности...

«Рае» с Беатриче по небу, он падает в созвездие Близнецов; но в описании великого флорентийца это созвездие — не более чем чистейшая условность.

Откажемся, кстати, от весьма обильной в нашем дореволюционном прошлом (а на Западе — процветающей и сейчас) мистической фантастики: не приставляя поминутно к термину «фантастика» эпитет «научная», мы тем не менее категорически против того, чтобы называть этим термином фантастику религиозную, оккультную всех оттенков, «черную», откровенно антинаучную.

Наконец, не будем принимать в расчет инозвездных пришельцев, первым из которых был, вероятно, выходец с Сириуса Микромегас в одноименной повести Вольтера, изданной в 1752 году. Ведь это не «они» — к нам, а мы сами должны, по условиям вопроса, вырваться за границы Солнечной системы!

По этой же причине не вправе мы учитывать и наметавшийся дополнительный «горизонт» вопроса — группу произведений, в которых в пределы нашей системы вторгается инозвездное тело, становящееся объектом земных экспедиций. (В советской фантастике такую группу возглавляет, пожалуй, «Небесный гость» А. Р. Беляева, вышедший в 1937—38 гг., — его назвала в своем ответе 13-летняя Нина Булатова из Пермской области). Кажущееся исключением из этой группы — роман Жюль Верна «Гектор Сервадак» (1877). Но именно только кажущееся: хотя комета, оторвавшая от Земли изрядный кусок поверхности, и устремилась прочь, однако же (слово — автору): «Нет! Галлии не суждено было покинуть околосолнечный мир...»

После долгих поисков и размышлений мы сочли разумным остановиться на варианте, с которым нас поддержал один только упоминавшийся уже В. Климов: первыми отважились покинуть Солнечную систему герои «астрономических» романов Камилла Фламариона «Люмен» (1887) и «Урания» (1891). Это по-настоящему серьезные книги, хотя в первой из них по Вселенной путешествует... дух, оставивший брентную оболочку, а во втором описывается сон. Знаменитый в свое время французский астроном-популяризатор вложил в свои книги столько разнообразных строго научных (с точки зрения конца прошлого столетия) сведений, что легко понимаешь условность литературного приема: просто и астроному не виделось в то время реального пути, могущего вывести к звездам.

Закljučая ответ, отметим, что вопрос этот можно было бы повернуть еще и так: кто из фантастов

первым вышел в засолнечные пространства — в качестве пассажира на страницах фантастических книг? Лишь А. Басов (г. Брянск) попытался рассмотреть этот «горизонт»; и нашел он пока только вымышленного Мартина Гибсона, летавшего на Марс в романе А. Кларка «Пески Марса», и... вполне реального Петрония Гая Аматиани, который на заключительных страницах своего романа «Гаяна» (1962) становится членом звездной экспедиции и участвует в ней в последней части трилогии, романе «Парадокс Глебова» (1966).

7. Из какого произведения взят отрывок {«...— Эй! — услышал он, когда пробегал берегом озера. Волк замер. С гребня невысокой дюны ему махала девочка лет пяти...»}? Какие другие произведения на сходную тему — о свободном общении человека с «братьями нашими меньшими» — вы знаете!

На первую половину вопроса ответил, без преувеличения, каждый второй участник викторины: фантастику наши читатели действительно любят и знают! Как написал А. Коновалов (г. Красноярск), «ну, конечно, это отрывок из рассказа Дмитрия Биленкина «Город и Волк»!...» Для несведущих добавим: рассказ был опубликован в журнале «Искатель» (1970, № 6) и в сборнике Д. Биленкина «Ночь контрабандой» (1971).

Что же до второй половины вопроса... Один только А. Басов перечислил в своем ответе 44 произведения, так или иначе трактующих заданную тему! К его списку прочие участники викторины добавили общими усилиями, как говорится, «еще столько, да» полстолька, да четверть столько... Не то чтобы хоть сжато прокомментировать, но даже и просто воспроизвести обширный этот перечень — просто невозможно в нашем общем обзоре. Остается поэтому пообещать читателям непременно вернуться к названной теме в одном из последующих выпусков «Калейдоскопа» — равно как и к массе разнообразнейших «посторонних» вопросов, между делом заданных читателями в ответах на викторину.

Но на один из этих вопросов ответим незамедлительно.

Шестиклассник Толя Алешкин из Пермской области и очень многие другие читатели просят нас о помощи в приобретении фантастических книг.

Дорогие товарищи! Будь у нас такая возможность, мы непременно помогли бы вам. Но редакция не располагает книгами. Не знаем мы, к сожалению, и ни одного магазина, который бы высылал фантастическую ли-

тературу по почте... Обращайтесь за книгами в библиотеки: школьные, районные, городские, областные,— это, пожалуй, единственное, что мы можем вам посоветовать.

Виталий БУГРОВ,
редактор раздела
«Мой друг — фантастика»

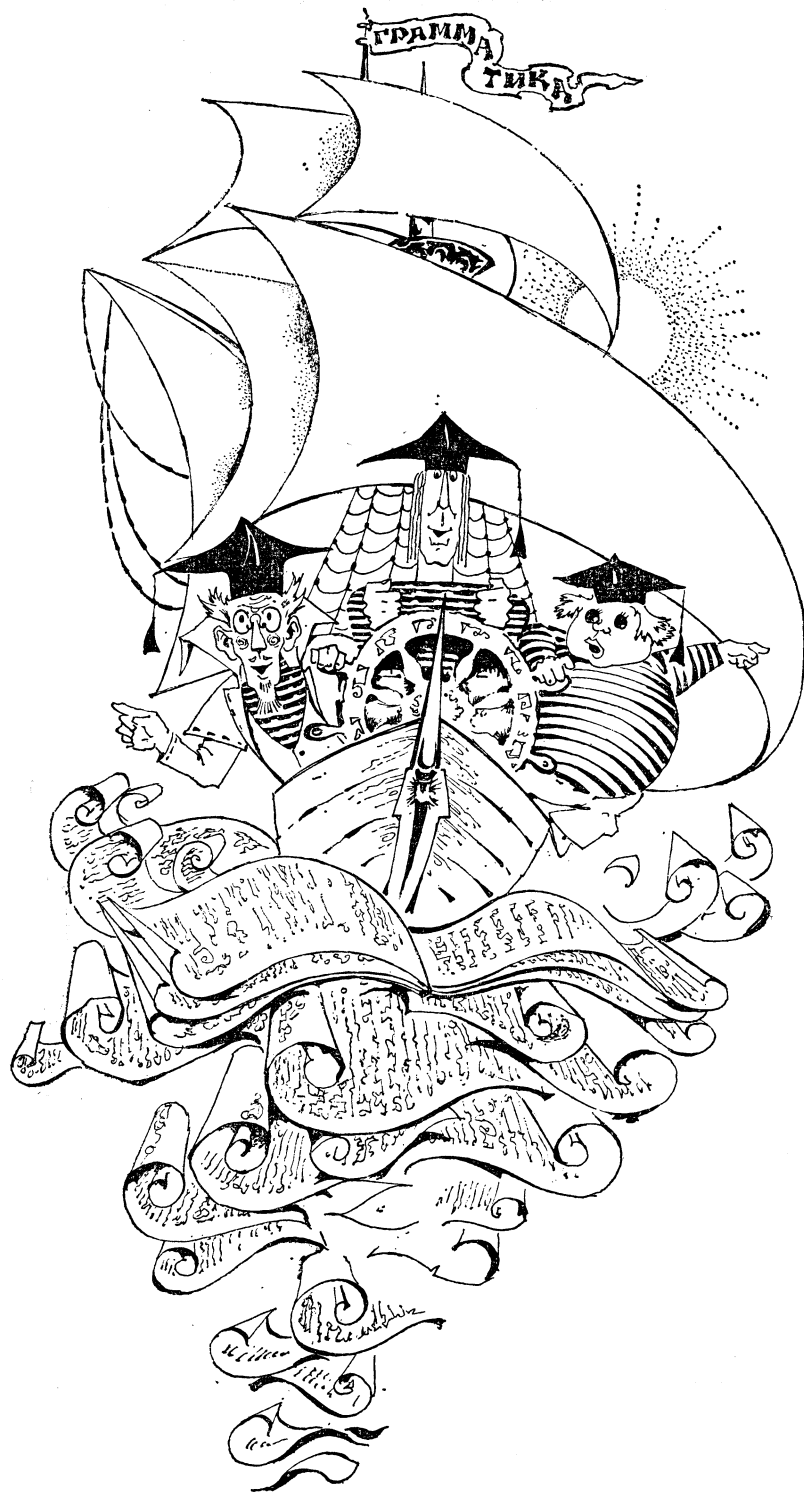

ИТОГИ «ВИКТОРИНЫ-75»

Наиболее точные и полные (подчеркиваем это слово!) ответы на нашу прошлогоднюю викторину прислали: В. Климов (Ленинград), А. Басов (Брянск), Б. Зильберштейн (Харьков), В. Ежов (Ленинград), Г. Фуксман (Сосновка Кировской обл.), И. Халымбаджа (Свердловск), В. Давыдов (Орел), Ю. Латышев (Челябинск), В. Рябчиков (Мурманск), В. Козубов (Белые Воды Чимкентской обл.), В. Бригадир (Мурманск), М. Розинский (Ленинград), а также Н. Кардаш (Красноярск) — «одна из 30% женщин, любящих фантастику», как она о себе написала.

В отдельную группу мы выделили школьников. Лучшие ответы прислали: десятиклассники Евгений Купин (Нижний Тагил), Юрий Олдаковский (Воркута Коми АССР) и Марат Исангазин (Омск), девятиклассники Илья Будницкий (Среднеуральск Свердловской обл.) и Эдуард Грюнвальд (Душанбе), 13-летняя Нина Булатова (Гайны Пермской обл.).

Победителям викторины *высланы книги с автографами писателей-фантастов: «Ошибка создателя» В. Колупаева, Д. Константиновского и Г. Прашкевича, «Третий глаз Шивы» Е. Паркова, «Ур, сын Шама» Е. Войкунского и И. Лукодьянова.*

ТРУЛЮ

**Феликс
КРИВИН**

*Рисунки
Е. Стерлиговой*

Мы стремимся
к далеким гаваням,
Открываем себя ветрам.
Каждый день
мы уходим в плаванье
К Трулюлюповым островам,—
К тем, на картах
нигде не отмеченным,
Хоть открытым уже не раз...
Не попутные ветры,
а встречные
Направляют
в дороге
нас.

ЛЮПОВЫ ОСТРОВА

КАК ПОЯВИЛСЯ
ТРУЛЮЛЮП,
ИЛИ ПУТЬ
К ОСТРОВУ
ПЕРВОМУ,
КОТОРОГО
МОЖНО ДОСТИЧЬ
ЛИШЬ ТОГДА,
КОГДА ПОКИНЕШЬ
НАСИЖЕННЫЙ ПОРТ
И ПОМЧИШЬСЯ
НА ВСЕХ ПАРУСАХ—
НАВСТРЕЧУ
ПОПУТНОМУ ВЕТРУ

Море от океана отличается главным образом величиной, причем разница не всегда в пользу океана. Площадь Тихого океана составляет 180 миллионов квадратных километров, но площадь Книжного моря превосходит его во много раз. Если взять общее количество изданных на земле книг, да помножить на тиражи и количество страниц, то получится примерно

350 БИЛЛИОНОВ
ИЛИ ТРИЛЛИОНОВ —

словом, получится 350 иллионов квадратных километров, с точностью до одного иллиона.

В тот день, с которого начинается наш рассказ, по волнам Книж-

ного моря метался одинокий парусник, по своей неуправляемости напминавший Летучего Голландца, но отличавшийся от Голландца тем, что хоть капитана на нем и не было, но команда все же была. Команда состояла из трех человек, которые действовали на редкость дружно: то все вместе хватались за руль, пытаясь его повернуть одновременно в разные стороны, а то вдруг, как по команде, замечтавшись, опускались на палубу и погружали взгляд в шелестящие волны. В это время в голове Морфа возникали десятки и даже сотни вопросов, которые он, однако, не задавал, поскольку был не в ладу с вопросительными предложениями. Морфа распирало от любознательности, и он презирал себя за эту свою полноту и с завистью поглядывал на тощего, длинного Синта.

Проблемы, смущавшие Морфа, возможно, и были известны Синту, который, благодаря своему длинному росту, видел далеко и славился своей прозорливостью. Но вряд ли Синт думал сейчас о Морфе. Вряд ли думал о Морфе и третий член экипажа, Фон-Этик. Трудолюбивый человек, даже во время отдыха он занимался своей фонетикой: старательно ловил звуки моря, отделяя шипящие от свистящих, глухие от звонких и переднеязычные от заднеязычных... Никто, никто не думал о Морфе, и он затосковал по родной, покинутой неизвестно на кого грамматике.

— Все выражения остались там...— печально кивнул Морф себе за спину, где был их родной остров, славившийся не только звуками и словами, но также целыми выражениями. Этот остров снарядил их в путь на поиски

КНИГИ,
КОТОРОЙ НЕТ
НИ В ОДНОЙ
БИБЛИОТЕКЕ

ТАКАЯ КНИГА
МОЖЕТ ТОЛЬКО
ПРИСНИТЬСЯ

— и надо же ей было присниться не кому-нибудь, а самой принцессе, королевской дочери! Вся грамматика была перевернута, все части речи и члены предложения поставлены на ноги, но книгу нигде не нашли. Потому что, как утверждала принцесса,

*Это должна быть книга
самая веселая
и самая печальная,
самая серьезная
и самая легкомысленная,
самая правдивая
и самая фантастическая*

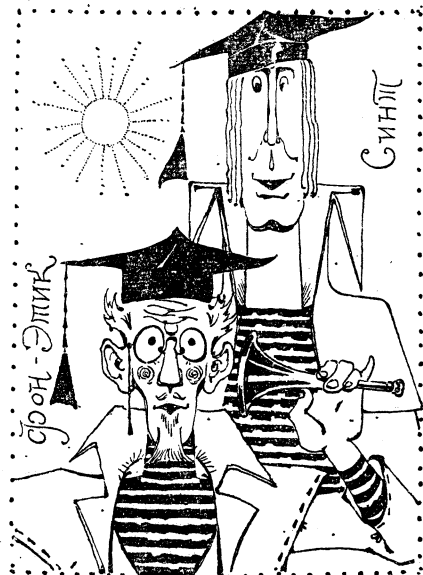
Вы видали такое? Мало ли что кому приснится, а ты потом борозди моря...

Грамматические советники Морф, Синт и Фон-Этик были отправлены бороздить моря, и они бороздили их, подставляли лица встречным ветрам.

Конечно, они не хотели покидать свою родную грамматику, тем более, что не знали, на кого ее можно покинуть.

Грамматика, где ты сейчас? Может, кто-то обижает тебя, нарушает правила правописания, пишет после шипящих Ы или Я, путает разделительный твердый знак с разделительным мягким знаком? Как вы там склоняетесь, прилагательные? Соглашаетесь ли с существительными или изменяетесь сами по себе? Милые безударные гласные, проверяйтесь, где можете, ударением, не бойтесь поставить себя под удар, это только усилит ваше звучание...

«Самая веселая и самая грустная, самая серьезная и самая легкомысленная, самая фантастическая и самая правдивая»... Шелестит стра-

ницами Книжное море, и в шелесте этом и грусть, и фантазия, и веселье... Но чтобы все вместе, в одной книге...

Пока еще ни одна страна не открыта. Ибо фрегатище никуда определенно не движется: он беспомощно дрейфует на волнах и никто не кричит: «Земля!» — земля не видно и направить к ней корабль — некому. Да-да, не удивляйтесь: во всякой грамматике не нашлось ни одного капитана, который мог бы повести корабль. Грамматика, — она сама капитан в Книжном море, но не посадишь же на корабль ее целиком всю...

Синт сказал:

— Вы замечаете, что мы крутим штурвал в разные стороны?

Конечно, их было трое, и каждый тянул к себе.

Положение, однако, не было катастрофическим: из трех матросов всегда можно выбрать одного капитана. Но кого?

Капитан Немо, капитан Грант, капитан Гаттерас, даже капитан Флинт, хоть он и был самым настоящим разбойником, — все это были капитаны, которые знали, куда вести свои корабли, потому что обладали всеми качествами, необходимыми капитану. А попробуйте выбрать капитаном Фон-Этика, какую он отдаст команду? В конце слова пишете В, а произносите Ф? Одно пишете, а другое произносите? Далеко же мы уплывем с такими распоряжениями!

А попробуйте выбрать капитаном Синта, ведь он превратит экипаж в сложноподчиненное предложение, и

мы все у него будем придаточными, а он один будет главным. А почему, собственно, Морф должен быть придаточным Синта?

Так размышлял Морф, отнюдь не претендуя на то, чтобы самому занять ответственный пост капитана. Он понимал, что одним повелительным наклоном не проживешь, и не хотел, чтоб его потом всюду склоняли. И спрягали. Потому что, если завалишь работу, начнут тебя одновременно склонять и спрягать, хотя одного и того же склонять и спрягать по правилам грамматики не положено.

— Я нашел выход, — внезапно сказал Морф. — В трудную минуту нам всегда приходит на помощь морфология.

Он объяснил: нам нужен капитан любознательный, трудолюбивый и прозорливый. Все эти качества должны соединиться, а как? Для этого существует великий закон аббревиатуры. ТРУДОЛЮбне, ЛЮбознательность, Прозорливость... ТРУЛЮЛЮП...

КАК ВАМ ПРАВИТСЯ КАПИТАН ТРУЛЮЛЮП?

Фон-Этик сказал, что это звучит, во всяком случае, с точки зрения фонетики. Но надо, чтоб капитан не только звучал, надо, чтоб он вдобавок еще и работал. Прозорливый Синт сказал, что капитан будет работать: ведь у него на первом месте стоит трудолюбие.

— Ну, допустим, — сказал дотошный Фон-Этик. — Допустим, нам нравится капитан Трулюлюп, допустим, даже он согласится работать, но откуда его взять? Ведь его нет!

— Вы недооцениваете великий закон аббревиатуры.

— Какой аббревиатуры? Мы с вами уже давно не в грамматике. Посмотрите, вокруг открытое море и нигде не видно берега...

— Трулюлюп... — задумчиво сказал Синт. — Мне нравится это имя. Судя по имени, замечательный был бы капитан.

— Синт, и вы тоже? — пожал плечами Фон-Этик. — Извините меня, друзья, но нельзя же так отрываться от действительности!

— А почему нельзя отрываться от действительности? — возразил Синт. — Это что же, есть такое фонетическое правило? В синтаксисе такого правила нет.

— И в морфологии нет, — сказал Морф.

— Вот видите, вы сами придумываете правила, а потом требуете, чтобы им подчинялись. — Синт положил руку Морфу на плечо, выражая

ему свое одобрение.— Что бы вы ни говорили, нам с Морфом нравится капитан Трулюлюп, и мы будем настаивать, чтобы он был нашим капитаном.

— Да здравствует капитан Трулюлюп! — крикнул Морф.

Синт его поддержал, и вдвоем они крикнули еще громче:

— Да здравствует капитан Трулюлюп!

И капитан Трулюлюп тотчас же начал здоровствовать.

Он появился на капитанском мостике, окинул взглядом свою команду и, остановив пристальный взгляд на Фон-Этике, строго спросил:

— Матрос Фон-Этик, а вы почему не кричите: «Да здравствует капитан Трулюлюп?»

— Я не знал, что вы будете здоровствовать... Вы же не здоровствовали...

— А вы что же, кричите «Да здравствует!» только тем, кто здоровствует и без вас? — удивился капитан.— Но ведь тем, кто здоровствует и без вас, совершенно ни к чему кричать: «Да здравствует!»

— Вот это настоящий капитан, — шепнул Синт Морфу, и тот согласился.

— Так куда поплывем? — спросил капитан Трулюлюп.

— Мы ищем книгу, самую веселую и самую грустную, самую серьезную и самую легкомысленную, самую правдивую и самую фантастическую...

— А какую из них раньше?

— Мы ищем только одну. Все это должно быть в одной книге.

— Ясно. На абонементе нет? А в читальном зале? Все ясно! Где моя подозрительная труба?

— Она у вас в руке.

— Правильно. Мне без подозрительной нельзя: капитан должен быть прозорливым.

Он зажмурил один глаз, приставил трубу к другому и стал смотреть.

— Вот... кажется, мелькнуло что-то веселое... А вот и грустное... правда, в другом месте... Ну что ты скажешь: есть правдивое — нет фантастического, появится фантастическое — правдивое куда-то исчезло... Да, Книжное море... Порознь всего хватает... А так, чтобы вместе... этого нет...

Он опустил подозрительную трубу, почесал затылок и сказал:

— Ну, ладно, пока поплывем. Слушай мою команду!

Леваруля!

Праваруля!

Сказать короче — труляля!

Я мореход

И книголюб,

Сказать короче — Трулюлюп!

Морф, которому было поручено сидеть на мачте и смотреть в подозрительную трубу, держался так, как можно держаться только на мачте: с большим достоинством. Он пере-

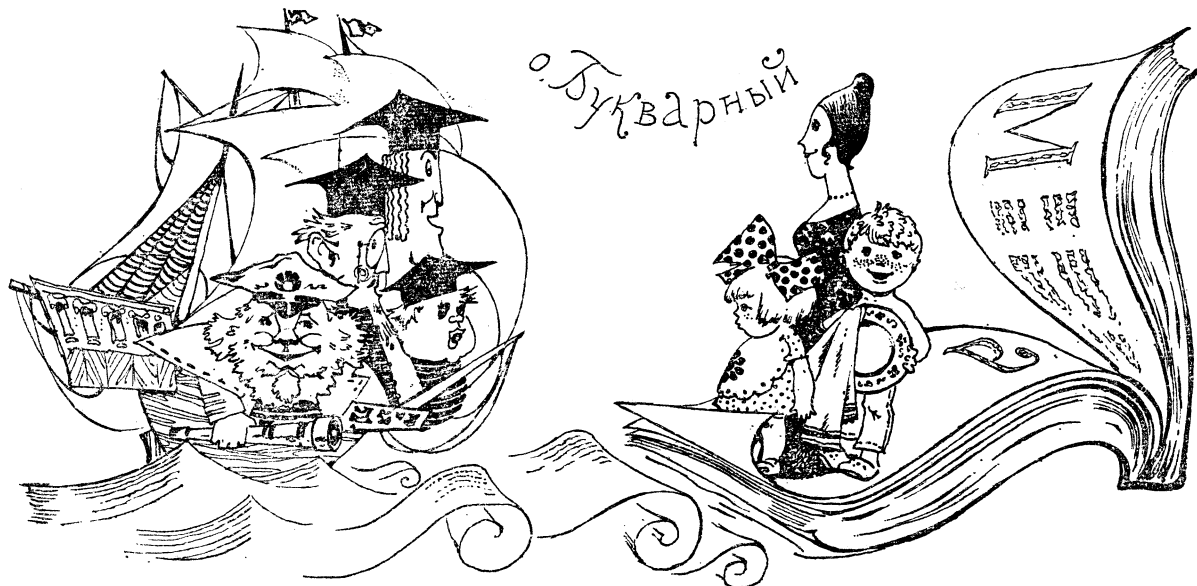
бирал в памяти свою жизнь, которая прежде состояла из одних междометий типа «ох!», «трах!», «бац!», «увы!», «ну и ну!», «о господи!», — а теперь, на верхушке мачты, появились совсем другие междометия: «о!», «ого!», «ого-го!», «ого-го-го!», а также прежнее «ну и ну!», однако уже в другом, более высоком и радостном смысле. Дело в том, что за всю его многолетнюю службу в качестве грамматического советника Морфу еще ни разу не удавалось взобраться так высоко — ни по служебной, ни по какой-либо другой лестнице. Может быть, именно этим объясняется тот факт, что не он, сидевший на мачте и смотревший в подозрительную трубу, а Фон-Этик, вооруженный лишь своим небожественным глазом, крикнул заветное слово:

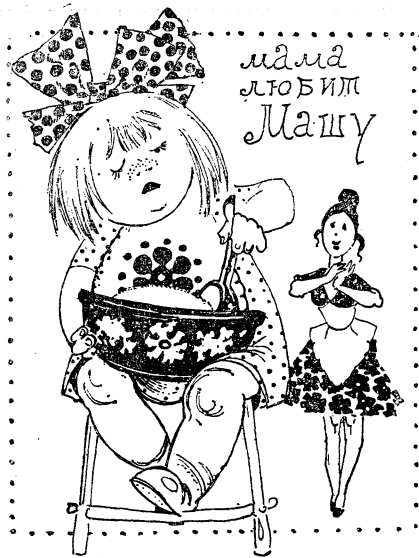
— Земля!

И вскоре фрегат пришвартовался к Букварному острову.

ОСТРОВ БУКВАРНЫЙ

Кому приходилось бывать на Букварном острове, тот знает, что он не может похвастать густотой населения. Ну, Мама. Ну, Маша. Ну, Миша. И больше, кажется, никого нет — разве что Папа и еще,

может быть, Паша. Но в данном случае этих двух последних не наблюдалось.

А наблюдалось, что Маша сидит за столом и ест кашу, которую ей подкладывает Мама, а Миша моет посуду, необходимую для каши, предназначенной Маше. При этом каждый из них говорил в соответствии с букварем:

МИША. Ми-ша лю-бит ма-му.

МАМА. Ма-ма лю-бит Ма-шу.

МАША. Ма-ша лю-бит ка-шу.

— Как она много ест! — почувствовал Морф. — Бедный мальчик не успевает перемывать посуду.

Дело было не в Маше и даже не в каше. Миша любил Маму и старался ей помочь. А Мама любила Машу и старалась ее накормить. А Маша любила кашу... Она ела ее и прихваливала:

— Хо-ро-ша ка-ша у Ма-ши!

И Мама ее за это хвалила:

— Хо-ро-ша Ма-ша у Ма-мы!

А Миша мыл посуду, стараясь Маме помочь, и подбадривал себя:

— Хо-ро-ша Ма-ма у Ми-ши!

И Мама, и Маша, и каша — все для кого-нибудь хороши, а для кого Миша хорош? Этот вопрос задал Морф и тут же получил внушение от капитана Трулююпа:

— Матрос Морф, вы до сих пор не научились читать букварь. Миша вообще хорош, а не для кого-то. Это очень важно: быть хорошим не для кого-то, а вообще.

— Достается ему, — вздохнул Морф. — Тяжело это быть хорошим.

В это время Маша перестала есть кашу, и Мама принялась ее уговаривать:

— Ешь, Ма-ша, ка-шу для Ма-мы! Ешь, Ма-ша, ка-шу для Ми-ши! Смо-три, Ма-ша, у Ми-ши у-ши. А где у-ши у Ма-ши? Ми-ша, спля-ши Маше! Смо-три, Ма-ша, Миша пля-шет. И Ма-ма пля-шет. Ешь, Ма-ша, ка-шу!

Мама и Миша пели и танцевали, потом показывали разные фокусы, — словом, было весело.

— Я всегда говорил, что Букварь — веселая книга, — сказал капитан.

Синту, однако, не нравилась эта самодеятельность, поэтому он решил рассказать девочке сказку. Старую сказку, которую ему самому рассказывали в детстве, когда он не хотел заниматься синтаксисом. Он только кое-что в этой сказке изменил и рассказал ее так:

— В тридевойтой книге, где растут на дереве фиги, на тридесевойтой странице, которой правят царь и царица, жило-было простое распротраненное предложение. И жили-были в этом предложении три члена предложения: МАМА, ЛЮБИТ и МАША. Вместе они читались так: «МАМА ЛЮБИТ МАШУ».

— Как это справедливо! — воскликнула Мама. — Мама любит Машу — правдивей ничего не придумаешь!

— Так вот, — продолжал Синт, — слушайте, дальше. МАМА в предложении была подлежащим, то есть самым главным членом предложения, потому что она заботилась обо всей семье. ЛЮБИТ было сказуемым, тоже главным членом предложения, потому что им объяснялись все МАМИНЫ заботы. А МАША была дополнением, второстепенным членом. И так это и должно было быть по грамматическим правилам и вообще по правилам жизни. Но — так ково уж свойство материнской любви — МАМА слишком ЛЮБИЛА МАШУ, и ей стало казаться, что не она, не МАМА, а МАША — главный член предложения. И что не МАША является дополнением, а она, МАМА, является дополнением к МАШЕ. И так постепенно МАША привыкла к тому, что она — главный член предложения. И это было очень плохо с точки зрения синтаксиса, а особенно с точки зрения жизни. И когда МАША выросла, никто не стал жить-поживать, добра наживать, а особенно МАША, потому что ее никто не любил, а она с детства привыкла, что ее любили...

Стало грустно, и капитан сказал: — Нельзя ли рассказать более веселую сказку?

— Можно, — кивнул Синт. — В тридесевойтой книге, где растут на дереве фиги, на тридесевойтой странице, которой правят царь и царица, жило-было простое распротраненное предложение: «МИША ЛЮБИТ МАМУ». И хотя МИША был мал, он был главным членом предложения. И знаете, почему?

— Потому что он любил маму, — догадался капитан Трулююп.

— Совершенно верно. Тот, кто любит, может по праву считаться главным членом предложения, если он, конечно, любит не самого себя.

МИША очень любил МАМУ, причем не на словах, хотя в предложении достаточно обходиться словами. Но МИША по-настоящему любил МАМУ, а когда вырос, стал любить и других людей, потому что он с детства привык любить. И за это его все любили и считали его главным членом предложения.

Капитан Трулююп вздохнул и сказал: — Я, например, тоже стараюсь любить не только себя. Это трудно, но я стараюсь.

Маша задумалась. Потом встала и пошла мыть тарелки.

— И-ди, Ми-ша, ку-шай ка-шу, — сказала Маша.

Мудрая книга — Букварь, как многому она учит! В ней самые главные, а потому и самые простые истины. Но не такая уж она веселая, как это хотелось бы принцессе, и не такая она грустная, хотя достаточно правдивая и фантастическая.

Где найти ж ее —

И печальную,

И веселую, и приветную...

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

Прадед Александра Блока

Михаил
КЛИПИНИЦЕР

Среди русских ученых, причастных к изучению естественных богатств Оренбургского края, видное место занимает Григорий Силыч Карелин. 30 лет прожил он в Оренбурге, увлеченно занимаясь географией, этнографией, минералогией, зоологией, ботаникой. Он возглавлял экспедиции на Южный Урал, в Среднюю Азию, на Алтай и Каспийское побережье, его труды и сейчас изучаются учеными, а коллекции украшают музеи страны...

...В тот памятный день двадцатилетний прапорщик Карелин пришел на службу, в Штаб военных поселений в Петербурге, как обычно в форменном сюртуке. Не успел он переступить порог канцелярии, как к зданию подкатила курьерская тройка, и его пригласили занять место в повозке. Прапорщик спросил фельдъегеря, что означает эта поездка, но тот лишь пожал плечами. Долго-долго мчалась тройка и окончательно остановилась только в... Оренбурге.

Почему же граф Аракчеев, до сих пор столь милостивый к нему, поступил так жестоко? Конечно, все дело в чертике и в подписи к нему. Чертика этого, зятянутого в военный мундир, Григорий Карелин изобразил на четвертушке бумаги и подписал: «Без лести предан». Шутка была меткой — все знали, что Аракчеев, желая выслужиться перед императором, избрал себе новый герб с девизом «Без лести предан». И вот шутка завершилась... зачислением прапорщика Карелина в гарнизон Оренбургской крепости.

В первый год жизни в Оренбурге Григорий Карелин женился на Александре Николаевне Семеновой, вос-

питаннице петербургского института благородных девиц. В институте она слушала лекции Плетнева и Греча, познакомилась с Софьей Салтыковой, впоследствии — женой Антона Дельвига, поэта и друга А. С. Пушкина.

Антон Дельвиг посвятил Карелиной стихотворение. Но где оно? Даже в полном собрании сочинений А. А. Дельвига это стихотворение не опубликовано. Отыскать его удалось челябинскому краеведу Э. А. Подтяжину. Случайно, на стене одной из комнат старого дома нашел он листочек из старого журнала «Русский архив», на котором можно было разобрать, что речь идет о Карелиной, Оренбурге, Дельвиге. Перелистав тысячи страниц этого журнала, краевед нашел в третьем томе «Русского архива» за 1885 год на странице 461-й статью, в которой было приведено это «Стихотворение барона Дельвига»:

От вас быть нам, с краев
Востока
Ждать должно песен

и цветов:
В соседстве вашем дух
пророка
Волшебной свежестью

стихов
Живит поклонников Корана;
Близ вас поют певцы

Ирана
Габриз и Сади — соловьи!
Но вы, упорствуя, молчите.
Так в наказание примите
Цветы замерзшие мои.

В тот 1827 год, когда эти стихи с упреком за долгое молчание дошли до Оренбурга и были получены Александрой Николаевной, у Карелиных росли уже две дочери — Софья и Александра.

А третья их дочь — Елизавета, также родившаяся в Оренбурге и вышедшая в 1854 году замуж за ботаника Андрея Бекетова, стала бабушкой будущего поэта Александра Блока.

Александр Блок гордился своими предками, их талантом, их окружением и связями. В юности поэт слышал рассказы о своем прадеде, его «остроумии, веселости нрава, разносторонней учености», о семьях Баратынских, Дельвигов, Аксаковых, Бакуниных,

Тютчевых, с которыми были знакомы Карелины. А о бабушке своей Елизавете Григорьевне Александр Блок писал: «Она была очень начитана и владела несколькими языками, ее мировоззрение было удивительно живое и своеобразное, стиль — образный, язык — точный и смелый».

Из-за болезни Александры Николаевны семья Карелиных продала в Оренбурге свой старый дом и все пожитки и в трех экипажах 12 мая 1842 года тронулась в путь. Через 35 дней Карелины прибыли в Москву. Сначала поместились здесь на квартире, потом приобрели в 35 верстах небольшое имение Трубицыно, где со временем побывает и юный Александр Блок.

Жизнь и труды Григория Карелина описаны в ряде научных работ: Н. В. Павлова — «Г. С. Карелин и его воспитанник и друг И. П. Кириллов», В. И. Липского — «Г. С. Карелин, его жизнь и путешествия», Е. Л. Файнберга — «Первые исследования Каспия».

Интересный портрет Г. С. Карелина, жившего последние свои годы в городе Гурьеве, нарисовал Константин Паустовский в повести «Кара-Бугаз». В ней Григорий Силыч назван «известным и отважнейшим путешественником».

Не в поисках покоя приехал Григорий Силыч в Гурьев и прожил здесь вдали от тихого поместья Трубицыно свои последние годы. Никакого разлада с семьей у него не было, он грустил о ней, любил ее. Но дело жизни сильнее всего. Он приехал сюда потому, что, как пишет один из биографов, «отрава степных просторов уже не могла дать покоя сердцу путешественника».

Правнук Григория Силыча Карелина поэт Александр Блок выразил это строкой, ставшей крылатой: «И вечный бой! Покой нам только снится».

Музей в пещерах

В горах близ поселка Кузнецово Партизанского района Приморского края открылся музей, расположенный в пещерах. Здесь создан научно-экскурсионный комплекс.

Миллионы лет назад на этом самом месте был океан, а горный массив — гигантским коралловым рифом. Водные потоки проложили в его толще русла, а в известковых скалах образовались карстовые полости.

Каменные ступеньки ведут вниз. Открывается железная дверь — вход в музей. Высоко в расщелинах светят электри-

ческие лампочки. Вот пролетела летучая мышь, сверкнули глаза совы — водятся и они здесь.

Узкая тропинка ведет в другую пещеру. В ней были найдены орудия труда первобытных людей, кости древних животных.

А вот и сами первобытные люди: мужчина и женщина сидят у костра... Это, конечно, скульптуры.

В горном массиве открыто 28 пещер. Многие из них еще не обследованы.

Отец великого композитора

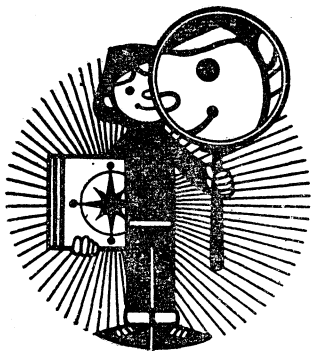
Имя Ильи Петровича Чайковского, отца гениального композитора Петра Ильича Чайковского, стоит в ряду крупных деятелей уральской промышленности XIX века.

Род Чайковских был прочно связан с Уралом. Дед композитора, Петр Федорович, до приезда в Вятский край в 1782 году служил городским лекарем в Кунгуре. На Ижевском заводе в начале XIX века жили его дочери, вышедшие замуж за горных чиновников. На этом же заводе в 1808 году начинал трудовой путь Илья Петро-

вич. А в 1811 году он работал на Воткинском заводе в чине унтершхтмейстера. Через четверть века И. П. Чайковский вернулся в Воткинск подполковником корпуса горных инженеров, начальником Камско-Воткинского завода. Работал Илья Петрович Чайковский и управляющим Алапаевского завода.

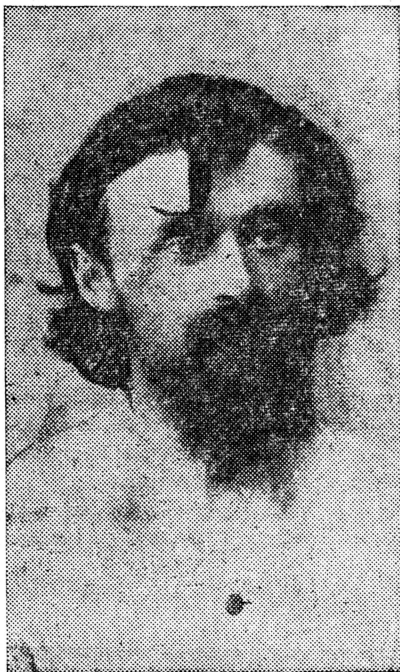
В 1824 году И. П. Чайковский проводил геологические исследования в Новгородской губернии и был первым, кто применил научные методы в изучении главного девонского поля. Во время пребывания его

на посту директора Петербургского Технологического института в 1858—1863 годах это учебное заведение из «школы мастеров» превратилось в подлинный научно-технический центр. По его приглашению в институт пришли Д. К. Чернов — основатель русской металлографии, И. А. Вышнеградский — автор теории автоматического регулирования и другие известные деятели русской техники. Так случилось, что незаурядная жизнь Ильи Петровича Чайковского постоянно находится в тени славы великого сына.

МИР

НА ЛАДОНИ

Сойотская старина

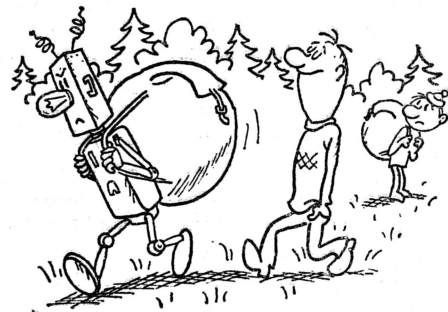
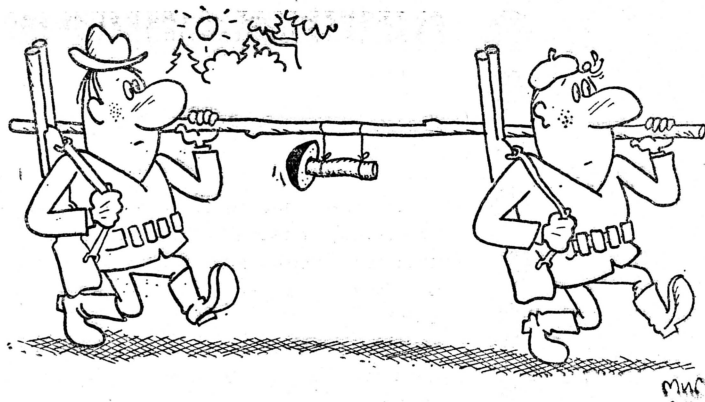
Этому человеку было 20 лет, когда его, студента юридического факультета Варшавского университета, сфотографировали в тюрьме перед отправкой в Сибирь, в Нерчинск, за участие в польском освободительном восстании.

Феликс Кон, ставший впоследствии известным ученым, литератором, живя в ссылке среди сойотов (так при царизме именовались тувинцы), изучал их быт, древнее искусство. Почти две с половиной тысячи образцов старинной национальной одежды сойотов, украшений, поделок из мягкого камня, дерева, шкур животных составляет коллекция, собранная Коном.

Редкие вещи сойотской старины экспонировались на Всемирной выставке в Париже. Европейцы были удивлены и очарованы народным искусством.

Сейчас коллекция, собранная Ф. Коном, хранится в Ленинграде.

На снимке: Ф. Я. Кон, редкая фотография 1885 года.

Рисунки
В. Милейко
(г. Ленинград)

— А я тут!

Что такое самолет?

Улыбаясь, вы, конечно, ответите, что это обычная воздухоплавательная машина. Однако были самолеты и иные.

Вот рассказ о том, как войска Петра I заняли крепость Орешек и город Шлиссельбург, стоящий у истоков Невы: «Особый отряд был переправлен на правый берег и овладел находившимися там укреплениями, прервав сообщение крепости с Ниеншанцем, Выборгом, Кексгольмом. Флотилия блокировала ее со стороны Ладожского озера. На самолете была устроена связь

между обоими берегами Невы...»

Эти самолеты — обыкновенные самоходные паромы. На таких паромо-самолетах перебирались через реки наши понтонеры и в годы Великой Отечественной войны.

Ярославский крепостной изобретатель Федор Малышев делал сохи-косули и плуги с приспособлениями для удобной перекидки их из борозды в борозду. Он назвал их самолетами, ибо они легко переставлялись с места на место. На выставках в Ярославле показывались и ручные ткацкие станки, которые тоже именовались самолетами — у них были приспособления для более удобной перекидки челнока.

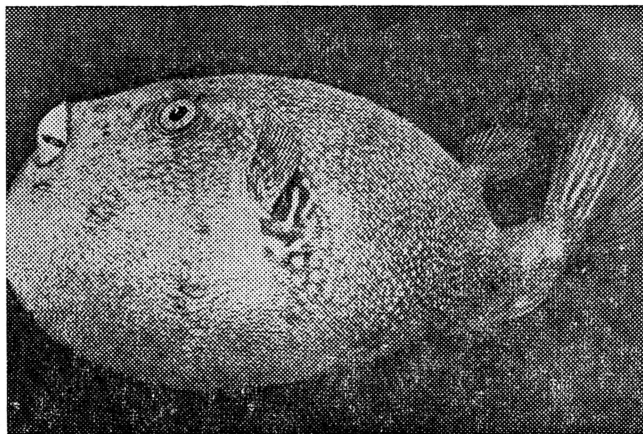
Рыба...

на футбольном поле

Нет, эта рыба не ходит посуху, как, скажем, угорь, не сродни она и тригле, передвигающейся по морскому дну на иглах-ходулях. Эта рыба заменяет детворе футбольный мяч. Обитает рыба-мяч среди коралловых рифов близ островов Индонезии. Попав на крючок, рыба, чувствуя смертельную опасность, мгновенно надувается и превращается в колючий шар. В таком виде она засыхает.

Удачливый юный рыбак подвешивает рыбу-шар на просушку. Через несколько часов острые иглы скатываются, как горох. Рыба высыхает, не теряя своей круглой формы. Теперь ею можно играть, как мячом.

Используется эта рыба и для получения красной краски. 200—300 граммов красителя выделяет каждая рыбина.

На цепи... книга

На этой выставке книг библиофилы увидели удивительные издания, редкостные... Например, вот книжища. Она напечатана в шестнадцатом веке. Толстенный том имеет железную цепь, которой его приковывали к столу. А это — коллекция латинских рукописей XII—XIV веков. Рядом с ними инкунабулы, первопечатные книги пятнадцатого века. Старинная «Нюрнбергская хроника» проиллюстрирована двумя тысячами великолепных гравюр. Роскошны издания, исполненные венецианскими печатниками Альдами. Любопытна «Книга моды» на французском языке, отпечатанная в середине восемнадцатого века по частям — желтой, синей, красной, коричневой и другими красками. «Месяцеслов», изданный при Петре Первом, произведения Петра Могилы, россыпь альманахов восемнадцатого и девятнадцатого веков...

Так рассказывала русская газета «Правительственный вестник» об одном из отделов первой всероссийской выставки печатного дела, открывшейся девяносто лет назад в здании центрального училища технического рисования в Петербурге.

Возможно, современные книголюбцы знают не о всех названных в репортаже книгах, а услышав о них, отыщут редчайшие издания...

Проблемы шельфа

Легче всего добыть около девяноста процентов нефти, газ, серу, строительные материалы с шельфа, на долю которого приходится десять процентов площади океана. Но здесь нерестится и кормится

около девяноста процентов всей морской рыбы, напоминают экологи. Надо семь раз отмерить, чтобы не получилось так: возьмешь в море минералов на копейку, а рыбы потеряешь на рубль.

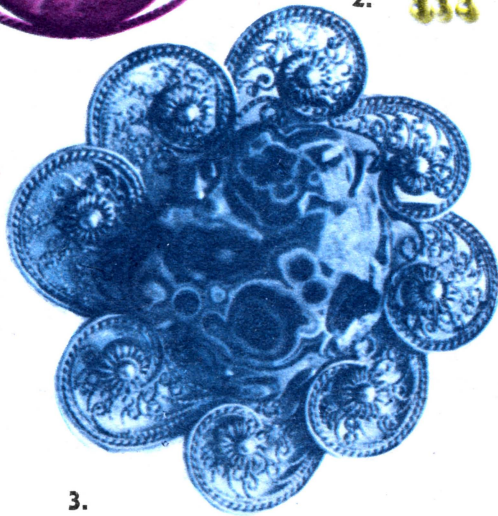
Уральская филигрань

1.

2.

3.

Восемнадцать лет назад на Свердловском ювелирном заводе было организовано филигранное производство. Художница Н. А. Стаценкова, старший мастер С. Г. Очеков, опытные ювелиры Е. М. Горкунов, А. А. Урядников были первыми учителями уральских филигранщиков.

Уральская филигрань пользуется повышенным спросом на рынке потому, что она очень гармонирует с уральскими самоцветами.

Только в прошлом году было выпущено около 100 тысяч различных изделий. На фабрике делают двадцать фасонов оригинальных украшений. Ювелиры Урала посылают броши, кольца, серьги в десять стран. Особой популярностью за рубежом пользуются серьги «Уральская легенда», автор — Н. А. Стаценкова.

На снимках:

1. Филигранный кулон с агатом. Автор — художница Н. А. Стаценкова;
2. Филигранные серьги с яшмой. Автор — художница Н. А. Стаценкова;
3. Брошь филигранная с малахитом. Автор — художник В. У. Комаров.

Сенсация рифея

Удастся ли когда-либо увидеть в древнейших отложениях не только первичные организмы, а и саму картину деления прапраклеток?

И вот отложения Русской и Сибирской платформ, относящиеся к позднему рифею (около 900 миллионов лет назад), подарили долгожданный материал. На уникальном отпечатке видно, что эукариотические организмы того непредставимо далекого времени размножались делением почти так же, как современный растительный планктон в океане.

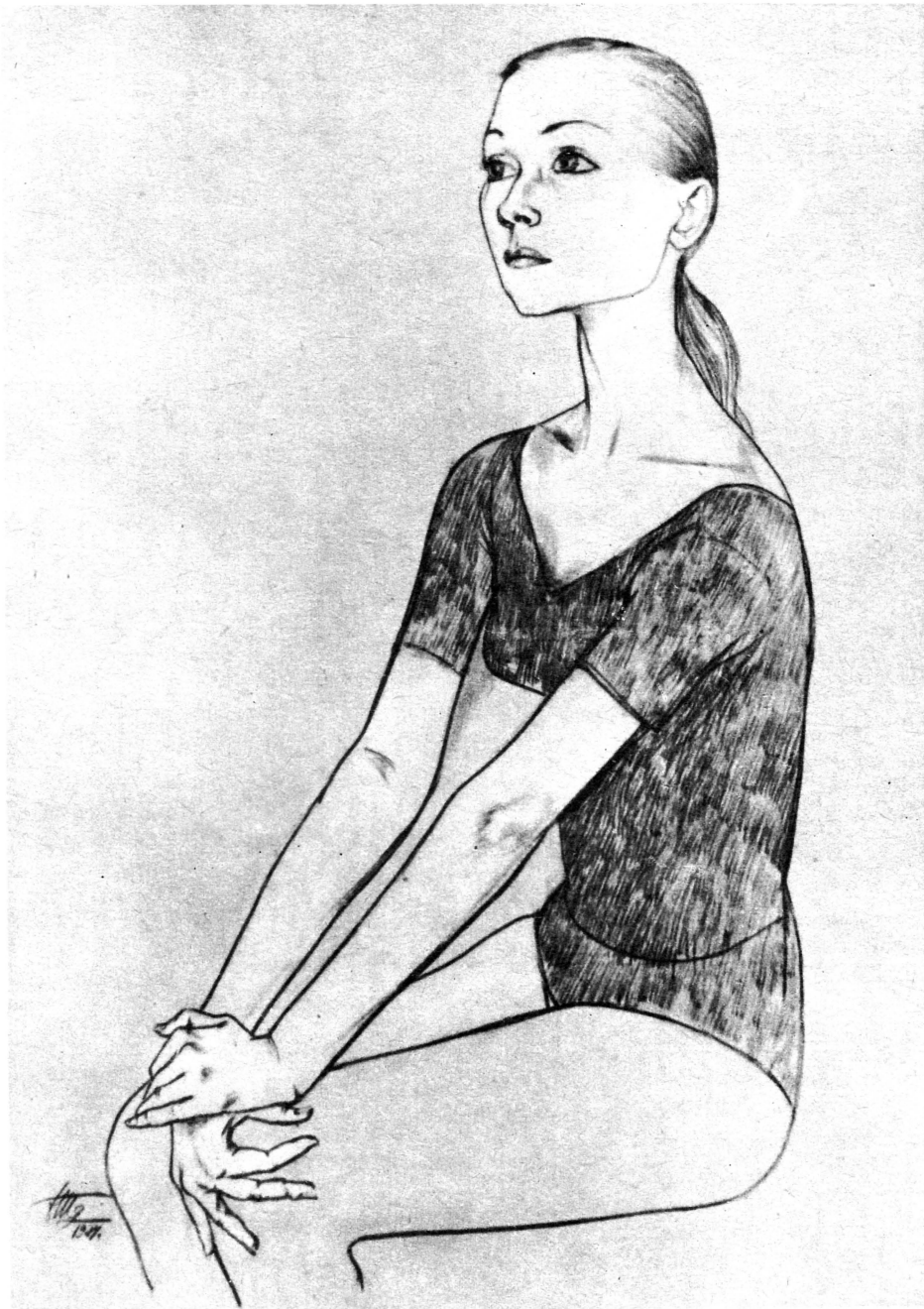

Посвящена Рублеву

Все изображения на почтовых марках выполняются в уменьшенном размере по сравнению с оригиналом — будь то произведение живописи, скульптура, портрет или что-либо иное.

С почтовой маркой, посвященной 600-летию со дня рождения Андрея Рублева, случилось обратное. Для рисунка решили взять старинную миниатюру «Андрей Рублев пишет образ Спаса» из книги «Житие Сергея Радонежского». Но она настолько мала, что для изготовления почтовой марки пришлось несколько увеличить рисунок. Таким образом, появилась увеличенная миниатюра на почтовой миниатюре.

БАЛЕРИНА. Рисунок карандашом.
Борис ШАПКО (г. Свердловск)

— Многие слова со временем теряют первоначальное значение. Вот, например, слово «ремонт». Это слово французское и означало раньше «пересечь на свежую лошадь»... Ну вот, сейчас копыта замоем,

и на сегодня все. Давай воду! — Панама тащит ведро Борису Степановичу. Довольный, растертый соломенным жгутом, Конус весело хрупаёт сено. Он выздоравливает...

**ПОВЕСТЬ БОРИСА АЛМАЗОВА «САМЫЙ КРАСИВЫЙ КОНЬ»
ЧИТАЙТЕ СО СЛЕДУЮЩЕГО НОМЕРА ЖУРНАЛА**